

КЛАЙВ
БАРКЕР

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА

КЛАЙВ БАРКЕР

ВОССТАВШИЙ
ИЗ АДА

Sergiu

ЭКСМО

ЭКСМО

КЛАЙВ БАРКЕР

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА

«ДОМИНО»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
МОСКВА
ЭКСМО
2004

УДК 820
ББК 84(4 Вел)
Б 25

Clive BARKER
THE HELLBOUND HEART
© 1986 by Clive Barker

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Художник *А. Бойков*

Б 25 **Баркер К.**
Восставший из ада. — М.: Изд-во Эксмо;
СПб.: Изд-во Домино, 2004. — 256с., илл.
(Мистика).

ISBN 5-699-05434-0

Шкатулка, некогда сотворенная игрушечных дел масте-
ром Лемаршаном и открывающая путь в иные измерения...
Таинственный орден сенобитов, изведавших наивысшее
наслаждение, которое недоступно обычному человеку... И
врата самого ада. распахнувшиеся в наш мир.

«Восставший из ада» стал мировой классикой мистики,
а по мотивам этого романа создан культовый сериал (ре-
жиссером и автором сценария первого фильма выступил
сам Клайв Баркер).

УДК 820
ББК 84(4 Вел)

ISBN 5-699-05434-0

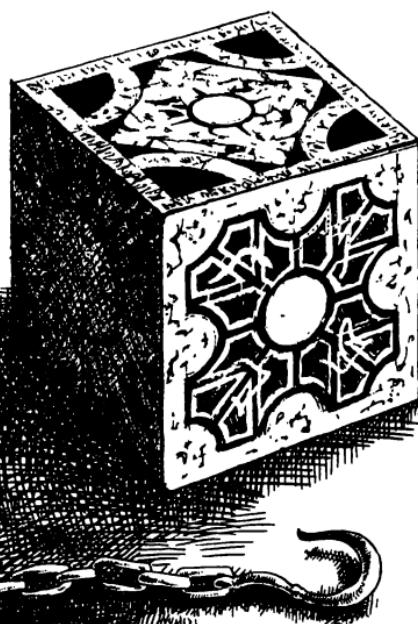
© Н. Рейн, перевод с английского, 2004
© ООО «Издательство «Эксмо»,
оформление, 2004
© Издательство «Домино», 2004

Посвящается Мэри

*«Мечтаю я поговорить с влюбленными тенями
Тех, кто погибли до того, как Бог любви
Родился...»*

Джон Донн «Обожествление любви»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фрэнк был так поглощен разгадыванием секрета шкатулки Лемаршана, что даже не заметил, когда зазвонил колокол. Шкатулка была сконструирована настоящим мастером, знатоком своего дела, а главный секрет состоял в том, что она якобы содержала в себе чудеса, подобраться к которым было невозможно — шесть ее лакированных сторон надежно хранили тайну. Чтобы разобрать эту трехмерную головоломку, нужно было нажать на определенные точки, вот только на какие именно и в каком порядке?

Фрэнк уже сталкивался с подобными головоломками в Гонконге. Типично китайское изобретение, создание метафизического чуда из куска твердой древесины; правда, в данном случае китайская изобретательность и технический гений соединились с упрямой французской логикой. Если в разгадке головоломки и существовала система, то Фрэнк оказался бессилен ее понять. Однако после нескольких часов проб и ошибок легкое перемещение подушечек

чек большого пальца, среднего и мизинца вдруг принесло желанный результат, раздался еле слышный щелчок, и — о, победа! — один из сегментов выдвинулся вперед.

Фрэнк тут же сделал два открытия.

Во-первых, внутренняя поверхность шкатулки была отполирована до блеска. По лаку переливалось отражение его лица — искаженное, разбитое на фрагменты. Во-вторых, этот Лемаршан, прославившийся в свое время изготовлением заводных поющих птичек, сконструировал шкатулку таким образом, что при открывании ее включался некий музыкальный механизм — вот и сейчас протренькало короткое и довольно банальное рондо.

Воодушевленный успехом, Фрэнк с энтузиазмом принялся исследовать шкатулку дальше, вскоре обнаружив новые варианты дальнейшего в нее проникновения — паз с желобком и смазанную маслом втулку, надавливание на которую позволило проникнуть чуть глубже в тайну головоломки. И с каждым новым нажатием, полуповоротом или толчком в действие приводился очередной музыкальный элемент — мелодия звучала контрапунктом, пока первоначальные ее ноты не таяли, словно бы заглушенные резьбой.

В один из таких моментов и начал звонить колокол — мерный и мрачный звук. Он не слышал его, во всяком случае, не осознавал, что слышит. Но когда головоломка была почти разгадана и шкатулка стояла перед ним, распахнув свои зеркальные внутренности, Фрэнк вдруг ощутил, что желудок его бук-

вально выворачивает наизнанку от боя колокола, звонившего, такое впечатление, уже целую вечность.

Он поднял голову. На несколько секунд ему показалось, что звук доносится с улицы, но он быстро отверг эту мысль. Шкатулку Лемаршана он взял в руки почти в полночь, и с тех пор миновали несколько часов — он даже не заметил, как они прошли, и ни за что бы не поверил в это, если бы не стрелки на циферблате его наручных часов. Кроме того, церкви в этом городке — как ни прискорбно для прихожан — не было вовсе, да и что за храм будет созывать на службу в такой поздний час?

Нет. Этот звук доносился откуда-то издалека, словно через ту самую все еще невидимую дверцу, которая скрывалась в чудесной шкатулке Лемаршана. Выходит, Керчер, продавший ему эту вещицу, не обманул. Фрэнк находился на пороге нового мира, страны, бесконечно далекой от той комнаты, где он сейчас сидел.

Бесконечно далекой и тем не менее столь близкой теперь.

Эта мысль заставила сердце биться быстрее. Он так предвкушал близящееся мгновение, так ждал этого мига, всеми силами воображения стараясь представить, как это будет, когда завеса приподнимется... Еще несколько секунд — и они будут здесь, те, кого Керчер называл сенобитами, теологами Ордена Гэша. Отозванные от своих экспериментов по достижению наивысшего блаженства, они, бессмертные разумом, шагнут сюда, в мир дождя и разочарований.

Всю предшествующую неделю Фрэнк не покладая рук готовил свою комнатку к их визиту. Вымыл и выскоблил голые половицы, после чего усыпал их лепестками цветов. На западной стене он соорудил нечто вроде алтаря, украшенного традиционными подношениями. Керчер подсказал ему, что должно входить в обрядовую тематику: кости, конфеты, иголки. Слева от алтаря стоял кувшин с его мочой, собранной за семь дней,— на случай, если от него потребуется жест самоосквернения. Справа — тарелка с отрезанными голубиными головами, также приготовленная по совету Керчера, который намекнул, что неплохо будет иметь ее под рукой.

Все было готово для проведения ритуала, ни одна деталь не была упущена. Ни один кардинал, метящий на папский престол, не мог быть более скрупулезен и предусмотрителен в своих действиях.

Однако, когда звук колокола, доносившийся из шкатулки, стал еще громче, Фрэнк вдруг испугался.

— Поздно, слишком поздно... — пробормотал он про себя, надеясь подавить нарастающий страх.

Загадка Лемаршана разгадана, последний элемент скользнул на свое место. Все страхи, все сомнения следуют оставить позади. Чтобы эта встреча оказалась возможной, он рисковал собственной жизнью и рассудком. И вот сейчас перед ним открывались врата, ведущие к наслаждениям, которые были доступны воображению лишь горстки человеческих существ (и лишь единицы были удостоены чести изведать вкус этих даров). К наслаждениям, углубляющим, обостряющим и преображающим само поня-

тие чувственности, к наслаждениям, которые вырвут его из скучного замкнутого круга: желание, сорвращение, разочарование — круга, в котором он был заточен с юношеских лет. Новое знание совершенно преобразит его. Нельзя пережить подобные чувства и ощущения и не перемениться под их воздействием.

Голая лампочка, висевшая под потолком, то тускнела, то разгоралась ярче. Казалось, она следует ритму колокольного звона, и чем громче он становился, тем ярче она разгоралась. В паузах между ударами колокола все отчетливее проступал окутывавший комнату мрак, словно мир, который Фрэнк населял вот уже двадцать девять лет, на краткое время вдруг переставал существовать. Затем снова раздавался удар колокола, и лампочка разгоралась так сильно, что трудно было поверить в предшествовавшую свету тьму, и тогда на несколько секунд Фрэнк вновь оказывался в знакомом мире — в комнате с дверью, ведущей на лестницу, которая, в свою очередь, вела вниз, на первый этаж, и на улицу; в комнате с окном, через которое, имей он волю (или силы) сорвать шторы, можно было бы различить проблески, намекающие на приближение утра.

С каждым ударом свет становился все беспощадней. Наконец восточная стена не выдержала перед его напором и дрогнула, кирпичи потеряли плотность, начали растворяться, и вдалеке Фрэнк увидел то место, где звонил колокол. Это был... мир птиц? В небесах метались огромные черные тени, словно бы терзаемые ураганом... Это все, что он сумел раз-

личить там, откуда сейчас шли иерофанты,— сплошное смятение, мельтешение темных тел, которые поднимались и падали, наполняя темный воздух ужасом.

Потом стена вдруг снова затвердела, и колокол умолк. Лампочка погасла. На сей раз безвозвратно, навсегда.

Фрэнк стоял в темноте, не произнося ни слова. Даже если бы он вспомнил слова приветствий, заготовленных заранее, то все равно был бы не в силах их выговорить. Его язык словно омертвил во рту.

А потом вдруг — свет!

Он исходил от *них*, от четверых сенобитов, которые теперь, когда стена позади них сомкнулась, заполнили, казалось, всю комнату. От них исходило довольно сильное сияние, напоминающее свечение глубоководных рыб,— голубое, холодное, безразличное. Внезапно Фрэнк осознал: он ведь никогда не задумывался, как они выглядят. Его воображение, столь плодотворное и изобретательное, когда речь заходила о воровстве и мелком мошенничестве, было во всех других отношениях не развито. Ему не хватало полета фантазии. Представить себе этих со-зданий он даже не пытался.

Почему же так страшно, так невыносимо глядеть на них? Может, из-за шрамов, которые покрывали каждый дюйм их тел: плоть, истыканная украшениями-иглами, изрезанная, истерзанная и присыпанная пеплом?.. А может, все дело в запахе ванили, который они привнесли с собой, сладковатый запах, почти не заглушавший вони? По мере того как становилось все светлее, черты сенобитов проступали

все отчетливее — и он не заметил радости, не увидел вообще ничего человеческого в их изуродованных лицах: лишь отчаяние да еще голод, от которого буквально кишкы выворачивало наизнанку.

— Что это за город? — спросил один из четверки.

По голосу нельзя было определить, кому он принадлежит — мужчине или женщине. Одежды существа, пришитые прямо к коже, скрывали очертания тела; ни интонации, ни искусно изуродованные черты лица не давали подсказки. Когда сенобит говорил, крючки, придерживающие нависавшие над глазами клапаны и соединенные сложной системой цепей, что были пропущены сквозь мышцы и kostи, с другими крючками, прокалывающими нижнюю губу, дергались и обнажали поблескивающую алую плоть.

— Тебе задали вопрос, — сказало существо.

Фрэнк не ответил. Какая разница, как называется этот город? Его мысли сейчас были не об этом.

— Ты нас слышишь? — вопросила фигура, стоящая рядом с первой.

Этот голос в отличие от предыдущего был звонче и воздушней — так обычно говорит возбужденная чем-то девушка. Каждый дюйм головы сенобита был татуирован сложнейшим узором, на каждом пересечении горизонтальных и вертикальных линий сверкала булавка с драгоценным камнем, глубоко уходящая в кость. Язык тоже был татуирован аналогичным образом.

— Ты хоть знаешь, кто мы? — осведомилось второе существо.

— Да,— ответил наконец Фрэнк.— Знаю.

Еще бы ему не знать, ведь они с Керчером столько ночей провели за обсуждением различных деталей и нюансов, а также намеков, почерпнутых из дневников Болингброка и Жиля де Рे. Он знал буквально все, что было известно человечеству об Ордене Гэша.

И все ж... он ожидал чего-то иного. Ожидал увидеть хоть малейший признак, намек на бесконечное великолепие и блеск, к которым имели доступ эти существа. Он-то рассчитывал, что они явятся сюда с женщинами, женщинами, умашенными благовонными маслами, омытыми в ваннах с молоком, женщинами, специально подбритыми и тренированными для любовного акта: губы их благоухают, бедра дрожат в нетерпении раскрыться, раздвинутясь, зады круглые и увесистые, как раз такие, как он любит. Он ожидал вздохов, соблазнительных тел, живым ковром раскинувшихся на полу среди лепестков, ждал шлюх-девственниц, каждая щелочка которых должна была распахнуться по первой же его просьбе и чье искусство в любовных играх должно было ошеломить, потрясти его, с каждым толчком поднимая все выше, выше — к невиданному, не испытанному доселе даже в мечтах экстазу. Весь мир был бы забыт в их объятиях. И тут его похоть не встретит презрения, напротив, будет встречена с радостью и превознесена.

Но нет. Ни женщин, ни вздохов. Только эти бесполые создания с истерзанной плотью.

Теперь заговорил третий, самый изуродованный из всех. Черт его было практически не различить —

бороздившие лицо глубокие шрамы гноились пузырями и почти закрывали глаза, бесформенный искаженный рот с трудом выталкивал слова.

— Что ты хочешь? — спросило оно у Фрэнка.

На этого сенобита Фрэнк смотрел уже более уверенно, чем на предыдущих двух. Страх его таял с каждой секундой. Воспоминание об ужасном месте, открывшемся за стеной, постепенно стиралось из памяти. Он остался один на один с этими древними декадентами, с вонью, исходившей от них, их странным уродством, их очевидной беззащитностью. Единственное, чего он опасался сейчас, это как бы его не стошило.

— Керчер говорил, вас будет пятеро, — сказал Фрэнк.

— Инженер прибудет с минуты на минуту, — прозвучал ответ. — Еще раз повторяю свой вопрос: *чего ты хочешь?*

Почему бы не ответить прямо?

— Наслаждений, — сказал он. — Керчер сказал, вы знаете в них толк.

— О да, — откликнулся первый сенобит. — Мы способны подарить тебе все, что ты когда-либо желал.

— Правда?

— Конечно. Конечно. — Существо уставилось на Фрэнка голыми глазами. — Каково твое самое заветное желание?

Вопрос, поставленный так конкретно, смущил его. Сможет ли он передать словами природу фантастмагорических картин, создаваемых его либидо?

Фрэнк судорожно пытался подыскать правильные фразы, но тут один из сенобитов сказал:

— Этот мир... Он разочаровывает тебя?

— И очень сильно,— кивнул он.

— Ты не первый, кто устает от его банальностей,— прозвучал ответ.— Были и другие.

— Правда, немного,— вмешалось лицо в шрамах.

— Верно. Таковых мало, лишь жалкая горсточка. Но только единицы осмеливались воспользоваться Конфигурацией Лемаршана. Люди, подобные тебе, изголодавшиеся по новым возможностям, люди, которые слышали, что мы обладаем неведомым в данном мире искусством...

— Я ожидал...— начал Фрэнк.

— Мы знаем, чего ты ожидал,— перебил его сенобит.— И во всей глубине представляем себе природу твоего желания. Оно нам хорошо знакомо.

Фрэнк скрипнул зубами.

— Выходит,— сказал он,— вам известны мои желания? И вы можете предоставить мне... эти удовольствия?

Лицо существа исказилось, верхняя губа завернулась к носу, его улыбка напоминала оскол бабуина.

— Но несколько не в той форме, как ты это себе рисуешь,— прозвучал ответ.

Фрэнк пытался было возразить, однако существо вскинуло руку, призывая его к молчанию.

— Существуют пределы нервного восприятия,— сказало оно.— Пороги, за которые твое воображение

ние, каким бы распаленным оно ни было, не в состоянии проникнуть.

— Да?..

— Да, да. О, это совершенно очевидно. Твоя драгоценная, так лелеемая похоть — детский лепет в сравнении с тем, что можем подарить тебе мы.

— Так ты готов попробовать? — спросил второй сенобит.

Фрэнк покосился на шрамы и крючки сенобитов. На какой-то миг он снова лишился дара речи.

— Готов или нет?

Там, за стенами, на улице вскоре должен был пробудиться мир. Из окна своей комнатенки Фрэнк не раз наблюдал за признаками этого пробуждения, готовясь к очередному туру бесплодных попыток, к очередным неудачам. И он знал, знал, что там, за окном, не осталось ничего такого, что могло бы по-настоящему возбудить его. Сплошная тщета, все суета. Страсти не было, были только внезапные приступы вожделения, которые так же внезапно сменяло безразличие. Однако он нашел способ утолить свою страсть. И если ради этого ему придется последовать загадочным ритуалам, практикуемым этими существами, что ж, такова цена мечты. А за исполнение своей мечты он согласен был заплатить любую цену.

— Я готов, — сказал он.

— Назад пути нет. Ты это понимаешь?

— Я готов.

И тут они приподняли завесу.

Фрэнк услышал, как скрипнула отворяемая дверь, и, обернувшись, увидел, что привычный мир, ранее располагавшийся за порогом, вдруг куда-то исчез, сменившись жуткой тьмой, той самой, из которой вышли члены Ордена. Он перевел взгляд на сенобитов, пытаясь понять, что последует дальше. Но они исчезли. Впрочем, не совсем, остались кое-какие признаки их недавнего присутствия. Сенобиты забрали с собой все цветы, оставив дощатый пол голым, а символы и знаки, развешанные на стенах, покернели, словно под воздействием какого-то сильного, но невидимого пламени. И еще остался их запах. Такой едкий и горький, что, казалось, ноздри вот-вот начнут кровоточить.

Но запах гари был только началом. Фрэнк тут же уловил в воздухе еще с полдюжины ароматов. Сперва он едва ощущал их, но внезапно они усилились, чудовищно усилились. Томительный аромат увядших цветов, резкий привкус потолочной краски и клейкая вонь древесной смолы, выделяемой досками пола,— все эти запахи моментально заполнили комнату.

Из царившей за дверью тьмы резко пахнуло тем жутким ароматом, что способны породить сотни тысяч птиц.

Фрэнк прижал ладонь ко рту и носу, чтобы как-то умерить эту атаку запахов, но от кончиков пальцев так противно пахло потом, что у него даже голова закружилась. Возможно, его стошило бы, если бы вся нервная система, от вкусовых сосочеков на языке

до нервных окончаний на каждом клочке плоти, не напряглась в предвкушении чего-то нового, необычного.

Похоже, что теперь он способен осязать и чувствовать все — вплоть до пылинок, оседающих на кожу. Каждый вдох и выдох раздражал и горячил губы, каждое морганье век — глаза. Глотку обжигал привкус желчи; волоконце мяса, застрявшее между зубами, вызывало легкий спазм в теле, выделив на язык остатки соуса.

И слух тоже необычайно обострился. Голова полнилась тысячью звуков, и некоторые из них производил он сам. Движение воздуха, ударявшего в барабанные перепонки, казалось ураганом, урчание в кишечнике — громом. Но были и другие бесчисленные звуки, атаковавшие его откуда-то извне. Громкие сердитые голоса, любовный шепот, рев, бренчание, треск, обрывки песен, чей-то плач.

Выходит, он теперь слышит весь мир? Слышит утро, входящее в тысячи домов? Правда, он мало что мог разобрать в этой лавине звуков, какофония лишила его возможности как-то разделять и анализировать их значение.

Но хуже всего было другое. Глаза! О, Господи милосердный, он и не предполагал, что глаза способны доставлять такие муки,— он, который думал, будто ничто в мире уже не способно его удивить. Теперь же перед глазами все завертелось, казалось, они сами завертелись в бешеном круговороте. Везде и всюду — *зрелище!*

Гладкая побелка потолка на деле отражала чудовищную географию мазков кисти. Ткань его простой, непритязательной рубашки — невыразимо хитроумное сплетение нитей. Он заметил, как в углу шевельнулся клещ на отрубленной голубиной голове и подмигнул, перехватив человеческий взгляд. Слишком уж много всего! *Слишком!*

Потрясенный, Фрэнк зажмурил глаза. Но это не помогло. Оказывается, «внутри» тоже существовали зрелища — воспоминания, чья явственная выпуклость и реальность с такой силой ударили по нервам, что едва не лишили его способности чувствовать вообще. Он сосал материнскую грудь и захлебнулся; ощутил, как руки брата скимаются вокруг него (была ли то борьба или просто дружеское объятие, он не понял, главное — было больно, и он чувствовал, что задыхается). И еще, еще. Волна ощущений захлестнула его с головой, целая жизнь была прожита в одно мгновение, выписана умелой рукой на коре его головного мозга, воспоминания разрывали его на части, заставляя *вспоминать*.

Ему показалось, что он сейчас взорвется. Безусловно, мир, расположенный снаружи, за пределами его разума,— комната и птицы, там, за дверью,— все это, несмотря на все свои криклиевые поползновения, не могло сравниться по силе воздействия с воспоминаниями. «Уж лучше я вернусь»,— подумал он и попытался открыть глаза. Но веки слиплись и не поддавались. Слезы, а может, гной, а может, иголка с ниткой прошли, запечатали их, похоже, навсегда.

Он вспомнил о сенобитах, об их крючках и цепях. Неужели и над ним провели подобную операцию, отрезав от внешнего мира, приговорив его глаза созерцать лишь парад воспоминаний?

Испугавшись, что вот-вот сойдет с ума, он начал взывать о помощи, хотя вовсе не был уверен, что сенобиты по-прежнему рядом и слышат его.

— Почему? — воскликнул он.— Почему вы сделали это со мной?

Отголосок слов гулким эхом прогремел в ушах, но он уже почти ничего не чувствовал. Из прошлого поднимались все новые волны воспоминаний, терзали и мучили его. На кончике языка сосредоточился вкус детства (привкус молока и разочарования), но теперь к нему примешивались и другие, взрослые ощущения. Он вырос!. У него уже усы и эрекция, руки тяжелые, кишкы большие.

В юношеских наслаждениях таился оттенок новизны, но по мере того, как тянулись годы, ощущения притуплялись, и росла нужда в более сильных, бьющих по нервам ощущениях. И вот они пришли, еще более острые, едкие, явились из тьмы, что простиралась на задворках его разума.

Язык буквально купался в новых привкусах: горькое, сладкое, кислое, соленое; пахло пряностями, дерьямом, волосами матери; он видел города и небо; видел скорость, морские глубины; преломлял хлеб с давно умершими людьми, и щеки его обжигал жар их слюны.

И конечно, там были женщины.

Постоянно из хаоса и мешанины всплывали воспоминания о женщинах, оглушая его своими запахами, прикосновениями, привкусами.

Близость этого гарема возбуждала, несмотря на обстоятельства. Он расстегнул брюки и начал гладить, ласкать свой член, стремясь поскорее пролить семя и избавиться от этих созданий, об удовольствии он уже не думал.

Бешено работая над плотью, он смутно осознавал, какое, должно быть, жалкое зрелище являет собой: ослепший человек в пустой комнате, распавленный плодами своего воображения. Однако даже мучительный безрадостный оргазм не смог замедлить бесконечно прокручивающуюся перед ним череду воспоминаний. Колени у него подогнулись, и он рухнул на голые доски пола, куда только что расплескал свою страсть. Падение принесло боль, но реакция на нее была тут же смыта новой волной воспоминаний.

Он перекатился на спину и вскрикнул. Он кричал, умолял прекратить все это, но ощущения только обострялись, словно подстегиваемые каждой новой мольбой, с каждым разом вознося его на новую ступеньку.

Вскоре единственным слышным звуком стали эти мольбы, слова и смысл которых стирались страхом. Казалось, этому никогда не будет конца, а если и будет, то результат один — безумие. Надежды не было, он перешагнул порог, за которым оставлялись все надежды.

И как только Фрэнк, почти неосознанно, сформулировал эту последнюю отчаянную мысль, его мучения вдруг прекратились.

Совершенно внезапно и разом, все. Прекратились. Ушли. Цвет, звук, прикосновение, вкус, запах. Неожиданно его выкинуло из этого хаоса. И сначала он даже усомнился в собственном существовании. Два удара, три, четыре...

На пятом он открыл глаза. Комната была пуста, голубиные головы и кувшин с мочой исчезли. Дверь закрыта.

Приободрившись, он сел. Руки и ноги дрожали, голова, запястья и мочевой пузырь болезненно ныли.

И вдруг... Какое-то движение в дальнем углу комнаты привлекло его внимание.

Там, где всего лишь две секунды назад была пустота, появилась фигура. Это был четвертый сенобит, тот, который тогда так и не заговорил, так и не показал своего лица. Но теперь Фрэнк видел — это не он, а она. Капюшон, прежде надвинутый на лоб, словно истаял, исчез, как и остальная одежда. Кожа женщины, оказавшейся перед ним, была серого цвета и слегка светилась. Губы кроваво-красные, ноги раздвинуты так, что отчетливо были видны все насечки и надрезы на причинном месте. Женщина сидела на куче гниющих человеческих голов и привычно улыбалась.

Это сочетание чувственности и тлена совершенно сразило его. Разве могло быть хоть малейшее сомнение в том, что именно она расправилась с этими

несчастными? Разлагающееся мясо застрияло у нее под ногтями, а языки — штук двадцать, если не больше — были разложены аккуратными рядами на ее смазанных ароматическими маслами ляжках, словно в ожидании входа... Не сомневался он и в том, что мозги, сочившиеся сейчас из человеческих ушей и ноздрей, были ввергнуты в пучину безумия, прежде чем смертельный удар или поцелуй остановил сердца их обладателей.

Керчер солгал ему. Или солгал, или сам был чудовищно обманут. Наслаждениями тут и не пахло — во всяком случае, наслаждениями в человеческом понимании этого слова.

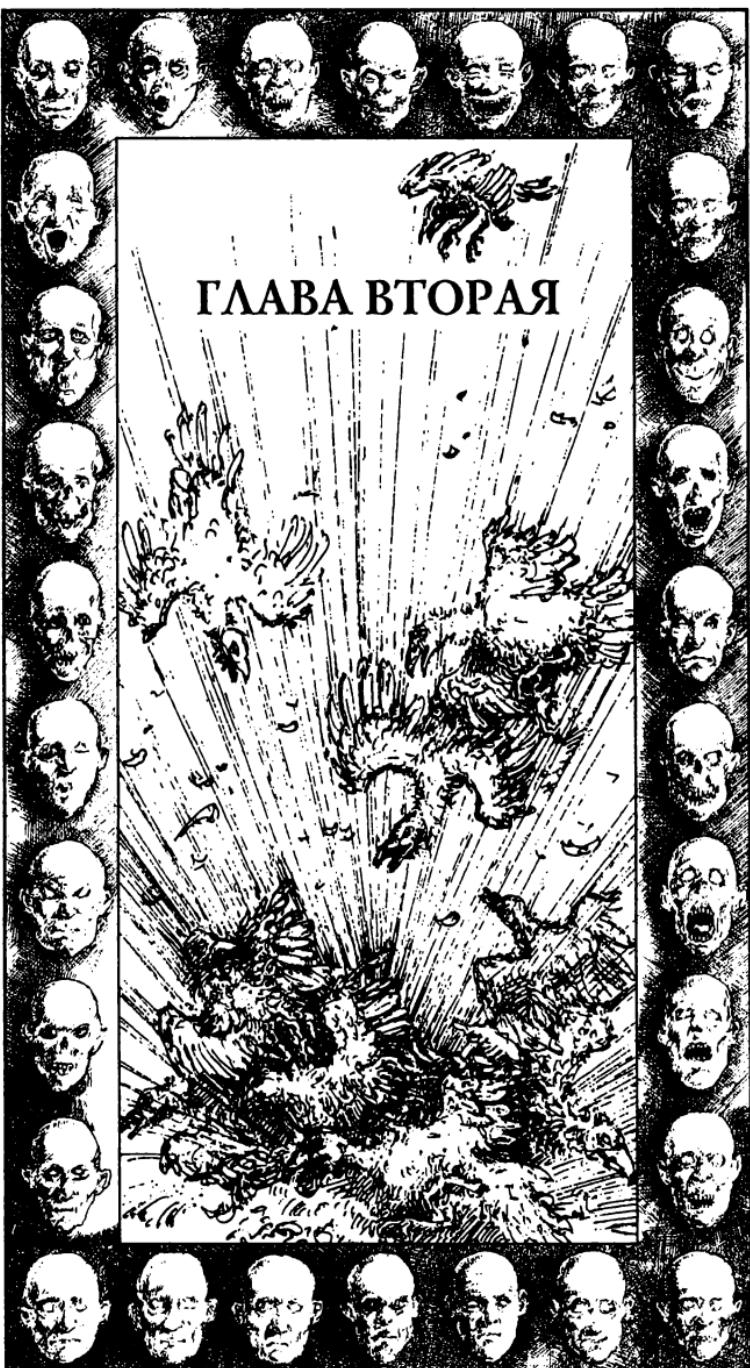
Он совершил ошибку, открыв шкатулку Лемаршана. Ужасную ошибку.

— О, я вижу, с мечтами покончено,— произнесла сенобит, разглядывая его распростертное на голом полу тело.— Прекрасно.

Она встала. Языки соскользнули с ее ляжек, посыпались дождем, точно слизни.

— Ну что ж, тогда начнем,— сказала она.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

— Честно говоря, я ожидала несколько иного,— проговорила Джулия, стоя в прихожей.

За окном смеркалось, холодный августовский день подходил к концу. Не самое подходящее время осматривать дом, который так долго пустовал.

— Да, работы тут хватает,— согласился Рори.— Да и неудивительно. Здесь ничего не трогали со дня смерти бабушки. Года, наверное, три. Да и потом, вряд ли последние годы жизни она особо следила за порядком.

— А дом твой?

— Мой и Фрэнка. Он был завещан нам обоим. Но куда подевался мой старший братец, известно одному Господу. Когда мы его видели в последний раз?

Джулия пожала плечами, притворившись, что не помнит, хотя на самом деле помнила это очень хорошо. Она видела его ровно за неделю до свадьбы.

— Кое-кто говорил, будто бы прошлым летом Фрэнк провел тут несколько дней. Наверное, пря-

тался от кого-то. А потом опять куда-то исчез. Собственность его не интересует.

— Ну а что, если мы въедем, а он вернется? Он ведь имеет такие же права на дом.

— Откуплюсь. Возьму ссуду в банке и откуплюсь. Ему всегда не хватало денег.

Джулия кивнула, но, похоже, сомнения так и не оставили ее.

— Не беспокойся,— сказал Рори, подходя к ней и обнимая.— Дом наш, малышка. Маленько подкрасим, подновим, и здесь будет, как в раю.

Он испытующе вгляделся в ее лицо. Порой — особенно в минуты, когда ее, как сейчас, терзали сомнения,— красота этого лица становилась почти пугающей.

— Верь мне,— сказал он.

— Я верю.

— Тогда все в порядке. Переезжаем в воскресенье, ладно?

2

Воскресенье.

В этой части города оно до сих пор считалось «днем Господним». Даже если владельцы этих аккуратно-нарядных домиков и чисто вымытых девишек больше и не верили в Бога, воскресенья они чтили свято. Несколько занавесок на окнах отдернулись, когда к дому подкатил фургон Льютона и оттуда начали выгружать вещи; наиболее любопытные соседи даже прошлись пару раз мимо под пред-

логом выгуливания собак, однако никто не заговорил с новыми жильцами и тем более не предложил помочь выгружать вещи. Воскресенье не тот день, чтобы потеть в трудах праведных.

Джулия приглядывала за порядком в доме, а Рори руководил разгрузкой фургона, в которой ему помогали Льютон и Сумасшедший Боб. Пришлось сделать четыре ходки, чтобы перевезти все с Александра-роуд, и все равно к концу дня там еще оставалось полным-полно разных мелочей, которые было решено забрать позже.

Часа в два дня на пороге появилась Керсти.

— Вот, заглянула спросить, может, понадобится моя помощь? — спросила она немного виноватым тоном.

— Да ты входи, чего стоишь,— ответила Джулия.

После чего удалилась обратно в гостиную, которая сейчас напоминала поле битвы, где победа пока оставалась за хаосом, и уже там тихо выругалась под нос. Позвать эту заблудшую овцу на помощь — нет, такое только Рори мог выдумать! Да она скорее мешать будет, чем помогать. Этот ее постоянно сонный, унылый вид кого хочешь выведет из себя. Джулия даже скрипнула зубами.

— А что мне делать? — спросила Керсти.— Рори сказал...

— Да,— кивнула Джулия.— Он как скажет, так уж скажет.

— Кстати, где он? Ну, то есть Рори?

— Поехал еще за вещами, добавить мне головной боли.

— О...

Джулия немного смягчилась.

— Знаешь, вообще это очень мило с твоей стороны, что ты пришла помочь и все такое, но не думаю, что в данный момент для тебя найдется работа.

Керсти слегка покраснела. Да, вялая, да, сонная, но глупой ее никак нельзя было назвать.

— Понимаю,— сказала она.— Ты уверена? А то я могла бы... Э-э, может, сварить тебе чашечку кофе?

— Кофе? — переспросила Джулия. Она неожиданно ощутила, что в горле у нее все пересохло.— Да,— заключила она,— недурная идея.

Приготовление кофе не обошлось без приключений, впрочем, незначительных. Любое дело, за которое бралась Керсти, тут же обрастало сложностями. Девушка стояла на кухне у плиты, кипятила воду в кастрюльке, которую до этого искала минут пятнадцать, и думала, что, возможно, ей вообще не следовало сюда приходить. Джулия всегда так странно на нее смотрит, словно недоумевает: и как это ее не придушили сразу после рождения? Впрочем, неважно. Ведь это Рори попросил ее зайти. И этого было достаточно. Ради того, чтобы увидеть улыбку на его лице, она готова была сразиться с сотнями таких, как Джулия.

Минут через двадцать пять подъехал фургон — за это время женщины дважды предпринимали попытки завести разговор, и оба раза ничего не вышло. Слишком уж мало у них было общего: Джулия мила, красива, ей перепадают все взгляды, все поце-

луи, ну а Керсти — девушка с вялым рукопожатием, и если глаза ее когда-нибудь и блестели, как у Джуллии, так только от слез. Она уже давно решила про себя, что жизнь — крайне несправедливая штука. Да, она смирилась с этой горькой правдой, но легче не стало: ее продолжали и продолжали тыкать носом в хорошо усвоенную истину.

Она исподтишка глянула на Джуллию, хлопочущую по хозяйству. Казалось, эта женщина не бывает некрасивой ни при каких обстоятельствах. Каждый жест — откинутая тыльной стороной ладони прядь волос со лба, надутые губки, сдувающие пыль с любимой чашки, — был отмечен легкостью и изяществом. Наблюдая за ней, Керсти поняла причину собачьей привязанности Рори к этой женщине и, поняв, ощутила новый приступ отчаяния.

Наконец появился и он, щурясь и весь в поту. Полуденное солнце пекло немилосердно. Рори улыбнулся ей, обнажив немного неровный ряд зубов, — улыбка, перед которой, как ей казалось еще недавно, в день первой их встречи, было невозможно устоять.

- Рад, что ты пришла, — сказал он.
- Счастлива помочь, чем могу, — ответила она, но он уже отвернулся — к Джуллии.
- Ну, как дела?
- Я прямо голову теряю, — пожаловалась та.
- Ладно, хватит тебе возиться, можно и перехохнуть, — заметил он. — В этот заезд мы вывезли кровать. — Он заговорщицки подмигнул ей, но она, похоже, не заметила.

- Помочь с разгрузкой? — предложила Керсти.
- Льютон и Боб уже занимаются этим, — ответил Рори.
- О...
- Но я готоволжини отдать за чашечку чая.
- Мы никак не найдем этот чай, — сказала Джулия.

- А... Ну, тогда сойдет и кофе.
- Конечно! — торопливо воскликнула Керсти. — А те двое, они что будут?

— Те двое тоже умирают от жажды.

Керсти снова отправилась на кухню, наполнила кастрюльку почти до краев и поставила на огонь. Через дверной проем было видно, как Рори в прихожей распоряжается разгрузкой.

Наконец внесли кровать — настоящее брачное ложе; — и перед ее глазами тут же возникла очень яркая картинка: Рори, лежа на этой кровати, обнимает Джулию. Керсти помогала головой, прогоняя это мерзкое видение, но ничего не вышло. Так она и стояла, глядя на кастрюльку, вода в которой сначала зашумела, потом забурлила, после чего принялась исходить паром, а образ их утех, от которого болезненно ныло сердце, все преследовал и преследовал ее.

3

Когда мужчины уехали, сообщив, что это на сегодня последняя ходка, терпение Джулии лопнуло окончательно. Просто какое-то несчастье, твердила

она, в этих чемоданах, сундуках и коробках все свалено как попало. Приходится перерывать кучу ненужных вещей, прежде чем доберешься до самого необходимого.

Керсти мыла на кухне посуду и старалась ничего не говорить.

Громко чертыхаясь, Джгулия наконец решила прерваться и вышла на крыльцо выкурить сигарету. Прислонившись к дверному косяку, она глубоко вдохнула горьковатый воздух. Хотя было только двадцать первое августа, весь день в воздухе висела легкая дымка гари, напоминающая, что осень уже близко.

Во всех этих хлопотах день пролетел совершенно незаметно, и вдруг, стоя на верхней ступеньке, она услышала колокольный звон, сзывающий прихожан на вечернюю службу; звук накатывал ленивыми волнами. Бой колокола успокаивал, умиротворял. И она внезапно вспомнила свое детство. Воспоминание не было конкретным, не то чтобы перед ней предстал какой-то определенный день или место, нет. Просто возникло ощущение, что она вновь молода, она — маленькая девочка... Это ощущение несло с собой привкус тайны.

Года четыре прошло с тех пор, как она последний раз заходила в церковь. Да, то был день свадьбы — ее и Рори. Воспоминание об этом дне, вернее, о надеждах, связанных с ним, которым так и не суждено было сбыться, наполнило ее сердце горечью. Джгулия повернулась и вошла в дом под все усиливающийся звон колоколов. После улицы, озаренной

лучами заходящего солнца, ей показалось, что в доме как-то особенно темно и мрачно. Она так страшно устала, что даже готова была разрыдаться.

А ведь придется еще собирать эту кровать, чтобы было где преклонить голову ночью, хотя они даже не решили, в какую из комнат ее ставить. Вот этим и надо заняться прямо сейчас, немедленно, чтобы не возвращаться в заваленную вещами гостиную и не видеть снова эту Керсти с вечно кислым, похоронным выражением лица.

Колокол все еще звонил, когда она поднялась по лестнице на второй этаж. Первая из трех находившихся там комнат была самой просторной, казалось бы, чем не спальня? Но сегодня солнце сюда не заглядывало (если б только сегодня, его тут как минимум все лето не было), поскольку на окнах висели тяжелые шторы. Здесь было прохладней, чем в любом другом уголке дома, а в воздухе ощущалась затхлость. Джгулия пересекла комнату по диагонали, подошла к окну раздвинуть шторы...

Но, приблизившись к подоконнику, обнаружила очень странную вещь. Оказывается, штора была прибита гвоздями к оконной раме, надежно оберегая комнату от вторжения сюда малейших признаков уличной жизни. Она попыталась отодрать ткань — безуспешно. Человек, прибивший штору, потрудился на совесть.

Ладно, ничего, когда Пори вернется, она заставит его взять гвоздодер и решить эту проблему. Джгулия уже повернулась, чтобы уходить, но вдруг отчетливо осознала, что колокол по-прежнему сзывает прихо-

жан. Что это, неужели еще не все явились на службу? Неужели этого крючка с приманкой, сулящего райское блаженство, оказалось недостаточно? Мысль промелькнула в голове, не успев толком оформиться. А колокол все звонил; казалось, от его боя вибрировала сама комната. Ноги ее, и без того ноющие от усталости, слабели и подгибались с каждым его новым ударом. Голова раскалывалась от боли.

Отвратительная комната, внезапно решила она, душная, а мрачные стены холодные и как будто влажные с виду. Конечно, места тут хоть отбавляй, но чтобы Рори ей ни посушил, спать она тут не будет. Заколотить комнату, и дело с концом.

Решительным шагом Джуллия направилась к двери, до нее оставалось всего около метра, как вдруг в углах что-то скрипнуло и дверь со стуком захлопнулась. Нервы Джуллии и так были на пределе, однако она все же сдержала себя и не разрыдалась.

— Да подите вы все к дьяволу! — вместо этого рявкнула она и ухватилась за дверную ручку.

Ручка повернулась легко (а почему бы, собственно, и нет? Однако следует признать, что Джуллия почувствовала страшное облегчение), и дверь распахнулась. Снизу из холла струились тепло и розово-золотистый свет.

Она затворила за собой дверь и с чувством странного удовлетворения, которому, казалось бы, совсем не было причин, повернула ключ в замке.

Едва она это сделала, как колокольный звон тотчас же прекратился.

- Но это же самая большая из комнат.
- Она мне не нравится, Рори. Там сырь. Можно использовать крайнюю комнату.
- Если только удастся протолкнуть эту чертову кровать в дверь.
- Ничего, она нормально туда пройдет.
- Зря только площадь будет пропадать,— возразил он, в глубине души прекрасно понимая, что все равно проигрывает этот спор.
- Мамочке лучше знать,— сказала она и улыбнулась ему глазами, похотливые огоньки в которых сулили отнюдь не материнские ласки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Времена года тянутся друг к другу, как мужчины и женщины, в стремлении избавиться, излечиться от своих излишеств и крайностей.

Весна, если она длится хотя бы на неделю дольше положенного срока, начинает тосковать по лету, чтоб покончить с днями, преисполненными томительного ожидания. Лето, в свою очередь, задыхаясь в поту, стремится отыскать кого-то, кто умерил бы его пыл, а спелая и сочная осень устает в конце концов от собственного великодушия и рада острой перемене, переходу к холодам, которые убивают ее плодовитость.

Даже зима, самое неприветливое и суровое время года, с наступлением февраля мечтает о пламени, в жаре которого истаяли бы ее наряды. Все со временем устает и начинает искать противоположность, чтобы спастись от самого себя.

Итак, август уступил дорогу сентябрю, и сетовать на это было бы по меньшей мере смешно.

По мере обустройства дом на Лодовико-стрит принимал все более уютный и гостеприимный вид. Последовали даже визиты от соседей, которые, присмотревшись к парочке, уже начали поговаривать о том, как, мол, хорошо, что дом номер пятьдесят пять снова занят жильцами. Лишь один из них как-то раз упомянул вскользь Фрэнка, припомнив, что вроде бы один странный парень приезжал и прожил тут несколько недель прошлым летом. Последовало секундное замешательство, когда Рори заметил, что приезжавший — его брат, но Джуллия тут же сладила ситуацию с присущим только ей безграничным шармом.

За годы женитьбы Рори чрезвычайно редко упоминал о Фрэнке, хотя разница в возрасте между братьями составляла всего полтора года, а это предполагало, что в детстве они были неразлучны. Да и Джуллия узнала об этом лишь тогда, когда он в прпадке пьяного откровения вдруг заговорил с ней о брате. Случилось это примерно за месяц до свадьбы. Разговор получился грустный. Оказывается, пути двух братьев окончательно разошлись, когда они по-взрослели, и Рори о том очень сожалел. И еще больше сожалел о той боли, которую причинял родителям распущенный образ жизни Фрэнка. Всякий раз, когда Фрэнк сваливался откуда-то, словно с луны, он приносил с собой одни несчастья и огорчения. Рассказы о его приключениях всегда балансировали на грани криминала, повести о шлюхах и мелких кражах ужасали семью. Но были истории и похуже, так, во всяком случае, утверждал Рори. В приступах

откровенности Фрэнк иногда рассказывал о днях, которые проводил, словно в бреду, в поисках наслаждений, выходящих за все границы нравственности.

Возможно, в интонациях Рори, повествующего об этих художествах брата, Джуллия угадывала не только отвращение, но также изрядную примесь зависти, что еще больше взвуждало ее любопытство. Как бы там ни было, с тех пор она испытывала жгучий интерес к жизни этого безумца.

Затем, примерно недели за две до свадьбы, паршивая овца появилась во плоти. Похоже, последнее время дела Фрэнка шли неплохо. Во всяком случае на это намекали золотые перстни на пальцах и свежая загорелая кожа лица. Внешне он мало походил на монстра, описанного Рори. Брат Фрэнк был обходителен и гладок, точно отполированный камень. За считанные часы он совершенно очаровал ее.

Странное было время. По мере того как приближался день свадьбы, она все меньше и меньше думала о будущем муже и все больше о его брате. Нельзя сказать, чтобы они были так уж непохожи. Однаково веселая нотка в голосе, живость характера сразу указывали на то, что в их жилах течет одна и та же кровь. Но добавок ко всем качествам Рори Фрэнка отличало еще и то, чего в его брате никогда не было: некое прекрасное безрассудство.

Вероятно, то, что случилось затем, неизбежно должно было случиться — несмотря на все усилия побороть инстинктивное влечение к Фрэнку, она старалась найти себе оправдание. Впрочем, пройдя через все муки угрызений совести, она сохранила в памяти их первую — и последнюю — интимную встречу.

Кажется, в доме тогда как раз была Керсти, пришла по какому-то делу, связанному с подготовкой к свадьбе. Но обостренное чутье, которое приходит только с желанием и вместе с ним исчезает, подсказывало Джуллии, что все должно свершиться именно сегодня. Она оставила Керсти за составлением какого-то списка и позвала Фрэнка наверх под предлогом показать ему свадебное платье. Хотя нет, теперь она точно вспомнила, именно он попросил ее показать платье, и вот она надела фату и стояла, смеясь, вся в белом, и вдруг он оказался рядом, совсем близко. И приподнял фату, а она все смеялась, смеялась и смеялась, дразняще, словно испытывая его. Впрочем, ее веселье нисколько его не охладило, и он не стал тратить время на прелюдию. Внешняя благопристойность мгновенно улетучилась, и из-под гладкой оболочки вырвался зверь. Их совокупление во всех отношениях, если не считать ее уступчивости, по агрессивности и безрадостности своей напоминало изнасилование.

Конечно, время приукрасило и сгладило подробности этого события. Даже спустя четыре года и пять месяцев она частенько перебирала в памяти детали этой сцены, и теперь, в воспоминаниях, синяки представлялись ей символами страсти, а пролитые слезы — подтверждением искренности ее чувств к Фрэнку.

На следующий день он исчез. Улетел в Бангкок или на остров Пасхи, словом, куда-то в дальние края, скрываться от кредиторов. Она тосковала по нему, ничего не могла с собой поделать. И нельзя сказать, чтобы ее тоска осталась незамеченной. Хотя вслух это никогда не обсуждалось, она не раз задавала себе

вопрос: не началось ли последующее ухудшение ее отношений с Рори именно с этого момента? Занимаясь с ним любовью, она постоянно думала о Фрэнке.

А что теперь? Теперь, несмотря на переезд и шанс начать вместе новую жизнь, ей казалось, что каждая мелочь в этом доме напоминает об утраченной любви.

И дело не только в соседских сплетнях, неизменно касающихся Фрэнка. Однажды, оставшись дома одна, она занялась распаковыванием коробок с личными вещами и наткнулась на несколько альбомов с фотографиями. Большую часть содержимого составляли их с Рори снимки в Афинах и на Мальте. Но среди призрачных улыбок она вдруг обнаружила и другие, затерявшиеся фото, хотя не припоминала, чтобы Рори когда-либо показывал их ей (может, специально прятал?). Семейные фотографии, сделанные десятилетия назад. Снимок его родителей в день свадьбы — черно-белое изображение, потерявшее яркость за долгие годы. Фотографии крестин, на которых гордые крестные держали на руках младенцев, утопающих в фамильных кружевах.

Дальше пошли снимки братьев вместе: сперва смешные карапузы с широко распахнутыми глазами, затем угрюмые школьники, застывшие на гимнастических снарядах и на школьных балах. Потом застенчивость, обусловленная юношескими прыщами, взяла верх над желанием запечатлеться в веках, и число снимков уменьшилось. Но созревание делало свое дело, и постепенно за лягушачьим фасадом начали проступать черты прекрасного принца.

А вот уже цветной снимок Фрэнка — молодой человек корчит рожи перед объективом. Непонятно почему она вдруг покраснела. Он был так вызывающе молод и красив, всегда одевался по последней моде. По сравнению с ним Рори выглядел неряшливым увальнем. Ей показалось, что вся будущая жизнь братьев уже предугадана в этих ранних портретах. Фрэнк — улыбчивый хамелеон-соблазнитель, Рори — добропорядочный гражданин.

Она убрала фотографии и, поднявшись со стула, неожиданно осознала, что глаза ее полны слез. Но не сожаления. Она была не из той породы. Это были слезы ярости. В какой-то миг, буквально в один миг между вдохом и выдохом, она потеряла себя.

И сегодня она со всей беспощадной отчетливостью поняла, когда именно первый раз утратила над собой власть. Когда лежала в свадебной, украшенной кружевом постели, а Фрэнк покрывал ее шею поцелуями.

3

Изредка она навещала комнату с прибитыми гвоздями шторами.

До сих пор они уделяли не слишком много внимания отделке второго этажа, решив сперва навести порядок внизу, чтоб можно было принимать гостей. Эта комната осталась нетронутой. В нее никто никогда не входил, если не считать ее редких визитов.

Она и сама толком не понимала, зачем поднималась туда, не отдавала себе отчета в странном смятении чувств, которое охватывало ее всякий раз, когда

она оказывалась там. Однако было все же в этой мрачной комнате нечто такое, что действовало на нее успокаивающе: комната напоминала утробу, утробу мертвой женщины. Иногда, когда Рори уезжал на работу, она поднималась по ступенькам, входила в комнату и просто сидела там, ни о чем не думая. По крайней мере ни о чем таком, что можно было бы выразить словами.

Эти путешествия оставляли легкий привкус вины, и, когда Рори был поблизости, она старалась держаться от комнаты подальше. Но это получалось не всегда. Иногда ноги, казалось, сами несли ее наверх, вопреки ее же собственной воле.

Так случилось и в ту субботу, в день крови.

Джулия смотрела, как Рори возится с кухонной дверью, отдирая стамеской несколько слоев краски вокруг петель, как вдруг услышала, что комната снова зовет ее. Удовствовавшись, что муж целиком поглощен своим занятием, она поднялась на второй этаж.

В комнате было прохладней, чем обычно, и ей это понравилось. Она прижала ладонь к стене, а потом поднесла холодную руку ко лбу.

— Бесполезно,— прошептала она, представив себе мужа за работой.

Она не любит его, как, впрочем, и он ее не любит — он всего-навсего ослеплен ее красивым лицом, не более. Он целиком погружен в собственный мир, а она вынуждена страдать здесь, одинокая, никому не нужная.

Сквозняк захлопнул дверь черного хода внизу, которая громко ударила о косяк. Джулия обернулась.

Очевидно, этот же звук отвлек Рори. Стамеска дернулась, глубоко вонзилась в большой палец на левой руке, и Рори вскрикнул, увидев, как тут же выступила густо-алая кровь. Стамеска упала на пол.

— Вот проклятье! Провались оно все в ад!

Джулия прекрасно слышала все это, но не сдвинулась с места. И слишком поздно, пребывая в странном меланхолическом ступоре, поняла, что он поднимается к ней наверх. Нашаривая в кармане ключ и судорожно пытаясь придумать оправдание своему пребыванию тут, она направилась было к двери, но он уже зашел в комнату. Переступив порог, бросился к ней, неловко зажимая правой рукой кровоточащую рану. Кровь лила ручьем. Сочилась между пальцами, стекала по запястью и локтю, капля за каплей падала на голые половицы.

— Что случилось? — спросила она.

— А ты сама не видишь? — пробормотал он сквозь стиснутые зубы.— Порезался.

Лицо и шея Рори приобрели оттенок оконной замазки. Ей и прежде приходилось замечать за ним подобную реакцию, он не выносил вида собственной крови.

— Сделай же что-нибудь! — простонал он.

— Рана глубокая?

— Откуда мне знать?! — рявкнул он.— Я не проверял!

Рори упорно старался не глядеть на рану.

Какой же он все-таки придурок, с легким оттенком презрения подумала она, но сдержала свои чувства. Лишь взяла его окровавленную руку и внимательно осмотрела порез. Довольно большой и сильно кровоточит. А кроме того, глубокий — кровь темная.

— Давай-ка отвезем тебя в больницу,— предложила она.

— Может, ты сама перевяжешь? — спросил он, голос его звучал уже не так злобно.

— Хорошо. У меня и чистый бинт есть. Идем...

— Нет,— ответил он, покачав головой. Лицо его сохраняло все тот же пепельно-серый оттенок.— У меня такое ощущение, стоит мне только сделать шаг — и я грохнусь в обморок.

— Тогда оставайся здесь,— предложила она.— Не волнуйся, все будет хорошо!

Не найдя бинта в шкафчике ванной комнаты, она выхватила несколько чистых носовых платков из его ящика комода и бросилась обратно наверх. Рори стоял, прислонившись к стене, кожа его блестела от пота. По полу тянулись кровавые следы — видимо, он наступил в собственную кровь. В воздухе висел сладковатый запах.

Успокаивающе приговаривая, что от двухдюймового пореза еще никто не умирал, она стянула ему запястье одним платком, перевязала палец другим, свела его, дрожащего, как осиновый лист, вниз по ступенькам (потихоньку, шаг за шагом, словно ребенок), после чего вывела на улицу, к машине.

В больнице им пришлось целый час прождать в очереди таких же, как он, «легкотравмированных», прежде чем Рори наконец принял хирург и рану зашили. Вспоминая позднее об этом инциденте, она никак не могла понять, что насмешило ее больше: его испуг и слабость или же поток благодарностей, которые он излил на нее, когда все закончилось. Он все никак не мог унятьться, и в конце концов она даже

не выдержала и сказала, что его благодарности ей не нужны. И не соглашалась.

Она ничего не хотела от него, абсолютно ничего, разве только чтобы он исчез из ее жизни раз и навсегда.

4

— Это ты вымыл пол в сырой комнате? — спросила она на следующий день.

Они стали называть комнату «сырой» с того самого первого воскресенья, хотя при более внимательном рассмотрении никаких признаков сырости или гниения отыскать не удалось — ни на потолке, ни на стенах, ни на досках пола.

Рори поднял глаза от журнала. Под глазами его набрякли серые мешки. Плохо спал, объяснил он ей. Из-за порезанного пальца ему всю ночь снились кошмары. Она же, напротив, спала как младенец.

— Что ты сказала? — переспросил он.

— Пол, — повторила она. — Там была кровь. Это ты вымыл?

— Нет, — коротко ответил он и снова уткнулся в журнал.

— Но я тоже его не мыла, — удивилась она.

Он одарил ее снисходительной улыбкой.

— Ты просто идеальная *хаусfrau*, — заметил он. — Сама не замечаешь, как все делаешь.

На этом вопрос был закрыт. Видимо, ему пришлась по нраву мысль, что она медленно, но верно теряет рассудок.

У нее же, напротив, появилось странное ощущение, что она вот-вот обретет настоящую себя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Керсти терпеть не могла вечеринки. Улыбки, за которыми таились неуверенность и страх, взгляды, значение которых надо было разгадывать, и, что хуже всего, всяческие разговоры. Ей нечего было поведать миру, во всяком случае, ничего особенного, в этом она давно убедилась. Она в своей жизни видела достаточно глаз, говоривших ей именно об этом; изучила все уловки мужчин, применяемые ими, чтобы избавиться от нее, такой бесцветной и скучной, под удобным предлогом,— от «извините, кажется, там пришел мой бухгалтер» до передачи на ее попечение какого-нибудь бедолаги, упившегося вусмерть.

Но Рори настоял, чтобы она пришла на новоселье. Несколько только самых близких друзей, обещал он. Она ответила «да», прекрасно понимая, какая в случае отказа ее ждет альтернатива: хандрить в одиночестве дома, проклиная себя за трусость и нерешительность и вспоминая милое, такое бесконечно милое лицо Рори.

Но вечеринка вопреки ее ожиданиям оказалась вовсе не столь мучительной. Было всего девять гостей, которых она едва знала, что облегчало положение. Они вовсе не ожидали, что она станет центром внимания и будет блестать остроумием. Нет, от нее требовалось лишь кивать и смеяться в нужные моменты. А Рори со своей все еще перевязанной рукой был в ударе, так и учился простодушием и весельем. Ей даже показалось, что Невилл — один из коллег Рори по работе — строит ей через очки глазки; подозрение подтвердилось в самый разгар вечера, когда он, подсев к ней, начал расспрашивать, не интересуется ли она разведением кошек.

Она ответила, что нет, но всегда интересовалась последними достижениями науки. Он, похоже, пришел в восторг и, пользуясь этим хрупким предлогом, весь остаток вечера усердно уготкал ее коктейлями. К половине двенадцатого голова у нее немного закружилась, однако она была совершенно счастлива и на любую самую заурядную фразу отвечала громким хихиканьем.

Вскоре после двенадцати Джуллия заявила присутствующим, что устала и хочет лечь спать. Заявление было воспринято гостями как намек, что всем пора по домам, но Рори окончательно разошелся. Вскочив со своего места, он снова начал наполнять бокалы, прежде чем кто-либо успел запротестовать. Керсти была уверена, что заметила на лице Джуллии недовольное выражение, но оно мелькнуло и тут же исчезло, уступив место обычной приветливой улыб-

ке. В итоге Джулия пожелала всем спокойной ночи, с достоинством приняла поток комплиментов по поводу необыкновенно удавшейся ей телячьей печеньки и отправилась в спальню.

Безупречно красивые должны быть и безупречно счастливыми, разве не так? Керсти это всегда казалось очевидным. Однако сегодня, наблюдая за Джулией и находясь под влиянием винных паров, она вдруг подумала: а может, эти мысли были навеяны ей самой обычной завистью? Возможно, безупречность также несет в себе печаль, просто несколько иного рода.

Но голова у нее кружилась, задержаться на этой мысли и как следует обдумать ее не было сил, тем более что в следующий миг Рори снова поднялся и начал рассказывать анекдот о горилле и иезуите. Керсти смеялась так, что даже подавилась коктейлем.

Находящаяся наверху Джулия услышала новый взрыв смеха. Она действительно устала, тут не пришлось кривить душой, но утомили ее вовсе не приготовления к вечеринке. Причиной было презрение ко всем этим идиотам, собравшимся внизу, презрение, которое с трудом удавалось сдерживать. А ведь некогда она называла их друзьями, этих недоумков, с их жалкими шутками и еще более жалкими претензиями. Весь вечер она играла перед ними роль гостеприимной хозяйки, все, хватит. Теперь ей хотелось очутиться в прохладе, в темноте.

Она даже не успела отворить дверь в «сырую» комнату, как сразу почувствовала: здесь что-то изменилось. Свет голой лампочки, висевшей под потолком на лестничной площадке, осветил пол, на который пролилась кровь Рори, но доски были безупречно чистыми, словно кто-то долго скоблил их и драил. Она шагнула через порог и притворила дверь. Замок за ее спиной негромко защелкнулся.

Тьма была густой и глубокой, почти абсолютной, и это дарило наслаждение. Тьма успокаивала глаза, приятно холодила их.

И вдруг из дальнего угла комнаты донесся звук.

Он был не громче шороха, производимого лапками таракана, который бежит где-то за плинтусом. И через секунду звук затих. Она затаила дыхание. Вот оно, послышалось снова. На сей раз она уловила в шорохе какую-то ритмичность. Некий примитивный код.

Эти, внизу, ржали, как лошади. Шум вновь пробудил в ней отчаяние. Неужели она никогда, никогда не избавится от этой компании?

Джулия сглотнула нарастающий в горле ком и заговорила с темнотой.

— Я слышу тебя,— сказала она, не уверенная, откуда вообще взялись эти слова и к кому они обращены.

Тараканье шуршание на миг прекратилось, затем послышалось снова, уже настойчивее и громче. Она отошла от двери и двинулась на звук. Он не умолкал, словно подбадривая ее.

В темноте легко ошибиться, и она добралась до стены раньше, чем рассчитывала. Подняв руки, принялась шарить ладонями по крашеной штукатурке. Поверхность стены была холодной, но по-разному. Было одно место, примерно на полпути от двери к окну, где холод буквально обжигал, она даже отдернула руки. Тараканья беготня опять прекратилась.

В определенный момент она как будто утратила ориентацию и словно бы поплыла наугад во тьме и отчаянии. Но вдруг почувствовала впереди какое-то движение. Показалось, решила она. Воображение расшалилось, откуда здесь взяться свету? Однако зрелище, представшее ее глазам в следующую секунду, тут же доказало ей, как глубоко она заблуждалась.

Стена светилась — или была освещена чем-то, находившимся за ней. Светилась холодным голубоватым светом, отчего твердый кирпич вдруг утратил свою плотность. А потом... Стена неожиданно начала расступаться, части ее перемещались, менялись местами, словно карты, тасуемые ловкими руками фокусника. Крашеные панели являли спрятанные за ними пустоты и ниши, которые, в свою очередь, раскладывались дальше, открывая все новые и новые потайные комнатки. Она не сводила с происходящего глаз, боясь даже моргнуть, чтобы не упустить деталей и подробностей этого необыкновенного жонглирования. Перед ее взором распадался сам мир.

Затем вдруг в этом хаосе, нет, не хаосе, напротив, во вполне определенной и очень искусно организованной системе фрагментов она уловила (или ей так показалось) новое движение. Только теперь она осознала, что наблюдала за необыкновенным явлением, затаив дыхание,— голова у нее слегка кружилась от недостатка кислорода.

Она попыталась вытолкнуть из легких отработанный воздух и глубоко вдохнуть, но тело отказалось подчиняться этому простому приказу.

Где-то в самой глубине подсознания она ощутила нарастающую панику. Игры «фокусника» прекратились, а сама она словно раздвоилась: одна ее половина наслаждалась тихим звоном музыки, исходившей изнутри стены, другая же пытлась побороть страх, шаг за шагом подступающий к сердцу.

Она снова попыталась сделать вдох, но все тело как будто окаменело. Словно бы умерло, и теперь она просто выглядывала из него, не в состоянии ни вздохнуть, ни моргнуть, ни пошевелиться.

Но вот распад стены прекратился, и она заметила на фоне кирпичей некую тень, которая, впрочем, была слишком плотной для настоящей тени и в то же время достаточно бесформенной, чтобы сойти за призрака.

Это человек, наконец поняла она, или то, что никогда было человеком. Тело его было разорвано на куски, а затем снова соединено или сшито, да так, что некоторых фрагментов не хватало вовсе, другие

были перекручены и соединены как попало, а трети потемнели, словно от огня. Там был глаз, горящий глаз, он смотрел прямо на нее, и кусок позвоночника, голая кость, лишенная мышц; какие-то плохо узнаваемые части человеческой анатомии. Да... То, что подобное существо могло жить, крайне сомнительно, ведь даже та малая часть плоти, которой оно владело, была безнадежно изуродована. И тем не менее это существо было живым. Глаз, несмотря на то что коренился в гнили и тлении, глядел на Джгулию пристально, обшаривая ее фигуру дюйм за дюймом.

Как ни странно, она совершенно не испугалась. Существо было куда слабее ее. Оно слегка поерзalo в своей нише, словно пытаясь устроиться поудобнее. Но это было невозможно, во всяком случае для этого создания с обнаженными нервами и кровоточащими обрубками вместо конечностей. Любое движение причиняло ему нестерпимую боль. Она это видела — и ей стало его жалко. А следом за жалостью пришло облегчение. Ее тело вытолкнуло наконец отработанный воздух и задышало, стремясь к жизни. Голова тут же перестала болеть.

Едва она успела перевести дух, как в гниющем шаре, представлявшем собой, по-видимому, голову чудовища, открылось отверстие, и существо произнесло одно-единственное еле слышное слово.

И было это слово:

— Джгулия...

Керсти поставила бокал на стол и попыталась встать.

— Ты куда? — спросил ее Невилл.

— А ты как думаешь? — игриво ответила она вопросом на вопрос, стараясь выговаривать слова как можно отчетливее.

— Помощь нужна? — осведомился Рори.

От спиртного веки у него набрякли, губы раздвинулись в ленивой усмешке.

— Ничего, я, это... приученная...

Ее ответ вызвал со стороны гостей очередной взрыв смеха. Довольная собой (ведь чем-чем, а остроумием она прежде не славилась), она, пошатываясь, побрела прочь из гостиной.

— Последняя дверь справа, у лестницы! — крикнул ей вслед Рори.

— Знаю, — ответила она и наконец выбралась в холл.

Ей никогда не нравилось быть навеселе, но сегодня алкоголь придавал бодрости и уверенности. Она ощущала себя свободной, легкомысленной и упивалась этим ощущением. Возможно, завтра она будет раскаиваться в содеянном, но завтра — это завтра. А сегодня она наслаждалась чувством полета.

Отыскав туалет, она облегчила там свой ноющий от выпитого желудок, после чего открыла кран и принялась плескать холодную воду в лицо. Ну вот, теперь можно и возвращаться...

Уже миновав лестницу, Керсти вдруг поняла, что, пока она находилась в ванной, кто-то потушил горевший на втором этаже свет. И теперь этот самый «кто-то» стоял всего в нескольких метрах от нее. Она тоже остановилась.

— Эгей?.. — окликнула она.

Может, это любитель разведения котов отправился следом за ней доказать серьезность своих намерений?

— Это ты, что ли? — спросила она.

Ну разве можно придумать вопрос глупее? И какой она хочет получить ответ?

Однако ответа не последовало, и тут ей стало немножко не по себе.

— Ладно, я серьезно. — Она попыталась придать голосу игривость, чтобы скрыть тревогу. — Кто это?

— Это я, — ответила Джулия.

Голос ее звучал как-то странно. Хрипло. Как будто она плакала.

— С тобой все в порядке? — спросила Керсти, вглядываясь в темноту и пытаясь различить лицо Джулии.

— Да, — последовал ответ. — А что могло со мной случиться?

Произнеся эти шесть слов, Джулия снова обрела свою актерскую уверенность. Голос ее прояснился, стал четче и звонче.

— Я просто устала, — продолжила она. — Похоже, вы там здорово веселитесь?

— Мы что, мешаем тебе уснуть?

— О господи, конечно нет! — ответил голос.— Я просто шла в ванную.

Пауза, а затем:

— Ну, иди. Развлекайся.

В нерешительности Керсти сделала несколько шагов к ней, но в последний момент Джуллия резко отшатнулась, поднявшись на пару ступенек вверх, как будто избегая даже малейшего прикосновения.

— Э-э... Тогда... Спокойной ночи,— пожала плечами Керсти.

Тень на лестнице ничего не ответила.

3

Джуллия спала плохо. И в эту ночь, и в последующую.

Того, что она видела, слышала, *чувствовала* в «сырой» комнате, было достаточно, чтобы раз и навсегда лишить ее счастливых сновидений, так ей во всяком случае казалось.

Это он был там. Он, Фрэнк, брат Рори, был все это время в доме, запертый от мира, в котором она жила и дышала, страшно далеко от нее и в то же время достаточно близко, чтобы осуществить этот призрачный, жалкий контакт. Почему он появился, откуда пришел, она не могла даже догадываться, а у него не было ни сил, ни времени объяснить ей что-либо.

Все, что он успел сказать, перед тем как стена начала снова твердеть, облекаясь в кирпич и штукатурку, было: «Джулия». А потом: «Это я, Фрэнк». И в конце еще одно, последнее слово: «Кровь...»

После чего Фрэнк исчез. Ноги у нее подкосились, и она, чуть не падая, доковыляла до противоположной стены и бессильно привалилась к ней. К тому времени, как она немного пришла в себя, таинственное свечение исчезло совсем, а искалеченная, истерзанная фигура, втиснутая в нишу, пропала как не было. Реальность снова вступила в свои права.

Хотя, возможно, все же не полностью.

Фрэнк по-прежнему находился рядом, в «сирой» комнате. В этом она нисколько не сомневалась. Да, глазами его было не увидеть, зато можно было почувствовать сердцем. Он был заточен где-то в промежутке между той сферой, которую занимала она, и неким другим миром — миром, где звенели колокола и царила тревожная тьма... Умер ли он, вот что самое главное. Может, прошлым летом он погиб в этой пустой комнате, но душа его застряла здесь и теперь тщетно ждет, кто бы ее высвободил из плена? Если так, что тогда произошло с его земной оболочкой? Только дальнейшее общение с самим Фрэнком, вернее с тем, что от него осталось, способно прояснить ситуацию.

И она знала, как именно можно помочь потерянной душе вновь обрести силу... Он подсказал ей очень простое решение.

«Кровь», — сказал он. Этот один-единственный слог прозвучал не как обвинение, но как приказ.

Рори пролил кровь на пол «сырой» комнаты, и пятно почти тут же исчезло. Каким-то образом дух Фрэнка — если только это действительно был он — смог воспользоваться кровью брата, получив при этом достаточно энергии, чтобы вырваться на какое-то время из своей клетки и связаться с нею, пусть даже на пару секунд. Но если крови будет больше? Что тогда?

Она вспомнила объятия Фрэнка, их грубость, звериную жестокость, настойчивость, с которой он овладевал ею. Она готова была пойти на что угодно, лишь бы снова испытать то же самое. А ведь это вполне осуществимо. Ведь если она окажет ему необходимую поддержку, разве не ответит он ей благодарностью? О да, он станет ее рабом, ее игрушкой, жестокой или, наоборот, покорной ее воле. От этих размышлений спать окончательно расхотелось. Они унесли с собой не только сон, но и рассудок, и печаль. Она вдруг поняла, что уже очень давно была влюблена во Фрэнка и все это время оплакивала его. Если нужна кровь, чтоб вернуть его к жизни, она добудет эту кровь. И будь что будет.

На следующий день улыбка не сходила с ее губ, и во все последующие дни — тоже. Эту перемену в ее настроении Рори воспринял как знак того, что Джуллия окончательно освоилась и счастлива в своем но-

вом доме. Поняв это, он воспрянул духом. И с новым рвением принялся за отделку комнат.

Очень скоро, сказал он, можно будет перейти к работам на втором этаже. Они найдут источник сырости, устранит его, и он превратит большую комнату в спальню, достойную его принцессы.

Услышав эти слова, она поцеловала его в щеку и посоветовала не спешить: комната, где они спят сейчас, ее вполне устраивает. Разговор о спальне привел к тому, что он начал поглаживать ее по шее, затем притянул к себе и принялся нашептывать на ухо разные инфантильные непристойности. Она не отказалась ему, напротив, покорно пошла наверх и позволила раздеть себя (он очень любил этим заниматься). Он расстегивал ее блузку запачканными краской пальцами, а она притворялась, что эта игра возбуждает ее, хотя это было далеко от истины.

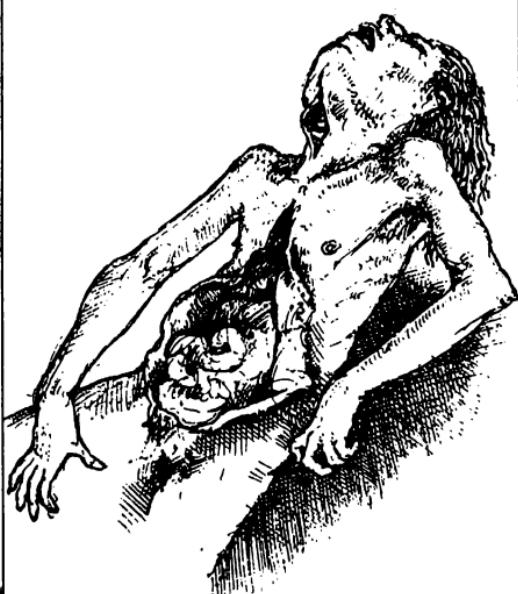
Единственное, что пробуждало в ней искру желания, когда она лежала на скрипевшей постели с Рори, сопящим между ее ног, был образ Фрэнка. Она закрывала глаза и отчетливо видела Фрэнка таким, каким он некогда был.

Не одиножды и не дважды его имя было готово сорваться с ее губ, но каждый раз она подавляла, заталкивала обратно этот заветный слог. Наконец ей пришлось опять открыть глаза, и реальность предстала перед ней во всей своей разочаровывающей неприглядности — Рори покрывал ее лицо поцелуями. Щека ее нервно задергалась при этом прикосновении.

Нет, она больше не в силах выносить этого, по крайней мере слишком часто. Слишком уж большие требуются усилия — играть роль уступчивой жены. Сердце может разорваться.

И вот именно тогда, впервые, лежа с Рори и ощущая на лице прохладное дуновение сентябрьского ветра, струящегося в окно, она задумалась, где бы раздобыть кровь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Иногда казалось, что прошла целая вечность, одна эра сменялась другой, а он все сидел, замурованный в стене, и в то же время подспудно чувствовал, что промежуток, отмеряемый этими эрами, позднее может оказаться часами, даже минутами.

Но теперь все изменилось, у него появился шанс *вырваться на волю*. Дух его стремительно взлетал и парил где-то в вышине при одной только мысли об этом. Впрочем, шанс невелик, обманываться нельзя. Как ни старайся, все усилия могут пойти прахом, и тому есть несколько причин.

Во-первых, Джкулия. Он помнил ее как вполне здравую, любящую вертеться перед зеркалом женщину, чье воспитание напрочь лишило ее способности испытывать истинную страсть. Он, правда, попытался приручить ее однажды. Этот день (в отличие от тысяч подобных ему дней) он вспоминал с некоторым чувством удовлетворения. Она сопротивлялась ровно в той мере, насколько требовали приличия, а затем отдалась с такой непрятворной,

обнаженной пылкостью, что он едва не потерял самообладание.

При других обстоятельствах он непременно увел бы ее из-под носа будущего мужа, но все же это было бы как-то не очень по-братски. И потом, через неделю или две она неизбежно наскучила бы ему, и тогда ему бы пришлось разбираться не только с бабой, чье тело уже намозолило глаза, но и с родным братцем, гонимым жаждой мести. Нет уж, увольте, дело того не стоило.

Кроме того, его ждали новые миры, которые предстояло покорить. На следующий день он отправился на восток, в Гонконг и Шри-Ланку, где его ожидали богатство и приключения. Что ж, они его дождались. И какое-то время он ими наслаждался. Но рано или поздно все деньги просачивались у него между пальцев, вскоре он даже начал задаваться вопросом: терял ли он нажитое в силу неудачно сложившихся обстоятельств или же просто не слишком утруждался, чтобы удержать то, что имел? Мысль, однажды промелькнувшую в голове, уже было не остановить. В постоянно сопровождавших его развале и распаде он стал угадывать доказательства, свидетельствующие в поддержку все той же горькой истины: не было в мире существа, тела или духа, ради которых он согласился бы испытать хотя бы малейшее временное неудобство.

Звезда его начала стремительно падать. Месяца три он провел в глубокой депрессии, преисполненный такой острой жалости к себе, что несколько раз оказывался на грани самоубийства. Однако ново-

обретенный нигилизм запрещал ему даже это. Если незачем жить, тогда и умирать вроде бы тоже незачем, правильно? И он продолжал метаться от одной тупиковой мысли к другой, пытаясь утопить их в бесконечном наркотическом потоке безумств и разврата.

Как и при каких обстоятельствах услышал он впервые о шкатулке Лемаршана, Фрэнк уже и не помнил. Возможно, в баре или же в канаве, из уст какого-нибудь пьяного бродяжки. Сначала это был просто слух, очередная сплетня — будто бы шкатулка эта содержит в себе невиданные наслаждения, в которых утомленные приевшимися радостями жизни люди способны обрести усаду и забвение. Но каков же путь к этому раю?

Путей было несколько. Было и несколько карт, что рассказывали о тропах, проложенных между реальностью и запредельным, проторенных путешественниками, чьи кости давно уже обратились в прах. Одна такая карта хранилась в подвалах Ватикана, зашифрованная в теологическом манускрипте, которого никто не видел со времен Реформации. Другая карта была исполнена в форме загадки-оригами, и обладал ею, по слухам, сам маркиз де Сад, который, будучи заточен в Бастилию, выменял ее у охранника на бумагу, на которой впоследствии написал свои знаменитые «120 дней Содома». А еще одну карту изготовил создатель заводных поющими птичек, французский мастер по имени Лемаршан, спрятав ее в музыкальной шкатулке и защитив таким количеством секретов, что человек мог потра-

тить полжизни, но так и не добраться до сокрытых в ней чудес.

Легенды, легенды...

И все же постепенно он поверил в то, что овладеть заветной тайной не так уж и трудно. Тайной, позволяющей раз и навсегда избавиться от тирании обыденности. Кроме того, подобные мысли помогали скоротать время, заполняя его полупьяными-полубредовыми мечтами.

Но как-то раз в Дюссельдорфе, куда он отправился однажды с контрабандной партией героина, ему вновь довелось услышать историю о шкатулке Лемаршана. И любопытство пробудилось снова, но только на этот раз он твердо вознамерился расследовать историю до конца, до самого, как говорится, ее истока. Человека, с которым он столкнулся на этом пути, звали Керчер, хотя наверняка у такого типа имелось в запасе еще поддюжины имен. Да, немец подтвердил существование шкатулки, и, о да, он представлял себе, каким образом Фрэнк может ее заполучить. Цена? Ну что вы, какие деньги, так, мелкие услуги, самые что ни на есть пустяшные. Ничего особенного. И Фрэнк оказал ему просимые услуги, после чего вымыл руки и потребовал оплаты.

Керчер также снабдил его подробнейшими инструкциями относительно того, как подобраться к секрету шкатулки Лемаршана, инструкциями отчасти вполне практическими, отчасти — метафизическими. Чтобы разгадать головоломку, надо отправиться в путешествие, так сказал он. Похоже, шкатулка представляла собой не то чтобы карту дороги, но саму дорогу.

Это новое пристрастие быстро излечило его от наркотиков и пьянства, ведь, вполне возможно, существовали и другие пути изменить мир по образу и подобию своей мечты.

Он вернулся в дом на Лодовико-стрит, в пустой дом, в стенах которого и был теперь заточен, и, строго следя всем предписаниям Керчера, начал готовиться к разгадке Конфигурации Лемаршана. Никогда в жизни не был он столь воздержан и столь целеустремлен. В дни, предшествовавшие атаке на шкатулку, он вел образ жизни, которого устрашился бы даже святой. Всю свою энергию, всю свою волю Фрэнк сосредоточил на подготовке к церемонии.

Да, он был чересчур самонадеян в стремлении хоть как-то приблизиться к Ордену Гэша, теперь он это отчетливо понимал, однако повсюду — и в этом мире, и за его пределами — существовали силы, подгипнавшие эту самонадеянность и кормившиеся ею. Но не только это подвело. Нет, настоящая и главная ошибка крылась в наивной вере, будто *его* понимание наслаждений совпадает с представлениями сенобитов.

В результате они принесли ему бесчисленные страдания. Оглушили его чувствительность, едва не довели до безумия, а затем подвергли таким пыткам, что до сих пор каждый нерв содрогается при одном только воспоминании о происшедшем. Сенобиты называли это наслаждением и, возможно, действительно так считали. Впрочем, как знать, что творится в их душах и умах, абсолютно недосягаемых для человеческого понимания? Сенобиты не

признавали никакой «поощрительной системы» (их пытки невозможно было прекратить, невозможно было избавиться от их внимания), не трогали их и мольбы о милосердии. С того момента, как он разгадал тайну шкатулки, и до сегодняшнего дня прошли многие недели, месяцы, и все это время он просил, умолял о снисхождении, но тщетно.

Нет, по эту сторону пропасти не было места страданию, здесь господствовали лишь слезы и смех. Порой слезы радости (целый час, проведенный вне боли и страха; пусть даже краткая секунда). А порой смех, вызванный, как ни парадоксально, новым кошмаром, новой пыткой, которую предстояло испытать, какой-нибудь новой изощренной мукой, специально изобретенной для него Инженером.

А пытки все усложнялись — мозг, их порождающий, утонченно и всеобъемлюще представлял себе природу и суть страдания. Пленникам разрешалось заглядывать в мир, который они покинули. Места, в которых они отдыхали от так называемых наслаждений, своими «окнами» выходили туда, где пленники некогда разгадали секрет Конфигурации, ввергнувший их в ад. В случае с Фрэнком это была комната на втором этаже дома № 55 по Лодовикострит.

Почти целый год помещение пребывало заброшенным — ни одна живая душа не забредала в дом. А потом, потом вдруг появились *они*. Рори и красавица Джулия. И надежда ожила в нем снова...

Пути к бегству существуют, шептал ему внутренний голос; в системе наверняка есть лазейки, через которые человек умный и хитрый способен ускольз-

нуть и снова очутиться там, откуда некогда пришел. И если у пленника получится бежать, то иерофанты уже будут не властны над ним. Их нужно призвать, чтобы они могли *переступить* через порог. Без такого «приглашения» они обречены, как псы, торчать у двери, скребясь и царапаясь, но не имея возможности войти. Побегом, если такой удастся, узник навсегда рвет свой контракт с этими ужасными существами, свой брак, который когда-то ошибочно заключил. Тут, конечно, есть риск, но дело того стоит. Да и риск ли это? Что может быть худшей пыткой, чем постоянная мысль о боли, от которой не избавиться, которая пребудет вечно?

Ему еще повезло. Многие пленники покинули реальный мир, не оставив в нем следа, которым при удачном стечении обстоятельств можно было бы воспользоваться и восстановить их тела. А вот Фрэнк такой след оставил. Почти последнее его деяние в этом мире, не считая безумного вопля. Он пролил свое семя на пол. Мертвая сперма хранила в себе пусть скучное, но все же отражение его я; скучное, но вполне достаточное. И когда его драгоценный братец Рори, милый растяпа Рори, поранил себе пальчик, у Фрэнка появилась надежда. Он нашел опору, ощутил прилив силы, которая вскоре поможет выбраться на свободу. Теперь все зависит от Джуллии.

Иногда, претерпевая очередные пытки, он думал, что она бросит его, просто от страха. Или сочтет представшее перед ней видение дурным сном. И тогда... он пропал. Сил, чтобы явиться к ней еще раз, у него не было.

Впрочем, кое-что вселяло надежду. Во-первых, тот факт, что после случившегося она возвращалась в комнату не раз и не два, просто стояла в темноте, не сводя глаз со стены. Однажды она даже прошептала что-то, он уловил лишь несколько слов, среди которых точно было слово «здесь». А еще «жди» и «скоро». И эти ее слова не позволяли ему ввергнуться в отчаяние.

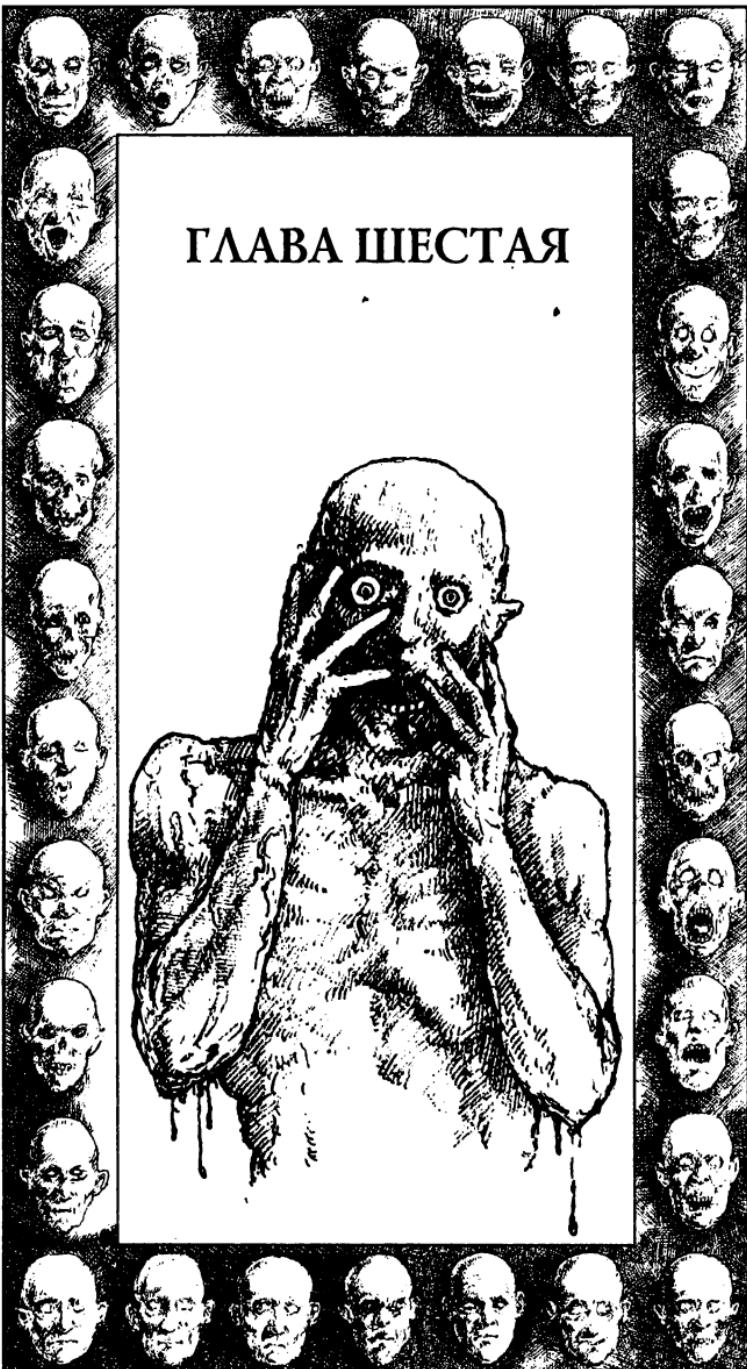
А во-вторых... Джгулия относилась к потерянным душам. Он прочел это по ее лицу, когда накануне того дня, как Рори поранился, Джгулия и его брат зашли сюда, в комнату. На краткий миг самообладание покинуло ее, и в глазах Джгулии промелькнули грусть и отчаяние.

Она потеряла смысл жизни. Была замужем за человеком, которого не любила, и не видела выхода из сложившейся ситуации.

И тут ей на помощь придет он, Фрэнк. Они еще могут спасти друг друга, как, согласно уверениям поэтов, всегда спасали друг друга влюбленные. Он был сама тайна, сама тьма, он был тем, о ком она мечтала. И если только ей удастся освободить его, он отблагодарит ее — о да! — подарит неизбывное наслаждение, заставит перешагнуть порог, за которым, как и за любым другим порогом, сильные становятся еще сильнее, а слабые погибают.

За этим порогом наслаждение есть боль, и наоборот. Он познал и то и другое сполна, и край этот он зовет своим родным домом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На третьей неделе сентября сильно похолодало, дыхание Арктики принесло с собой хищный ветер, горстями срывавший листья с деревьев.

Похолодание повлекло за собой смену гардероба и некоторое изменение в планах. Вместо того чтобы пройтись, Джуллия решила поехать на машине. В середине дня она приехала в центр города и зашла в бар, где посетителей в обеденное время хватало, но и особого столпотворения тоже не наблюдалось.

Мимо сновали люди. Заглянули молодые турки из какой-то адвокатской конторы, видимо находившейся поблизости,— сев кружком за стол, они принялись громко обсуждать свои дела и далеко идущие планы. В другом углу расположилась компания заядлых выпивох, отличавшихся от окончательно падших алкоголиков разве что относительно аккуратными костюмами. За прочими столиками сидели посетители, предпочитавшие одиночество (вот это куда интереснее), и просто пили. Периодически Джуллия ловила на себе восхищенные взгляды молодых турков, но никак не реагировала.

Присидев в баре целый час (наконец народ немного рассосался, рабы бизнеса разошлись после перерыва по своим любимым конторам), Джуллия вдруг заметила, как кто-то поедает глазами ее отражение в висящем над стойкой зеркале. Пытаясь скрыть охватившее ее волнение, она сделала пару глотков из своего бокала. Ожидание длилось минут десять, а потом незнакомец внезапно поднялся со своего места и приблизился к ее столику.

— Не скучно пить в одиночестве? — осведомился он.

При этих словах ей захотелось бежать. Сердце заколотилось так сильно, что, казалось, он вот-вот услышит его стук. Но нет. Мужчина просто спросил, не желает ли она выпить еще; она согласилась. Явно довольный тем, что ему не дали от ворот поворот, мужчина направился к бару, заказал два двойных виски и вернулся к ней. Лицо круглое, румяное, цветущее, темно-синий костюм на размер меньше, чем полагалось бы. Только его глаза выдавали какое-то внутреннее беспокойство, на миг задерживались на ее лице и тут же стреляли в сторону, будто испуганные рыбки.

Беседа не должна быть слишком серьезной, загадя решила она для себя. Ни к чему знать про него слишком много. Ну разве что имя. Его профессия, материальное положение — только в случае, если он сам об этом заговорит. Все это неважно, главное — его тело...

Впрочем, до особых откровений не дошло, зря она опасалась. Встречались в ее жизни и куда более болтливые типы. Изредка он улыбался суетливой

нервной улыбкой, обнажая слишком ровные, чтобы быть настоящими, зубы, и предлагал выпить еще. Наконец, желая покончить с делом как можно быстрее, она ответила «нет» и в ответ спросила, не хочет ли он заглянуть к ней на чашечку кофе. Он тут же согласился.

— Дом всего в несколбких минутах езды,— сказала она, и они направились к машине.

Крутя руль, она про себя удивлялась, до чего же легко оказалось подцепить этот кусок мяса, пыхтящий рядом с ней на сиденье. Возможно, сей человечек с невыразительным взглядом и вставными зубами по самой своей натуре назначен стать жертвой, обречен самой судьбой совершить это путешествие. Да, наверное, так оно и есть. И еще: она ни капельки не боялась, все было так просто и предсказуемо...

Не успела она повернуть ключ в двери и переступить через порог, как ей показалось, что с кухни донесся какой-то шум. Неужели это Рори вернулся домой раньше времени? Может, заболел? Она окликнула его. Ответа не последовало. В доме никого не было. Почти никого.

Едва переступив порог, она начала действовать согласно заранее продуманному плану. Прежде всего запереть дверь. Мужчина в синем костюме пристально разглядывал свои наманикюренные ногти, явно ожидая подсказки.

— Иногда бывает так одиноко,— заметила она и прошла мимо него, слегка задев бедром.

Этот маневр был придуман в постели прошлой ночью.

Вместо ответа он лишь кивнул, на лице его застыло недоверие пополам с настороженностью. Очевидно, он просто не мог поверить привалившему ему счастью.

— Хотите еще выпить? — спросила она.— Или сразу отправимся наверх?

Он снова кивнул.

— Похоже, я уже достаточно выпил.

— Значит, наверх.

Он нерешительно подался в ее сторону, возможно, намереваясь поцеловать. Но, ловко увернувшись от него, она направилась к лестнице. Лучше будет обойтись без ласк.

— Нам сюда,— пригласила она.

Он покорно последовал за ней, вытирая пот с лица вытащенным из кармана платком.

На верхней ступеньке Джкулия, обернувшись, подождала, пока он поравняется с ней, после чего провела его через площадку к «сырой» комнате.

Дверь была распахнута настежь.

— Заходи, не стесняйся,— сказала она.

Он опять повиновался. Ему понадобилось несколько секунд, прежде чем глаза привыкли к царившей в комнате темноте, и еще несколько секунд, прежде чем заметить:

— Но здесь нет кровати.

Она затворила за собой дверь и включила свет. У притолоки на гвозде висел старый пиджак Рори. В его кармане она спрятала нож.

— Тут же нет кровати,— еще раз оглянувшись по сторонам, сообщил он.

— А чем плохо на полу? — спросила она.

- На полу?
- Снимай пиджак. Здесь тепло.
- Да, не холодно,— согласился он, но так и остался стоять.

Тогда она подошла к нему и начала развязывать галстук. Он весь дрожал, бедняжка. Бедная бессловесная овечка... Она уже сняла с него галстук, когда он наконец решил все-таки сбросить пиджак.

Интересно, видит ли Фрэнк, подумала она. И исподтишка глянула на стену. Да, наверное, он там... Видит. Знает. Уже облизывается, весь в нетерпении...

«Овечка» снова открыла рот.

— А ты...— начал он.— Э-э... может, ты... сделаешь то же самое?

— Что, хочешь увидеть меня обнаженной? — дразняще улыбнулась она.

При этих ее словах глаза его маслянико заблестели.

— Хочу,— торопливо ответил он.— Очень.

— Очень-очень?

— Очень-очень.

Он уже расстегивал рубашку.

— Что ж, быть может, твое желание сбудется.

Он снова одарил ее улыбкой.

— Это что, игра такая? — спросил он.

— Все от тебя зависит,— прошептала она и помогла ему снять рубашку.

Тело у него оказалось восковой белизны и почему-то напомнило ей грибы. Грудь жирная, выпирающий животик. Она приложила ладони к его лицу. Он поцеловал кончики ее пальцев.

— Ты красавица...— пробормотал он, с трудом выталкивая слова.

— Разве?

— А то сама не знаешь. Настоящая красавица. Ты самая красивая женщина, что я когда-либо видел.

— Какой приятный комплимент,— ответила она и повернулась к двери.

Сзади послышалось звяканье пряжки пояса, зашуршала по коже ткань — это он стягивал брюки.

Сейчас или никогда, подумала она. Видеть его в чем мать родила совсем не хотелось. Она и так уви-дела достаточно.

Джулия запустила руку в карман пиджака.

— Вот черт... — вдруг выругалась «овечка».

Она выпустила из пальцев нож.

— Ну что еще?

И обернулась. Есть кольцо на пальце, нет кольца на пальце (кстати, у него оно было) — это еще ни-чего не значит, семейное положение можно опре-делить и по другим деталям. О том, что «овечка» жената, говорили чудовищные трясы: громадные, мешковатые, стираные-перестираные, интимный предмет туалета, купленный женой, которая дав-ным-давно перестала думать о своем муже как об источнике сексуальных утех.

— Я... э-э... Кажется, мне придется пойти от-лить,— объяснил он.— Слишком уж много виски выпил.

Слегка пожав плечами, она снова отвернулась к двери.

— Я мигом,— сказал он ей в спину.

Но ее рука оказалась в кармане пиджака преж-де, чем он успел договорить эту фразу, и когда он шагнул к двери, Джулия уже снова обернулась к нему, сжимая в пальцах нож.

Он надвигался на нее слишком быстро, до самой последней секунды так и не заметив ножа. А потом на лице его отразилось скорее удивление, нежели страх. Впрочем, удивлялся он недолго. Нож вонзился в него, вошел легко и мягко, точно в зрелый сыр. Она нанесла один удар, затем еще один.

Хлынула кровь, и комната как будто вся замерзла, кирпичи и штукатурка словно бы задрожали при виде красных фонтанчиков, хлещущих из человеческого тела.

Какую-то долю секунды она наслаждалась этим зрелищем, но тут «овечка» испустила визгливое проклятие. Вместо того чтобы отшатнуться от ножа, как ожидала Джгулия, мужчина шагнул к ней и выбил оружие из ее рук. Со звоном полетев по полу, нож ударился о плинтус и остановился. А «овечка» набросилась на нее.

Глубоко запустив руку ей в волосы, мужчина сильно рванул, но целью его было вовсе не насилие и не месть, нет, он хотел бежать, поскольку, отшвырнув Джгулию со своего пути, тут же ее отпустил и принял дергать дверную ручку, другой рукой захватив глубокие раны на животе.

Однако Джгулия, ударившись о стену, быстро пришла в себя — стремительно метнулась к валявшемуся на полу ножу и тут же бросилась обратно, к своей жертве, которая уже успела на несколько дюймов приоткрыть дверь. И в этот самый миг Джгулия нанесла еще один удар, вонзив нож в спину беглецу. Громко взыв, тот выпустил дверную ручку, а Джгулия тем временем вытащила нож из раны и вонзила его снова, потом еще раз и еще. Разумеется,

сама она не считала, сколько ударов нанесла, — мир вокруг затмили злоба и ненависть: этот человек никак не хотел спокойно умирать. Но наконец она отпустила свою жертву. Завывая и всхлипывая, полумертвое тело сделало несколько неуверенных шагов, ручи крови текли по ягодицам и ляжкам. Казалось бы, этому жуткому фарсу не будет конца, однако спустя еще пару секунд тело все-таки споткнулось и с грохотом рухнуло на пол.

Удовлетворенный вздох прокатился по комнате — судя по всему, ее обитатель был доволен исходом.

Откуда-то издалека донесся бой колокола...

Почти автоматически Джуллия отметила про себя, что «овечка» перестала дышать. Она пересекла залитые кровью доски пола, подошла к неподвижно застывшему телу и спросила:

— Ну что, довольно?

А потом направилась в ванную.

Уже выйдя на площадку, она услышала, как комната позади нее громко застонала — иного слова подобрать было невозможно. Она приостановилась в сомнениях: а не вернуться ли? Но кровь на руках сохла быстро — противное, липкое ощущение.

Оказавшись в ванной, Джуллия сорвала с себя цветастую блузку и вымыла сперва руки, потом веснушчатые плечи и наконец шею и грудь. Купание холодило и одновременно возбуждало. Она чувствовала себя прекрасно. Ну вот, дело сделано. Джуллия отмыла нож, сполоснула раковину и вернулась в комнату, даже не удосужившись вытереться или одеться.

Впрочем, как оказалось, в том вовсе не было нужды. Воздух в комнате с каждой секундой становился все жарче, пропитанный энергиями, что покидали мертвое тело. Кровь, расплесканная по полу, тянулась к стене, где находился Фрэнк, ее капельки вскипали и испарялись, едва успев достигнуть плинтуса. Словно зачарованная, Джулия наблюдала за этой картиной. А потом труп вдруг зашевелился, начал содрогаться и корчиться, как будто из него высасывали внутренности, все до единого питательные вещества: в кишках и горле забурлили газы, кожа треснула и стала расплзаться, как старая перчатка. В какой-то момент вставную челюсть засосало в глотку, и голые десны раздвинулись в широком оскале.

А еще через несколько секунд все было кончено. Казалось, из тела было высосано все сколько-нибудь пригодное для питания; оставшаяся плоть не прогормила бы даже пару блох. Джулия восхищенно покачала головой.

Внезапно лампочка под потолком замерцала, и Джулия с надеждой взглянула на стену, ожидая, что кирпич вот-вот дрогнет и выпустит на волю ее возлюбленного. Но нет. Лампочка погасла. Лишь слабый дневной свет едва-едва пробивался с улицы сквозь истертые временем шторы.

— Где ты? — позвала она.

Стены молчали.

— Где же ты?

Снова молчание. В комнате опять похолодало, и грудь Джулии покрылась гусиной кожей. Наклонившись, Джулия всмотрелась в тускло светящийся циферблат часов, безвольно висевших на иссох-

шей руке «овечки». Стрелки продолжали отмерять ход времени, равнодушные к той катастрофе, что постигла их владельца. Четыре часа сорок одна минута. Рори возвращается примерно в пять пятнадцать, в зависимости от движения на улицах. До его прихода надо успеть переделать кучу дел.

Свернув синий костюм и остальные вещи «овечки», она рассовала их по пластиковым пакетам, а затем отправилась на поиски более вместительной сумки для останков. Честно говоря, Джгулия ожидала, что Фрэнк как-то поможет ей с этим, но он так и не показался, а потому выбора не было — пришлось разбираться самой.

Вернувшись в комнату, она заметила, что тело еще немного усохло, как будто процесс кормления продолжался, хоть и не с прежней скоростью. Словно бы Фрэнк вознамерился высосать даже костную ткань. Впрочем, вряд ли. Вероятнее другое — оставшаяся оболочка, лишенная костного мозга и всех жизненно необходимых жидкостей, постепенно теряла прежнюю форму. Затолкав останки в сумку, Джгулия с удивлением отметила, что тело взрослого мужчины теперь весит как тельце ребенка, совсем малыша. Она задернула молнию и уже собралась было снести сумку к машине, как вдруг услышала стук ударившейся о косяк входной двери.

Именно этот звук дал выход панике, которую до сих пор она так усердно подавляла. Тело начала бить дрожь, к глазам подступили слезы.

— Не сейчас, *только не сейчас*, — твердила она себе, но у нее уже не было сил сдерживать обуревавшие ее чувства.

Из холла снизу донесся голос Рори:

— Лапуся!

Лапуся! Она бы расхохоталась, если бы не охвативший ее страх. Ему так не терпится ее увидеть? Что ж, она здесь, его лапуся, его ласточка, с только что отмытыми от крови руками и грудками. И с сумкой, в которой лежит тело мертвеца.

— Где ты?

Она по-прежнему не отвечала, опасаясь, что голосовые связки подведут, выдадут ее.

Он окликнул ее в третий раз, но уже более приглушенно — видимо, зашел в кухню. Ровно через секунду он обнаружит, что и там ее нет, что она вовсе не стоит у плиты, помешивая какой-нибудь соус. Тогда он выйдет в холл и поднимется сюда. У нее десять секунд, максимум пятнадцать.

Стараясь ступать как можно тише — вдруг он услышит ее шаги наверху? — она оттащила узел в пустующую комнату, находившуюся по другую сторону от лестничной площадки. Слишком маленькую, чтобы ее можно было использовать под спальню, разве что как детскую. Поэтому они устроили там нечто вроде склада ненужных вещей. В комнате громоздились пустые картонные коробки, мебель, которой не нашлось места в остальном доме, прочий разнообразный хлам. Вот здесь на время можно спрятать тело, за спинкой сломанного кресла. Покинув комнату, она заперла за собой дверь. Рори тем временем уже подходил к лестнице. Сейчас он поднимется...

— Джулия? Джулия, дорогая! Ты здесь?

Она проскользнула в ванную и глянула в зеркало — оценить свой внешний вид. Растрепанная,

щеки покраснели, словно бы она чем-то смущена. Джулия схватила блузку, брошенную на край ванни, и надела ее. Блузка слегка пахла потом, между цветочками виднелись капли крови, но больше надеть было просто нечего.

Рори поднимался по лестнице, шаги отдавались слоновьим грохотом.

— Джулия?

На этот раз она ответила, сделав над собой огромное усилие, чтобы не дрожал голос. Зеркало подтверждало наихудшие опасения: скрыть тревогу и растерянность не удастся. Придется сослаться на незддоровье.

— Ты в порядке? — постучал он в дверь.

— Нет,— ответила она.— Что-то мне нехорошо...

— О, милая...

— Ничего, через минуту все будет нормально.

Он повернул ручку, но она предусмотрительно заперлась изнутри на задвижку.

— Подожди, я скоро выйду.

— Может, врача вызвать?

— Нет,— ответила она.— Не надо врача. Правда, не надо. Но я бы с удовольствием выпила глоток бренди.

— Бренди?

— Мне еще нужно пару секунд.

— Как скажете, мадам,— неуклюже сострил он.

Пока он спускался по лестнице, она считала ступеньки. Вроде бы внизу, значит, ничего не услышит. Джулия тихонько отодвинула задвижку и выскоцила на площадку.

На улице быстро смеркалось, на площадке стояла почти полная тьма.

Снизу до нее донесся звон бокалов. Она торопливо метнулась в комнату Фрэнка.

Там тоже было темно, а кроме того, стояла мертвая тишина. Стены больше не дрожали, колокольного звона слышно не было. Она как можно тише затворила за собой дверь. Дверь еле-еле скрипнула.

Не слишком-то тщательно она за собой убрала. На полу валялись кусочки кожи, какие-то трудно различимые в темноте комочки иссохшей плоти. Человеческой плоти. Опустившись на колени, она принялась подбирать их. Рори был прав. Она — идеальная *хаусфрау*.

А потом, поднявшись, она заметила какое-то легкое движение в окутавших комнату сумерках. Пришурившись, Джгулия взгляделась в темноту, но прежде чем ей удалось разглядеть некую фигуру, скорчившуюся в дальнем углу, тишину комнаты разорвал тихий голос:

— Не смотри на меня...

Усталый голос, голос человека, бесконечно измученного. Усталый, но вполне *осозаемый* и узнаваемый. И звучал он в той же комнате, где находилась она, Джгулия.

— Фрэнк... — прошептала она.

— Да... — ответил сломленный голос. — Это я...

— Ну как, тебе лучше? — донесся снизу вопрос Рори.

Джгулия быстро подошла к двери.

— Гораздо лучше, — крикнула в ответ она.

— Не пускай его сюда! — яростно прошипело существо за ее спиной.

— Ладно, ладно,— шепотом пообещала она. А потом крикнула Рори: — Через минуту выхожу. Поставь музыку. Что-нибудь успокаивающее.

Рори ответил, что сейчас все сделает, и вернулся в гостиную.

— Я еще не обрел свой прежний вид,— снова заговорило существо голосом Фрэнка.— И не хочу, чтобы ты меня видела... И другие тоже... Не хочу, чтобы видели меня... таким.— Он помолчал, а потом сказал, но уже тише: — Мне нужна еще кровь, Джуллия.

— Еще?

— И как можно быстрее.

— Но сколько это еще? — спросила она у тени.

Глаза ее немножко привыкли к темноте, и ей наконец удалось получше рассмотреть то, что пряталось там, в углу. Неудивительно, что он не хочет, чтобы его видели.

— Еще, просто еще,— откликнулся он.

И хотя голос этот был очень слаб, чуть громче шепота, в нем звучала какая-то пугающая настойчивость. Джуллия содрогнулась.

— Мне надо идти,— промолвила она, услышав, что внизу заиграла музыка.

На сей раз тень ничего не ответила. Уже у двери Джуллия обернулась.

— Я очень рада, что ты вернулся,— сказала она.

Вслед ей донесся звук, одновременно напоминавший и смех, и рыдание.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

— Керсти? Это ты?

— Да. Кто это?

— Рори...

Линия работала плохо, из трубки доносились шорохи и всхлипы, словно ливень, хлеставший за окном, проник даже в телефонные провода. И все же она была так счастлива слышать его голос. Он звонил ей крайне редко, а если и звонил, то говорил не только от своего имени, но и от Джулии тоже. Правда, на этот раз все было по-другому. На этот раз предметом разговора стала как раз Джулия.

— С ней творится что-то неладное, Керсти,— признался он.— А в чем дело, не пойму.

— Хочешь сказать, она заболела?

— Возможно... Она ведет себя так странно...

А еще она ужасно выглядит.

— Ну а что говорит?

— Твердит, что с ней все прекрасно. Но я чувствую, на самом деле это не так. Может, она тебе что рассказывала?

— Нет. Мы же не виделись с того самого дня, с новоселья.

— Да, и вот еще что. Она наотрез отказывается выходить из дома. Это на нее так не похоже.

— Ты хочешь, чтобы я... ну, поговорила с ней, что ли?

— А ты как? Сможешь?

— Не знаю, будет ли от этого толк. Но почему бы не попробовать?

— Только учти: я тебя ни о чем не просил.

— Конечно, я ничего ей не скажу, не беспокойся. Загляну к вам, ну, допустим, завтра, как бы между прочим...

(«Завтра, это должно случиться завтра».

«Да, знаю...»

«Я боюсь. Мне кажется, я теряю силы... Начал снова ускользать туда... обратно».)

— Тогда я позвоню тебе в четверг, с работы, ладно? И ты расскажешь, что удалось выяснить.

(«Ускользаешь?»

«Они уже знают, что я сбежал».

«Кто знает?»

«Те, из Ордена Гэша. Те сволочи, что утащили меня...»

«И они тебя ждут?»

«Да. Там, за стеной».)

Рори рассыпался перед ней в благодарностях, а она, в свою очередь, заверила, что это ее долг как друга. После чего он повесил трубку, оставив ее слушать шум дождя на линии.

Теперь Джуллия принадлежала им обоим. Они стали союзниками, объединенными тревогой о ее

благополучии, гадающими — может, всему виной дурные сны.

Пусть так, это все равно ощущение близости.

2

Мужчина в белом галстуке времени не терял. Едва успев положить глаз на Джгулию, он тут же подошел к ней. Но за те краткие секунды, пока он шагал к ней через зал, она решила, что это неподходящий объект. Слишком крупный, слишком самоуверенный. Столкнувшись с яростным сопротивлением первой жертвы, она отныне намеревалась действовать более осмотрительно.

И поэтому, когда Белый Галстук спросил, что она будет пить, Джгулия в ответ попросила оставить ее в покое.

Очевидно, он не впервые получал отпор, так как, не медля ни секунды, развернулся и двинулся к бару. Она снова принялась за свой коктейль.

Сегодня опять льет как из ведра, дождь продолжается вот уже почти трое суток, и в баре было гораздо меньше посетителей, чем на прошлой неделе. Вот с улицы заскочили какие-то промокшие до нитки крысята, но ни один не удостоил ее сколько-нибудь пристального взгляда.

Пора уходить. Время приближалось к трем. Слишком поздно, и рисковать нельзя — а вдруг Рори приедет с работы чуть раньше и застигнет ее, как тогда?

Джгулия залпом допила коктейль. Сегодня Фрэнку не везет, решила она про себя. Однако, когда она

вышла из бара под дождь и, раскрыв зонтик, направилась к машине, сзади вдруг послышались шаги. И вот Белый Галстук уже поравнялся с ней и, слегка склонив голову к ее ушку, шепчет:

— Моя гостиница тут, неподалеку.

— О... — неопределенно ответила она, ускоряя шаг.

Но от него оказалось не так-то просто отвязаться.

— Я здесь всего два дня, — сообщил он.

Не смей поддаваться искущению, приказала она себе.

— Просто умираю от скуки, ищу, с кем бы поболтать... — продолжал он. — Два дня, наверное, ни с одной живой душой не говорил.

— Правда?

Он придержал ее за руку. Сжал так сильно, что она едва не вскрикнула. И в тот же миг поняла — решено. Сегодня она убьет его. Похоже, он заметил промелькнувшую в ее глазах искорку, но истолковал ее неверно.

— Так что, в гостиницу? — улыбнулся он.

— Терпеть не могу гостиниц. Они такие... безликие.

— А есть вариант лучше? — спросил он.

Ну разумеется, у нее был вариант.

В холле он повесил промокший плащ на вешалку. Она предложила выпить, и он не отказался. Звали его Патрик, и родом он был из Ньюкаслса.

— Я в вашем городе по делам. Впрочем, идут они из рук вон плохо.

— Отчего же?

Он пожал плечами.

— Наверное, оттого, что я плохой коммерсант.
Вот и вся причина.

— А что ты продаешь? — поинтересовалась она.
— А тебе требуется что-то конкретное? — молниеносно парировал он.

Она усмехнулась. Надо бы побыстрее вести его наверх, он начинает ей нравиться, этот коммерсант.

— Почему бы нам не продолжить столь занимательную беседу наверху? — спросила она.

Предложение звучало слишком прямолинейно, но ничего другого в голову просто не пришло. Он одним глотком осушил стакан и последовал за ней.

С некоторых пор она стала запирать дверь, ведущую в «сырую» комнату. Увидев, как Джуллия достает из кармана ключ, коммерсант наградил ее за интригованным взглядом.

— Только после вас,— сказал он, когда она наконец распахнула дверь.

Она вошла первой. Он — следом. На сей раз никаких раздеваний, решила она. Он может заметить, что они в комнате не одни, и тогда все пропало. А Фрэнку одежда не станет помехой.

— Мы что, будем трахаться прямо на полу? — осведомился он.

— А есть возражения?

— Да нет, главное, чтобы тебя устраивало,— ответил он и впился в ее рот долгим поцелуем.

Джуллия чувствовала, как горячий и острый язык щекочет ей десны. Да, в нем была страсть, это несомненно, она ощущала, как к ее бедру прижалось нечто большое и твердое.

Но дело прежде всего. Пролитая кровь утолит голод страждущего.

Она с трудом оторвалась от его губ и попыталась выскользнуть из крепких объятий. Нож находился там же, в кармане пиджака, висящего возле двери. Сжав в руке его рукоять, она обретет силы, чтобы справиться с искушением.

— В чем дело? — удивился он.

— Ни в чем... — пробормотала она. — Куда торопиться... У нас полно времени.

И она ободряюще прикоснулась к молнии на его брюках. Он закрыл глаза, жмурясь, как довольный кот.

— Странная ты какая-то... — заметил он.

— Не смотри! — приказала она.

— Почему?

— Не открывай глаз.

Он слегка нахмурился, но повиновался ей. Джуллия тихонько отошла к двери и начала шарить в кармане пиджака, осторожно косясь в его сторону — а вдруг подглядывает?

Но он не подглядывал, лишь начал раздеваться. Наконец ее пальцы сомкнулись на рукоятке ножа, и тени, скопившиеся в углах комнаты, издали тихое рычание.

Услышав этот звук, он тут же открыл глаза.

— Что это? — спросил он и начал озираться, всматриваясь во тьму.

— Да ничего, — пробормотала она, вытягивая нож.

Но он уже двинулся прочь, глядываясь в противоположный угол комнаты.

- Там, кажется, кто-то есть...
- Откуда?
- Да вон же...

Последний слог буквально замер у него на губах, когда он различил легкое движение у окна.

— Что, черт побери... — начал было он, но закончить фразу так и не успел.

Она уже была рядом и полоснула его по шее, точно заправский мясник. Кровь толстой, густой струей ударила из раны, с влажным хлюпаньем окатив стену.

Джулия услышала, как застонал от удовольствия Фрэнк, после чего, практически сразу, раздался низкий, глухой стон умирающего коммерсанта. Рука его вскинулась к горлу, как будто он намеревался зажать рану, но Джулия снова занесла нож и полоснула его по пальцам, а потом по лицу. Он зашатался, испустил еще один не то стон, не то рыдание и, рухнув на пол, забился в предсмертных судорогах.

Ноги его яростно дергались, и она отошла чуть в сторону. В углу комнаты возникла раскаивающаяся, точно маятник, фигура Фрэнка.

— Умница... Молодец, — похвалил он.

Было это игрой воображения, или его голос действительно окреп? Теперь он куда больше походил на голос, что звучал в ее памяти все эти годы, проведенные впустую.

И тут в дверь позвонили. Она замерла.

— О господи, — пробормотали ее губы.

— Все в порядке, — произнесла тень. — Он уже умер...

Джулия перевела взгляд на человека в белом галстуке и убедилась, что Фрэнк прав. Тело безвольно распростерлось на полу.

— Он такой большой,— заметил Фрэнк.— Такой сильный.

Он уже вылез из своего угла — видимо, голод был настолько сильным, что Фрэнк забыл о всяком смущении. И впервые за все это время она сумела разглядеть его. Это была пародия на человека. Даже не на человека, на жизнь вообще. Джулия поспешно отвернулась.

В дверь позвонили снова, на этот раз звонок звучал дольше.

— Иди открай,— коротко бросил Фрэнк.

Она не ответила.

— Иди,— повторил он, повернув к ней свою ужасную голову: посреди окровавленной плоти ярко и жадно горели глаза.

Звонок прозвенел в третий раз.

— Твой посетитель очень настойчив,— заметил он, сменив тон голоса и пытаясь действовать методом убеждения.— Я считаю, ты все же должна открыть.

Она невольно попятилась, и он опять сосредоточил свое внимание на теле, распростертом у его ног.

Снова звонок.

Пожалуй, лучше действительно открыть. Она торопливо вышла из комнаты, стараясь не прислушиваться к звукам, которые издавал Фрэнк. Да, открыть эту чертову дверь. Наверное, какой-нибудь страховской агент заявился или проповедник из иего-

вистов, пекущийся о спасении ее души. Самое время его послушать. В дверь опять позвонили.

— Иду! — крикнула Джгулия и ускорила шаг, вдруг испугавшись, что незваный гость уйдет.

Приблизившись к двери, она изобразила на лице приветливую улыбку, готовясь встретить посетителя. Но улыбка тут же исчезла.

— Керсти?

— А я уж думала, дома никого нет.

— Я... я просто заснула и...

— А-а.

Керсти внимательно оглядела ее через щель в приоткрытой двери. Рори описывал ей измученную, больную женщину. Но Джгулия никак не подходила под это описание. На щеках ее играл румянец, расстрапанная прядь волос прилипла к вспотевшему лбу. Она вовсе не походила на человека, только что поднявшегося с постели. Гм-м, вернее, может, и поднявшегося, но никак не после сна.

— Я просто шла мимо,— поведала Керсти.— И решила заглянуть, проведать тебя, поболтать.

Джгулия пожала плечами.

— Э-э... видишь ли, сейчас не совсем удобно,— сказала она.

— Понимаю...

— Может, как-нибудь потом, на недельке зайдешь?

Взгляд Керсти устремился за спину Джгулии, к вешалке в холле. Там висел все еще сырой мужской габардиновый плащ.

— А что, разве Рори дома? — удивилась она.

— Нет,— быстро ответила Джулия.— Конечно нет. Он на работе.

Лицо ее вдруг потемнело.

— Так ты за этим пришла? — осведомилась она.— Повидаться с Рори?

— Да нет, я...

— Знаешь, вовсе не стоит спрашивать моего разрешения! Он взрослый человек, и ты тоже. Вы вольны делать все, что вам, черт бы вас побрал, заблагорассудится!

Керсти не стала оправдываться и спорить. От такого поворота событий у нее просто голова пошла кругом.

— Отправляйся домой,— жестко сказала Джулия.— Я не желаю с тобой разговаривать.

И захлопнула дверь.

С полминуты Керсти стояла на пороге, вся дрожа. Да, теперь ей все ясно. Этот промокший плащ в прихожей, замешательство Джулии, раскрасневшееся лицо, внезапный приступ гнева. Да у нее в доме любовник! Бедный Рори, как же он заблуждался!

Она спустилась с крыльца и двинулась по тропинке к калитке. Ее обуревали самые противоречивые мысли и чувства. Теперь, когда предательство Джулии стало очевидным, что она скажет Рори? Эта новость наверняка разобьет его сердце вдребезги. И именно на нее, человека, принесшего дурные вести, обрушится в первую очередь его гнев. Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Но слезам так и не суждено было пролиться. Они были подавлены другим, более сильным чувством, охватившим ее, как только она вышла на улицу.

За ней наблюдают. Она физически ощущала чей-то взгляд на затылке. Может, Джуллия. Но Керсти почему-то казалось, что это не она. Тогда ее любовник... Да, любовник!

Выйдя из отбрасываемой домом тени, она поддалась искушению и обернулась.

Фрэнк, стоя у окна в «сырой» комнате, следил за ней через дырочку, проделанную в шторе. Посетительница, чье лицо показалось ему смутно знакомым, пристально смотрела на дом. Прямо на его окно. Уверенный, что ей его не увидеть, он продолжал разглядывать девушку. Что ж, ему доводилось встречать куда более соблазнительных женщин, но именно это отсутствие внешнего блеска казалось сейчас привлекательным. Богатый опыт подсказывал, что такие женщины куда более занятны, нежели красотки типа Джуллии. Лестью или силой их довольно просто склонить к действиям, на которые красавицы не пойдут никогда,— а эти простушки еще и благодарны будут за то, что на них обратили внимание. Может, она появится здесь еще раз, эта девица? Во всяком случае, он на это надеялся.

Керсти внимательно оглядела фасад дома, но ничего подозрительного не заметила. Окна были пусты или зашторены. И все же ощущение, что за ней наблюдают, не оставляло ее, напротив, даже усилилось, а еще она почему-то вдруг смущилась.

Пока Керсти шла по Лодовико-стрит, дождь припустил с новой силой. Чему она была только рада. Капли приятно охлаждали разгоряченное лицо и помогали скрыть слезы, которых она уже не сдерживала.

Джулия, вся дрожа, поднялась наверх и, шагнув через порог, наткнулась на... Белый Галстук. Вернее, на его голову. На сей раз то ли от жадности, то ли по злобе Фрэнк разорвал труп на части. По всей комнате были разбросаны осколки костей и куски иссохшего мяса.

Однако самого гурмана нигде не было.

Она повернулась — и увидела, что он стоит прямо перед ней, преграждая путь из комнаты. Считанные минуты прошли с тех пор, как она оставила его склонившимся над человеческим трупом. И за этот короткий промежуток времени Фрэнк неизвестно изменился. Там, где прежде торчали иссохшие хрящи, появились набирающие силу мышцы; начали прорисовываться вены и артерии — они пульсировали, наполнившись украденной у мертвеца жизнью. На голом шаре головы даже стали пробиваться волоски, что казалось несколько преждевременным, так как кожа нарастила еще не успела.

Впрочем, все эти изменения нисколько не улучшили внешность Фрэнка. Даже напротив, во многих отношениях ухудшили. Если прежде он был практически неизвестен, то теперь на фоне отдельных вернувшихся черт, свойственных всякому человеческому существу, лишь отчетливее выявилось его уродство.

Однако и это было не самое страшное. Он вдруг заговорил, и теперь уже не оставалось никаких сомнений, что голос этот принадлежит Фрэнку. Четкий, знакомый голос.

— Я чувствую боль,— сказал он.

Бровей на его лице не было, полуприкрытые веками глаза внимательно следили за каждым ее движением. Она попыталась скрыть свое отвращение, но тут же поняла, что все ее усилия напрасны.

— Мои нервы... они снова ожили,— продолжал он.— И это *больно*.

— Я могу чем-нибудь тебе помочь? — спросила она.

— Может... меня перевязать?

— Перевязать?

— Ну да. Бинтами или еще чем-то.

— Хорошо. Как скажешь.

— Но этого мало, Джуллия. Мне нужно еще одно тело.

— Еще одно?! — воскликнула она.

Когда же настанет конец этому кошмару?!

— А что нам терять? — ответил он и придвинулся чуть ближе.

Нервы ее были напряжены до предела. Прочитав на лице Джуллии страх, он снова замер.

— Скоро я буду в порядке,— прошептал он.— Целым, как раньше. И тогда...

— Давай я лучше приберу здесь,— предложила она, отводя от него глаза.

— ...Когда это произойдет, милая Джуллия...

— Скоро придет Рори.

— *Rori!* — Он яростно выплюнул это имя.— Мой милейший братец! И как только тебя угораздило выйти замуж за такого тупицу?

Внезапно она почувствовала злость.

— Я люблю его! — выкрикнула она, но после секундного раздумья поправилась: — Думала, что люблю.

Хохот, раздавшийся в ответ, лишь подчеркнул ужасную наготу стоявшего перед ней существа.

— Просто не верится! — воскликнуло оно.— Ведь он же слизняк, больше никто! Всегда им был. И всегда останется. Он боится приключений.

— В отличие от тебя.

— В отличие от меня.

Она взглянула на пол. Между ними лежала рука мертвеца. И тут Джалией овладело такое отвращение к себе, что ее чуть не вырвало. Все, что она совершила за последние дни, все, что намеревалась совершить, предстало перед ее глазами во всей своей чудовищной беспощадной неприглядности: этот падок совращений, который всякий раз заканчивался убийством. И, похоже, убийствам этим не будет конца. Да, она проклята точно так же, как он, это несомненно — ибо все его кошмарные мечтания принадлежат и ей тоже, она и Фрэнк думают об одном и том же, чувствуют одно и то же.

Что ж... сделанного не воротишь.

— Вылечи меня,— прошептал он. Голос его звучал уже не так грубо, как раньше, сейчас Фрэнк говорил просительно и нежно, как любовник.— Вылечи... Пожалуйста.

— Хорошо,— ответила она.— Вылечу. Обещаю тебе.

— И тогда мы снова будем вместе.

Она нахмурилась. .

— А как же Рори?

— Ну, мы все-таки родные братья,— пожал плечами Фрэнк.— Я уговорю его. Заставлю понять, что так будет правильно. Что это разумно и неизбежно. Ты больше не принадлежишь ему, Джуллия. Это осталось в прошлом.

— Да,— откликнулась она.

Он говорил чистую правду.

— Мы принадлежим друг другу. Ты же этого хотела, правда ведь?

— Хотела.

— И знаешь, если бы у меня была ты, думаю, все было бы по-другому,— сказал он.— Я бы не впал в отчаяние. И не продал свои душу и тело так дешево.

— Дешево?

— Ну, ради самого обычного удовольствия. Ради каких-то новых ощущений. В тебе...— Он еще на шаг приблизился к ней, и на этот раз она, завороженная его словами, не отстранилась.— В тебе я бы обрел... новый смысл жизни.

— Я теперь здесь, с тобой,— ответила она.

И, уже ни в чем не сомневаясь, протянула руку и дотронулась до него. Тело его было горячим и влажным на ощупь. Пульсировал, такое впечатление, каждый миллиметр плоти. Каждый, даже самый маленький, нервный узелок, каждая мышца.

Этот контакт возбудил ее. Словно до сих пор, до этого самого момента она до конца не верила в то, что Фрэнк действительно существует, действительно находится рядом. Теперь же мечта стала явью. Она создала этого человека, вернее *воссоздала*, своей волей, своим умом придав ему плоть, овеществив его. И возбуждение, которое испытывала она сей-

час, дотрагиваясь до этого беззащитного тела, было сродни чувству собственности.

— Наступают опасные дни,— продолжал он.— До сих пор я мог как-то скрываться. Ведь я был практически бесплотен. Но теперь совсем другое дело.

— Да, я тоже подумала об этом.

— Следовательно, нам стоит поторопиться. Любой ценой я должен вернуть свои прежние силы и снова обрести человеческий облик. Ты согласна?

— Конечно.

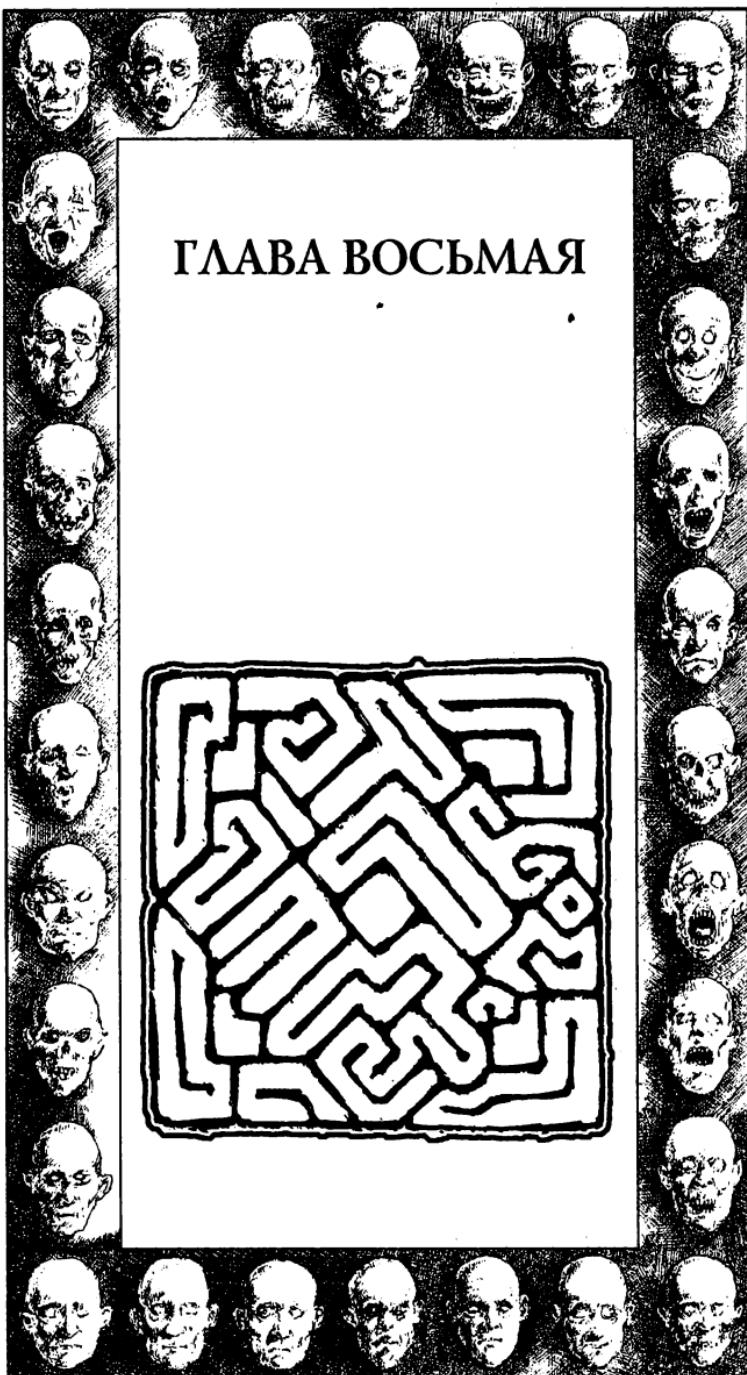
— И после этого конец всем ожиданиям, Джудит.

При этих словах его плоть словно бы запульсировала еще быстрее.

И вот он уже опускается перед ней на колени. Вот его изуродованные пальцы коснулись ее бедер, затем он прижался к ней ртом.

Борясь с приступом отвращения, она положила руку ему на голову и дотронулась до пробивающихся волос. Тонкие, шелковистые, как у младенца, а сразу под ними — тонкая плоть и кость черепа. За время, прошедшее со дня их первой, столь памятной для нее, встречи, Фрэнк так и не научился деликатности. Но отчаяние научило ее выжимать кровь из камней. Со временем она добьется любви от этого чудовища — в этом она была твердо уверена, савма не зная почему.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Ночью гремел гром. Разразилась гроза без дождя, отчего в воздухе остро пахло сталью.

Керсти всегда спала плохо. Даже маленькой девочкой, несмотря на то что ее мать знала колыбельные, способные успокоить и убаюкать целые народы, она засыпала с трудом. И не то чтобы ей снились какие-то особенно дурные сны, нет; во всяком случае, просыпаясь, она ничего подобного не помнила. Просто чтобы заснуть, нужно было закрыть глаза, ослабить контроль над сознанием. Именно этому она постоянно сопротивлялась.

Сегодня, когда гром грохотал так раскатисто, так громко, а молнии блестели столь ярко, она была счастлива. У нее появился веский предлог покинуть смятую постель, сесть выпить чаю и понаблюдать за грандиозным спектаклем природы, разворачивающимся за окном.

Появилось и время подумать, поразмысльить над загадкой, мучившей ее с момента посещения до-

ма на Лодовико-стрит. Впрочем, эти размышления нисколько не приблизили ее к разгадке.

Керсти мучило одно сомнение. А что, если она просто ошиблась? Что, если ей все это померещилось, она неверно истолковала виденное и у Джуллии имеются вполне разумные объяснения своему внешнему виду? Тогда она, Керсти, может потерять Рори, рассориться с ним раз и навсегда.

И все же, можно ли в данной ситуации молчать?

Ей была невыносима сама мысль о том, что эта женщина станет смеяться у нее за спиной, издеваться над ее благородством и наивностью. От одной мысли об этом кровь вскипала в жилах.

Значит, оставался один-единственный выход: нужно было набраться терпения. Ждать и следить. Возможно, ей удастся получить более веские доказательства. И если ее худшие предположения подтвердятся, у нее не будет другого выхода, кроме как сообщить Рори обо всем, что она видела.

Да, это единственно верное решение: ждать и следить, ждать и следить.

Гром грохотал полночи, не давая ей заснуть до четырех утра. Наконец Керсти все-таки задремала, погрузившись в сны, в которых она ждала — и следила. В беспокойные, полные тяжелых вздохов сны.

2

Казалось, гроза превратила дом в обиталище злых духов — он весь стонал и вздрагивал. Джуллия сидела внизу и считала секунды между вспышками

молний и вскоре являющимися следом за ними громовыми раскатами. Она боялась грозы. Она, убийца; она, связавшаяся с живым мертвецом. Еще один парадокс из целой коллекции парадоксов, которые она за последнее время в себе выявила. В какой-то миг ей даже захотелось подняться наверх и попытаться найти утешение у своего возлюбленного, но Джуллия тут же отвергла эту идею. В любую минуту Рори может вернуться с вечеринки, которую они устроили на работе. Наверняка придет пьяный, как в прошлый раз, и будет назойливо приставать к ней.

Гроза все приближалась. Джуллия даже включила телевизор, чтобы хоть немного заглушить разбушевавшуюся снаружи стихию, но это не очень-то помогло.

Ровно в одиннадцать, лучась пьяной улыбкой, вернулся Рори. У него были хорошие новости. В самый разгар вечеринки начальник отвел его в сторону и принялся рассказывать о том, какие блестящие перспективы ожидают его, Рори, в ближайшем будущем. Джуллия терпеливо слушала эти излияния, надеясь, что, пьяный от вина и собственного успеха, он не заметит ее равнодушия. Наконец, выложив эти новости, он сбросил пиджак и плюхнулся на диван рядом с ней.

- Бедняжка,— покачал головой он.— Боишься грозы?
- Я в порядке,— сказала она.
- Уверена?
- Да. Все прекрасно.

Он придинулся ближе и ткнулся носом в ее ухо.

— Ты весь потный,— заметила она.

Однако, начав заигрывать, он решил не останавливаться на полпути, а, напротив, стал еще настойчивее.

— Ну *пожалуйста*, Рори,— взмолилась она.— Я не хочу. Не надо.

— Почему? Что я такого сделал?

— Ничего,— ответила она, притворяясь, что ее вдруг страшно заинтересовало происходящее на экране телевизора.— Все нормально.

— Нормально?! — восхликал он.— У кого нормально? У тебя? У меня? Блядь, да где нормально?!

Она уставилась в мерцающий экран. Начался выпуск вечерних новостей, обычный перечень тревог и неурядиц. Рори продолжал болтать, заглушая голос диктора. Впрочем, она не возражала. Что хорошего может сообщить ей этот мир? Почти ничего. В то время как у нее, о, у нее есть о чем поведать миру. К примеру, об участии проклятых, о потерянной и вновь обретенной любви, о том, что роднит отчаяние и желание.

От подобных новостей весь мир встанет с ног на уши.

— Ну, пожалуйста, Джулия,— канючил Рори.— Поговори со мной!

Эти мольбы на миг отвлекли ее от размышлений. Он выглядит, подумала она, точь-в-точь как тот мальчик на фотографиях, только у мальчика этого волосатое, обрюзгшее тело, и одевается он во взрослую одежду — но все равно по сути своей он остает-

ся ребенком с растерянным взглядом и мокрыми губами. Она вспомнила слова Фрэнка: «И как только тебя угораздило выйти замуж за этого тупицу!» Вспомнила, и горькая усмешка искривила ее губы. Рори тем временем смотрел на нее, и все большее недоумение отражалось на его лице.

— Что тут смешного, черт бы тебя побрал?!

— Ничего.

Он покачал головой, его тупая злость сменилась угрюмым раздражением. Сверкнула молния, а следом за ней, буквально через секунду, ударили гром. И одновременно на втором этаже послышался какой-то шум. Она снова повернулась к телевизору, пытаясь отвлечь внимание Рори. Но тщетно, он тоже услышал подозрительный звук.

— Что это там за хрень?

— Гром.

— Нет,— покачал головой он, поднимаясь.— Там что-то другое.

И решительно направился к выходу из комнаты.

Мысль ее судорожно заработала в поисках выхода, за какую-то долю секунды был принят и тут же отвергнут целый десяток решений. А он уже пьяно дергал ручку двери.

— Может, я забыла закрыть там окно? — предположила она, тоже вставая.— Пойду взгляну.

— Я и сам могу это сделать,— рявкнул он.— Не такой уж я беспомощный, каким ты меня считаешь.

— Но никто не говорил, что ты...— начала она, но он уже не слушал.

Когда Рори вышел в коридор, снова сверкнула молния, еще более яркая, и снова грянул гром, еще более раскатисто. Она бросилась следом за мужем, и тут небо за окном пронзила новая ослепительная вспышка, сразу за которой громыхнуло так, что даже дом вздрогнул. А Рори тем временем уже поднимался по лестнице.

— Тебе показалось! — крикнула она ему.

Но он не ответил, продолжая взбираться по ступенькам. Она устремилась за ним.

— Не надо... — выкрикнула она в перерыве между раскатами, следующими один за другим.

Наконец она взбежала на второй этаж — и обнаружила там ожидающего ее Рори.

— Что-то не так? — осведомился он.

Она пожала плечами, маскируя тем самым охватившую ее дрожь.

— Ты ведешь себя просто глупо, — мягко заметила она.

— Разве?

— Это всего лишь гром...

Лицо Рори, освещенное светом, что струился снизу из холла, неожиданно смягчилось.

— Почему ты обращаешься со мной, как с полным дерьямом? — спросил он.

— Ты просто устал, — ответила она.

— Нет, и все-таки почему? — настойчиво, словно ребенок, повторил он. — Что плохого я тебе сделал?

— Ничего, все в порядке, — произнесла она. — Правда, Рори, все в порядке, все хорошо.

Одни и те же банальности, вновь и вновь, парализующие ум и волю.

Снова гром. И сразу за ним — еще один, посторонний звук. Джкулия выругалась про себя: неужели этот чертов Фрэнк не может себя вести хоть чуточку осторожнее?

Рори повернулся и всмотрелся в царившую на площадке полутьму.

— Ты слышала? — спросил он.

— Нет.

Чуть покачиваясь — сказывалось выпитое за вечер спиртное,— он отошел от нее и двинулся через лестничную площадку. Молния, сверкнувшая в раскрытой двери спальни, на миг озарила его, а затем все вокруг снова погрузилось в полумрак. Он направлялся к «сырой» комнате. К Фрэнку.

— Погоди! — крикнула она и бросилась за ним.

Но он не остановился, напротив, одним прыжком преодолел несколько последних ярдов, оставшихся до двери. И когда Джкулия наконец нагнала его, пальцы Рори уже сомкнулись вокруг дверной ручки.

В смятении и страхе она резко вскинула руку и коснулась его щеки.

— Я боюсь,— прошептала она.

Он недоуменно покосился на нее.

— Чего?

Она приложила пальцы к его губам, словно предлагая на вкус ощутить ее страх.

— Грозы...

В полутьме она смутно различала влажный блеск его глаз. Интересно, заглотнет ли он эту наживку или выплюнет?

И тут...

— Бедная малышка,— пробормотал он.

Нервно сглотнув, она испустила вздох облегчения, после чего, положив руку на пальцы мужа, сжимающие дверную ручку, ласково отвела их. Но если Фрэнк сейчас снова даст о себе знать, все пропало.

— Бедняжка,— повторил Рори и обнял ее.

Он нетвердо держался на ногах, а потому навалился на нее чуть ли не всей своей тяжестью.

— Идем,— сказала она, оттаскивая его подальше от двери.

Он, спотыкаясь, сделал вместе с ней несколько шагов, а затем вдруг потерял равновесие. Ей даже пришлось вырваться из его объятий, чтобы не упасть, и опереться о стену. Снова блеснула молния и отразилась в глазах Рори. Взгляд его был устремлен на Джекулию.

— Я люблю тебя,— пробормотал Рори и шагнул к ней.

А в следующую секунду он уже прижал ее к стене, не оставляя возможности к сопротивлению. Голова его уткнулась в изгиб шеи Джекулии, и он забормотал какие-то дурацкие нежности; вот он уже целует ее... Ей безумно захотелось отшвырнуть его от себя. Более того, захотелось схватить за потную руку, втащить в комнату и немедленно, сейчас же, показать воскресшее из мертвых чудовище, с которым он чуть было не столкнулся.

Но нет, Фрэнк еще не готов к этой встрече, пока еще не готов. Все, что ей оставалось,— это терпеливо сносить постылые ласки Рори с одной-единственной надеждой: что он скоро устанет и отпустит ее.

— Почему бы нам не спуститься вниз? — предложила она.

Он пробормотал что-то невнятное ей в шею, однако с места не сдвинулся. Левая ладонь уже лежала на ее груди, а правой рукой он обнимал ее за талию. Она позволила его липким пальцам скользнуть за вырез блузки. Любое сопротивление только еще больше распалит его.

— Ты нужна мне,— прошептал он, касаясь губами ее уха.

Некогда, целую вечность назад, сердце ее радостно подпрыгнуло бы при таком признании. Но совсем недавно все изменилось. Сердце ее — не акробат, она не ощутила ни легкого замирания в груди, ни радостного подъема. Ничего такого — организм продолжал работать, как работал. Вдох и выдох, кровь бежит по жилам, пища продвигается по кишечнику. Лишенные какой бы то ни было романтики, эти банальные размышления о собственном организме как о сосредоточении естественных потребностей помогли безропотно снести атаку Рори — особенно когда он сорвал с нее блузку и прижался лицом к груди. Ее нервные окончания дружески отреагировали на движения его языка, но опять-таки беспристрастно, по-анатомически. Сама же она крепко-накрепко заперлась в себе,

отгородилась собственными мыслями, воспоминаниями и была недосягаема за стенами этой крепости.

А он уже скидывал одежду, торопливо расстегивая пуговицы и молнии; вот она увидела хвастливо раздувшийся член, которым он погладил ее по бедру. Затем Рори чуть стянул с нее белье, чтобы не мешало, и раздвинул ей ноги. Она не возражала и не сопротивлялась, не издала ни звука, когда он наконец вошел в нее.

Даже во время занятий любовью он зачастую впадал в болтливость, вот и сейчас Рори, зарывшись лицом в ее волосы, забормотал какие-то глупости, в которых причудливо сочетались признания в любви и похотливые, непристойные шуточки. Она слушала вполуха и не мешала ему заниматься своим делом.

Вместо этого, опустив веки, она попыталась представить себе более радостные картины, лучшие времена, но гроза никак не позволяла сосредоточиться. Внезапно за очередным громовым раскатом последовал какой-то новый звук, и она открыла глаза. Дверь в «сырую» комнату была приотворена дюйма на два-три. В образовавшейся узкой щели можно было отчетливо различить отливающую влажным блеском фигуру Фрэнка, наблюдающего за ними.

Она не видела глаз Фрэнка, но физически ощущала на себе этот колючий от зависти и злобы взгляд. Однако отвернуться она почему-то тоже не могла, все продолжала и продолжала смотреть на Фрэнка,

не замечая участившихся стонов Рори. И вдруг одна картинка сменилась другой: вот она лежит на кровати в измятом и задранном свадебном платье, а темно-алый зверь скользит между ее раздвинутыми ногами, доказывая ей свою любовь.

— Бедная моя малышка...

Это было последнее, что пробормотал Рори, прежде чем его окончательно одолел сон. Он так и свалился на постель не раздеваясь; впрочем, она даже не пыталась стянуть с него одежду. Когда храп ее мужа зазвучал мерно, с характерным присвистом, она встала и прошла в «сырую» комнату.

Фрэнк стоял у окна, наблюдая за тем, как грозовой фронт смещается к юго-востоку. Оказывается, он сорвал шторы. Стены заливал свет голой лампочки.

— Он тебя слышал,— сказала она.

— Я хотел увидеть грозу,— коротко ответил он.— Мне обязательно надо было ее увидеть.

— Он чуть не обнаружил тебя, черт возьми!

Фрэнк покачал головой.

— «Чуть-чуть» не считается,— ответил он, продолжая смотреть в окно. А затем после недолгой паузы добавил: — Мне надо вырваться отсюда! Я хочу снова *иметь* все это, слышишь?!

— Знаю.

— Откуда? — покачал головой он.— Ты даже понятия не имеешь, что за голод владеет мной.

— Тогда завтра,— сказала она.— Завтра я достану еще одно тело.

— Да. Ты это сделаешь. И мне нужно кое-что еще. Во-первых, радио. Я должен знать, что творится в мире. И еда, нормальная еда. Свежий хлеб...

— Все, что угодно.

— И еще имбирь. В консервированном виде, знаешь? С соком.

— Да, я все принесу.

В этот самый момент он оглянулся, глаза его смотрели на нее, но ничего не видели. Нынешняя ночь принесла с собой слишком много старого мира, слишком много пришлось пережить заново.

— Я и не думал, что уже осень,—тихо промолвил он и снова уставился в окно, на грозу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первое, что заметила Керсти, явившись на следующий день на угол Лодовико-стрит, было окно на втором этаже дома. Штора, затеняющая его, исчезла. Вместо нее стекла были залеплены изнутри газетными листами.

Она устроила себе наблюдательный пункт в тени живой изгороди из падуба, откуда надеялась наблюдать за домом, оставаясь невидимкой для глаз его обитателей. И заступила на свой пост.

Терпение ее было вознаграждено не сразу. Часа два с лишним прошло, прежде чем она увидела, как Джуллия выходит из дома, еще час с четвертью — прежде чем она вернулась. К этому времени ноги у Керсти онемели от холода.

Джулия вернулась не одна. Мужчину, который с ней был, Керсти не знала; он вообще не походил на человека их круга. Несколько удалось разглядеть издали, это был пожилой человечек, полный, лысеющий. Входя следом за Джуллией в дом, он

нервно огляделся по сторонам, словно опасаясь, не следят ли за ним.

Керсти просидела в своем укрытии еще минут пятнадцать, перебирая варианты своих дальнейших действий. Может, стоит подождать здесь, пока мужчина не выйдет, а потом окликнуть его? Или попробовать позвониться в дверь и под каким-нибудь предлогом уговорить Джгулию впустить ее? Ни один из вариантов не показался ей приемлемым. Тогда она решила остановиться на некоем среднем. Надо подобраться поближе к дому, а там уже действовать в зависимости от того, как все повернется.

Повернулось все не лучшим образом. Керсти медленно кралась по тропинке к дому, сражаясь с непослушными, ставшими будто ватными ногами, и она уже была готова отступить, как вдруг услышала раздавшийся в доме крик.

Мужчину звали Сайкс, Стэнли Сайкс. И это далеко не все, что он поведал Джгулии по пути к дому. Кроме того, она узнала имя его жены (Мод), род его занятий (помощник мозольного оператора), а также ей были продемонстрированы фотографии детишек (Ребекки и Итана), чтобы она могла вдоволь ими поумиляться. Этот человек явно не желал поддаваться ее чарам. Возвращая фотографии, она вежливо улыбнулась и заметила, что он настоящий счастливчик.

Однако в доме события приняли совсем неожиданный оборот.

Посреди лестницы Сайкс вдруг остановился и решительно осудил то, что они собирались совершить:

мол, это совершенно безнравственно, а Бог видит все, он читает в их сердцах и осуждает содержащиеся там греховные желания. Она, разумеется, попыталась его успокоить, но отвлечь Сайкса от мыслей о Боге оказалось не так-то просто.

Он не только не унялся, напротив, разошелся еще больше и даже накинулся на нее с кулаками. В своем праведном гневе он натворил бы немало других глупостей, если бы не голос, окликнувший его с верхней площадки. Он тут же перестал размахивать руками и так побледнел, словно действительно сам Господь Бог воззвал к нему с небес. А вслед за этим на лестничной площадке во всем своем великолепии появился Фрэнк собственной персоной.

Сайкс испустил вопль и хотел было бежать, но Джюлия оказалась проворнее. Она успела схватить его и удерживала до тех пор, пока не спустился Фрэнк.

Только услышав страшный хруст сломанной kostи, когда Фрэнк завладел своей жертвой, она вдруг осознала, насколько сильным он стал за последнее время — куда сильнее обычного человека. Как только руки Фрэнка протянулись к нему, Сайкс снова принялася вопить. И, чтобы заставить его замолчать, Фрэнку пришлось вырвать ему нижнюю челюсть.

Второй крик, услышанный Керсти, резко обрывался, однако в тоне его она успела различить невероятный, смертельный ужас, что и подтолкнуло ее к более решительным действиям — в какую-то долю секунды она оказалась у двери, вот-вот готовая замолотить в нее кулаками.

Однако она вовремя опомнилась. Вместо этого Керсти спрыгнула с крыльца и скользнула за угол дома, одновременно сомневаясь в правильности такого решения и в то же время понимая, что лобовая атака ничем хорошим не закончится. На калитке, ведущей в задний двор, засова не было. И она тихонько прошмыгнула за заборчик, вся обратившись в слух и больше всего опасаясь, как бы кто-нибудь не услышал ее шагов. Однако из дома больше не доносилось ни звука. Внутри царила абсолютная тишина.

Оставив калитку открытой на случай, если придется быстро отступать, Керсти поспешила к черному ходу. Дверь оказалась незапертой. Но тут сомнение снова заставило ее замедлить шаг. Может, стоит позвонить Рори, сказать, чтобы он срочно ехал домой? Впрочем, пока он будет ехать, все уже закончится, а она прекрасно понимала, что, если Джгулию не застигнуть, как говорится, с поличным, она легко отвертится от любого обвинения. Нет, выход только один. Керсти открыла дверь черного хода и шагнула через порог.

В доме по-прежнему стояла мертвая тишина. Не было слышно даже шагов, которые помогли бы ей обнаружить участников только что разыгравшейся драмы. Керсти двинулась в сторону кухни и уже оттуда осторожно заглянула в столовую. В животе у нее ныло от страха, а в горле внезапно так пересохло, что, казалось, она и слотнуть не могла.

Из столовой — в гостиную, уже оттуда — в холл. Снова ничего — ни шороха, ни вздоха. Джгулия и ее

любовник могут быть только наверху, а это значит, что она ошиблась. Наверное, в тех криках звучал вовсе не ужас, а страсть, то был стон оргазма, а она его превратно истолковала. Впрочем, тут перепутать не так уж трудно.

Главный вход в дом находился справа, всего в нескольких ярдах от нее. Она вполне могла тихонько открыть дверь и выскользнуть наружу; трусиха, сидевшая у нее внутри, подсказывала поступить именно так, да и разум твердил, что это будет правильнее всего. Но ее почему-то вдруг обуяло мучительное, страстное любопытство, желание проникнуть в тайны, которые хранили стены этого дома, и покончить со всеми сомнениями раз и навсегда. Карабкаясь вверх по ступенькам, она испытывала странное возбуждение.

Поднявшись на второй этаж, Керсти тихонько пересекла лестничную площадку. И тут ей в голову пришла внезапная мысль: а вдруг голубки уже улетели? Пока она бегала вокруг дома и обследовала нижний этаж, любовники вполне могли улизнуть через главный вход.

За первой дверью слева находилась спальня; если они где-нибудь и спариваются, Джуллия и этот ее лысый хахаль, то наверняка здесь. Но нет. Дверь была распахнута настежь, и комната просматривалась нас kvозь. Керсти подошла к кровати — странно, покрывало было несмятым.

А затем внезапно... приглушенный крик. Совсем рядом и такой ужасный, что сердце у нее остановилось.

Быстро покинув спальню, Керсти увидела, как какая-то фигура вывалилась в одну из дверей, выходящих на площадку. Мерзкого типчика, что приехал с Джулией, Керсти узнала не сразу — да и то опознала этого мужчину только по одежде. Потому что лицо его абсолютно изменилось, изменилось чудовищным, непостижимым образом. Словно бы за минуты, прошедшие с того момента, как она видела его на крыльце, бедняга успел подхватить какую-то ужасную заразу, от которой вся его плоть стремительно усохла.

Заметив Керсти, мужчина заковылял к ней, как будто бы надеясь на ее защиту, однако не успел он сделать и пары шагов, как за его спиной выросла некая фигура. Судя по всему, этот незнакомец тоже страдал от какой-то болезни, поскольку был весь, с ног до головы, обмотан бинтами, сквозь которые проступали пятна крови и гноя. Впрочем, быстрота движений и ярость, с которой это существо атаковало преследуемого, свидетельствовали об обратном. Фигура стремительно настигла убегающую жертву и ухватила ее за горло. Керсти даже невольно вскрикнула, когда охотник заключил свою добычу в жадные объятия.

Изуродованный рот беглеца скривился и испустил еле слышный жалобный стон — видимо, кричать человек уже не мог. Но его палач лишь еще крепче сжал горло несчастного. Тело содрогнулось, начало корчиться, ноги задрыгались. Из глаз, носа и рта хлынула кровь, брызнув горячими капельками прямо в лицо Керсти. Это и вырвало ее из оцепенения.

ния. Она ждала, она наблюдала — и увидела все, что хотела. Даже больше того. Керсти бросилась прочь со всех ног.

Как ни странно, монстр не кинулся за ней следом. Она без помех добралась до лестницы и уже наполовину сбежала по ней, когда ее вдруг настиг голос.

Голос тихий и... странно знакомый.

— А... Так ты здесь,— услышала она.

В голосе звучали ласковые, почти интимные нотки — таким тоном обычно обращаются к старой знакомой. Керсти остановилась.

— Керсти,— продолжало существо,— подожди, не уходи.

Разум подсказывал ей — беги без оглядки! Но тело отказывалось повиноваться этому мудрому приказу. Оно как будто пыталось вспомнить, кому же принадлежал этот голос, глуховато звучавший из-под окровавленных бинтов. В принципе убежать она успеет, от существа ее отделяли добрых восемь ярдов. И Керсти обернулась, чтобы еще раз взглянуть на кошмарную фигуру. Тело в объятиях существа свернулось калачиком, как лежат младенцы в утробе матери, прижимая свои ножки к груди. Зверь бросил свою добычу на пол.

— Ты... убил его,— прошептала она.

Существо кивнуло. Оно не раскаивалось в содеянном и оправдываться не собиралось — ни перед жертвой, ни перед свидетелем.

— Мы его потом оплачим,— пообещало оно и сделало шаг в направлении Керсти.

— А где Джуллия? — спросила Керсти.

— Не бойся. Все в порядке, — все так же мягко ответил голос.

Она уже почти вспомнила, кому он принадлежал.

Воспользовавшись ее растерянностью, существо сделало еще один шаг, опираясь рукой о стену, словно боясь потерять равновесие.

— Я видел тебя... — снова заговорило оно. — Думаю, и ты меня тоже видела. Там, в окне...

Керсти невольно заинтересовалась. Выходит, эта тварь уже довольно давно находится в доме? Если так, то *Rori* наверняка должен...

И тут она поняла, что напоминает ей этот голос.

— О да. Ты помнишь. Я вижу, ты начинаешь вспоминать...

Это был голос *Rori*, очень похожие нотки, очень похожие интонации. Разве что этот голос был более гортанным, более самоуверенным. Однако сходство поражало. От изумления Керсти словно бы окаменела, в то время как зверь шаг за шагом продолжал приближаться к ней. Вот он уже на расстоянии вытянутой руки...

Наконец ей удалось побороть оцепенение, она резко повернулась и бросилась бежать. Но было уже поздно. Существо сделало еще один шаг, и Керсти ощутила, как скользкие сильные пальцы впились ей в шею. В горле зародился вопль отчаяния, однако вырваться наружу он не успел — изуродованная ладонь прижалась к ее лицу, не только за-

глушив крик, но и лишив Керсти возможности дышать.

А затем зверь без труда поднял ее и потащил обратно, наверх. Все попытки вырваться из стальных объятий оказались тщетными. Ее ногти впивались в его тело, срывая повязки и погружаясь в освежеванную плоть под ними, но существо словно бы ничего не чувствовало. В какой-то момент Керсти с ужасом осознала, что ее каблуки задели за труп, лежащий на полу. И почти тотчас же ее втащили в комнату, из которой появился зверь в погоне за убегающей жертвой. Там пахло прокисшим молоком и парным мясом. Керсти швырнули на деревянный пол, и руки ее уперлись во что-то мокрое и теплое.

Ее желудок, казалось, вот-вот вывернет наизнанку. И она не стала сдерживаться, но, содрогаясь и кашляя, выблевывала все его содержимое. Пребываая в смятении и страхе, она даже предположить не могла, что ждет ее дальше. На миг ей померещилось, что она увидела мелькнувшую на лестничной площадке женщину (Джулию? Или это была какая-то тень?), но потом дверь захлопнулась. Как бы там ни было, вызывать о помощи поздно, да и не к кому. Она осталась наедине с этим кошмаром.

Обтерев ладонью губы, Керсти поднялась на ноги. Дневной свет с улицы проникал через щели в кусках газеты, затеняющей окно, и бросал на стены комнаты игривые блики. И сквозь это кружевное сияние к ней, принюхиваясь, двигалось чудовище.

— Ну же, иди к папочке,— сказало оно.

Неужели эта тварь рассчитывает, что она покорно последует зову?

— Не смей меня трогать! — выкрикнула Керсти.

Существо слегка склонило голову набок, словно упиваясь полной беспомощностью своей жертвы, а затем придинулось еще ближе, источая гной, смех и — о Господи, спаси ее и помилуй — желание.

В полном отчаянии Керсти сделала пару шагов назад и вжалась в угол, но дальше отступать было просто некуда.

— Ты меня не помнишь? — спросило существо.

Она покачала головой.

— Я же Фрэнк,— сказало оно.— Брат Рори, Фрэнк...

Она виделась с Фрэнком только однажды, на Александра-роуд. Он зашел туда днем, как раз накануне свадьбы,— это все, что она помнила. Впрочем, нет, не все. Еще она помнила, что возненавидела его с первого взгляда.

— Не смей до меня дотрагиваться! — снова выкрикнула она, когда он протянул к ней руку.

Его окровавленные пальцы с изоцуренной лаской погладили ее грудь.

— Нет! — взвизгнула она.— О господи, да помогите же хоть кто-нибудь!

— Что толку кричать? — произнес голос Рори.— Что ты можешь сделать?

Ничего — ответ был очевиден. Она была абсолютно беспомощна. Настолько беспомощной она бывала только во сне, когда воображение переносило ее на какую-нибудь пустынную темную улицу, в

бесконечную ночь, посреди которой ее ждал убийца. Но никогда, даже в самых страшных и фантастических видениях, не могло ей явиться то, что происходило с ней сейчас. Ведь мимо этой комнаты она проходила десятки раз, а в этом доме она совсем недавно была счастлива, да и за окнами стоял белый, хоть и слегка пасмурный день.

Безнадежным и полным отвращения жестом она оттолкнула ощупывающую ее грудь руку.

— Пожалуйста, не будь со мной так жестока,— пробормотало существо, и его пальцы, упрямые и бесстрашные, словно осы в октябре, снова коснулись ее тела.— Тебе нечего бояться...

— Там, за дверью...— начала она, вспомнив об изуродованном трупе, что остался на лестничной площадке.

— Но должен же человек чем-то питаться,— перебил Фрэнк.— И ты, разумеется, простишь мне это, а?

«Почему я до сих пор чувствую его прикосновения? — невольно удивилась она про себя.— Неужели нервы не разделяют моего отвращения, почему не онемеют, не умрут под этой омерзительной лаской?»

— Нет, нет, это происходит не со мной...— прошептала она, но зверь лишь расхохотался.

— Знаешь, я не раз говорил себе то же самое,— сказал он.— День за днем, ночь за ночью... Старался как-то отвлечься от страданий, не думать о них. Но безуспешно. Вот и тебе придется вкусить все спол-

на. Ничего не попишешь. Надо терпеть, придется все вытерпеть...

Она понимала, что он прав. Прав той отталкивающей, наглой правотой, которую только подобные чудовища осмеливаются высказывать вслух. Ему нет нужды льстить или обхаживать ее; ему нечего доказывать и не в чем убеждаться. Его голая простота и откровенность вместе с тем очень и очень сложны. Прочь лживые уверения, присущие вере, здесь речь шла о чистых материях.

А еще она понимала, что долго не выдержит. Что когда все ее просьбы и мольбы наконец иссякнут и Фрэнк осуществит с ней то, что намеревается осуществить,— тогда она закричит, закричит и расколется от своего крика на мельчайшие осколки.

На карту поставлен ее рассудок, и, чтобы сохранить его, иного выхода нет — надо бороться, действовать, и быстро.

И прежде чем Фрэнк успел навалиться на нее всей своей тяжестью, ее руки внезапно взлетели вверх, и пальцы ее глубоко вонзились в его глазницы и рот. Плоть под бинтами оказалась мягкой, вязкой на ощупь, словно желе,— она легко поддавалась и испускала влажный жар.

Зверь взвыл, хватка его ослабела. Улучив момент, Керсти вывернулась из-под него. Стремясь бежать, она ударила о стену с такой силой, что на секунду почти лишилась сознания.

Фрэнк испустил еще один вопль. Она не стала ждать, когда он опомнится,— скользнула прочь, по-прежнему опираясь на стену, поскольку не слиш-

ком доверяла сейчас своим ногам. По пути к двери нога ее задела открытую банку с консервированным имбирем, и та покатилась по полу, расплескивая едкие брызги.

Фрэнк развернулся к ней лицом — сорванные ею бинты размотались и свисали алыми космами. Под ними виднелись голые кости. Ощупав свои раны пальцами, он издал еще один жуткий звериный вой. Может, она лишила его зрения? Вряд ли. Даже если и так, ему понадобится не больше пары минут, чтобы поймать ее в этой относительно небольшой комнате, и тогда он сполна отплатит ей за содеянное, его ярость не будет знать пределов. Надо успеть добраться до двери прежде, чем он придет в себя.

Напрасные надежды! Не успела она сделать и шага, как он отнял руки от лица и обежал глазами комнату. И увидел ее, Керсти. Он ее видел, в этом не было никаких сомнений. А еще спустя секунду он двинулся в ее сторону, рыча от злобы.

У ног ее валялся какой-то домашний хлам. Самым тяжелым на вид предметом оказалась какая-то деревянная коробочка. Нагнувшись, Керсти схватила ее. И едва успела выпрямиться, как он вихрем налетел на нее. Испустив гневный крик, Керсти ударила его коробочкой по голове. Удар получился сильным, настолько, что даже раздался хруст кости. Зверь отпрянул, а Керсти рванулась к двери, но не успела она дотянуться до ручки, как гигантская тень опустилась на нее и отшвырнула назад, через всю

комнату. После чего, развернувшись, Фрэнк прыгнул на нее.

На сей раз им руководило лишь одно стремление — убить, уничтожить. Оно читалось в его бросках и выпадах, их ярость могла сравниться разве что с быстротой, с которой Керсти от них уворачивалась. И тем не менее один из каждого трех ударов достигал цели. На ее лице и верхней части груди появились глубокие царапины, однако она продолжала сражаться, с трудом удерживаясь от того, чтобы не потерять сознание.

Уже оседая на пол под его напором, она вдруг вспомнила о найденном ею оружии. Ведь коробочка до сих пор зажата у нее в пальцах... Керсти подняла руку, чтобы нанести удар, но тут взгляд Фрэнка упал на шкатулку, и внезапно зверь отпрянул.

Оба они замерли, тяжело дыша. За эти считанные секунды в голове Керсти успела промелькнуть отчаянная мысль: а не проще ли умереть прямо сейчас, чем и дальше бороться? Но тут Фрэнк протянул к ней ладонь и прошептал:

— Дай...

Он хотел лишить ее единственного оружия. Но она не такая дура, чтобы покорно с ним расстаться.

— Нет,— ответила она.

— Дай ее мне,— еще раз попросил он, и на этот раз в его голосе отчетливо слышалась тревога.

Похоже, эта коробочка очень дорога ему, и он не решается отнимать ее силой.

— Последний раз прошу,— сказал он.— А потом я тебя убью. Отдай мне шкатулку.

Она взвесила свои шансы: ну что она теряет?

— А где «пожалуйста»? — язвительно осведомилась она.

Он окинул ее насмешливо-презрительным взглядом, в горле его нарастало глухое рычание. Но затем вежливо, как послушный ребенок, произнес:

— Пожалуйста...

Это слово послужило для нее сигналом. Она размахнулась и резко, изо всех сил, насколько позволяла нетвердая, дрожащая рука, швырнула коробочку в окно. Она пролетела совсем рядом с головой Фрэнка, разбила стекло и исчезла где-то внизу.

— *Hem!* — взревел он и в долю секунды оказался у окна. — *Hem! Hem! Hem!!!*

На подкашивающихся ногах, чуть не падая, Керсти бросилась к двери. Но вот она уже на площадке. Главным препятствием оказалась лестница, но она судорожно вцепилась в перила, точно парализованная старуха, и наконец умудрилась спуститься в холл.

Сверху донесся какой-то шум и грохот. Он что-то кричал ей вслед. Нет уж, на этот раз она не станет дожидаться, что он скажет. Керсти метнулась к входной двери и распахнула ее.

За то время, что она находилась в доме, облака рассеялись, и на улице посветлело — солнце посыпало на землю прощальные лучи, прежде чем опуститься за горизонт. Моргая и щурясь от яркого света, она оглянулась по сторонам. Дорожка под ногами была усыпана осколками стекла, и наконец вот оно, ее оружие. Наклонившись, Керсти подо-

брала шкатулку как сувенир, на память, и бросилась бежать. Уже оказавшись на улице, она забормотала себе под нос какие-то невнятные слова, словно жаловалась кому-то, вспоминая случившееся. Но Лодовико-стрит оказалась безлюдной, и она прибавила шагу, а потом снова побежала и так бежала до тех пор, пока не сочла, что ее и забинтованного зверя, оставшегося в доме, разделяет теперь достаточное расстояние.

Дальше она шагала словно в тумане. На какой-то незнакомой улице ее окликнул прохожий и спросил, не нужна ли помощь. Это проявление доброты и заботы стало последней каплей, ибо для того, чтобы дать членораздельный ответ, требовалось слишком большое усилие. Ее нервы наконец не выдержали, и все вокруг погрузилось во мрак.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Она пробудилась и обнаружила, что попала в снежный буран,— таковым, во всяком случае, было первое впечатление. Над ней — абсолютная белизна, снег на снегу. Кругом снег: она лежала в сугробах, голова тоже утопала в чем-то белом. От этой чистоты затошнило. Казалось, снег лезет ей в горло и глаза.

Керсти подняла руки и поднесла их к лицу: они пахли незнакомым мылом, резкий, грубый запах. Наконец удалось немного сфокусировать зрение: стены, белоснежные простыни, лекарства на тумбочке у постели. Больница.

Она позвала на помощь. Часы или минуты спустя — она так и не поняла, сколько прошло времени,— помощь явилась. В лице медсестры.

— А-а, вы очнулись,— сказала та.

И тут же ушла, видимо, за врачами.

Рассказывать им о произошедшем Керсти не стала. Пока сестра ходила за врачами, она решила, что эта история не из тех, которыми можно поделиться

с кем-либо. Возможно, завтра она подыщет нужные слова, которые смогут убедить их в том, что все случившееся с ней — правда. Но сегодня?.. Стоит ей только заговорить, как ее тут же примутся гладить по головке и убеждать, что все это ерунда, все это ей просто приснилось либо привиделось. А если она будет упорствовать и стоять на своем, ей, чего доброго, вколят снотворное, что только осложнит ситуацию. Нет, ей необходимо время подумать.

Все это она успела взвесить и прокрутить в голове до прихода медперсонала, так что когда ее спросили, что же все-таки произошло, складный ответ уже был готов. «Я вся словно в тумане,— сказала она.— Даже имя свое едва-едва помню». Ее успокоили, уверив, что очень скоро все войдет в норму и память к ней вернется, на что она коротко ответила, что да, так оно, наверное, и будет. А теперь нужно спать, велели ей, и она сказала, что да, в самом деле неплохо бы спать, и даже притворно зевнула. Засим врачи удалились.

— Ах да! — воскликнул один из них уже в дверях.— Совсем забыл...— Он достал из кармана ту самую коробочку.— Вот это вы держали в руках, когда вас подобрали. Вы даже представить себе не можете, с каким трудом удалось вырвать эту вещицу из ваших пальцев. Вы ее узнаете?

Она ответила, что нет.

— Полиция уже осмотрела эту штуковину. Очень странная шкатулка. Видите ли, на ней была кровь. Возможно, ваша. А может, и нет.

Врач вернулся к ее постели.

— Вам ее оставить? — спросил он. И тут же добавил: — Не бойтесь, ее вымыли.

— Да, — кивнула Керсти. — Пожалуйста.

— Возможно, эта вещь поможет вам восстановить память, — сказал на прощание врач и поставил шкатулку на тумбочку рядом с кроватью.

2

— И что нам теперь делать? — спросила Джуллия раз, наверное, в сотый.

Человек, забившийся в угол, молчал, его изуродованное лицо, губы оставались неподвижными.

— Ну что тебе от нее понадобилось? — продолжала она. — Ты все только испортил.

— Испортил? — хмыкнуло в ответ существо. — Ты использовала неправильное слово. Да, я немало женщин испортил, но ее...

Ей с трудом удалось подавить гнев. Его мрачное настроение действовало ей на нервы.

— Нам стоит уехать отсюда, Фрэнк, — сказала она уже более мягко.

Он метнул в ее сторону взгляд — холодный, как лед.

— Сюда скоро придут, будут искать, — объяснила она. — Керсти все расскажет.

— Возможно...

— Тебе что, все равно? — удивилась она.

Забинтованный получеловек пожал плечами.

— Нет, — ответил он, — конечно, не все равно. Но мы не можем уехать, дорогая.

«Дорогая»... Это слово прозвучало насмешкой, отголосок сентиментальности в комнате, которая видела только кровь и боль.

— Я не могу появиться на людях в таком виде.— Он указал на свое лицо.— Неужели не ясно? Ты только взгляни!

Она повиновалась.

— Ну и что?

— Не можешь.

— Не могу...— Он снова опустил глаза и начал пристально рассматривать половицы.— Мне нужна кожа, Джуллия.

— Кожа?

— Да. И тогда... мы с тобой сможем отправиться на какую-нибудь вечеринку потанцевать. Ты ведь этого хочешь?

О танцах и о смерти он говорил с одинаковой небрежной простотой, словно для него оба этих понятия были равны и малозначимы. Однако этот его тон успокоил ее.

— Как? — чуть помедлив, спросила она, имея в виду не только то, каким именно образом они добудут кожу, но и то, как после всего прошедшего можно сохранить рассудок.

— Ну, есть способы,— ответило существо, и его иссеченные губы послали ей воздушный поцелуй.

3

Если бы не белые стены, она ни за что не взяла бы в руки эту шкатулку. Если бы в палате была картина, на которой мог остановиться взор, скажем, изоб-

ражение вазы с цветами или пейзаж с египетскими пирамидами, любое пятно, разбивающее монотонность этой комнаты, она могла бы часами смотреть в одну точку и размышлять. Но пустота и белизна были просто невыносимы, не за что было зацепиться не только глазу, но и рассудку, и вот она потянулась к прикроватной тумбочке и взяла шкатулку.

Эта штуковина оказалась тяжелее, чем предлагала Керсти. Чтобы как следует рассмотреть ее, пришлось сесть в постели. Хотя рассматривать было особенно нечего. Крышки обнаружить не удалось. Скважины для ключа — тоже. Отсутствовали и петли. Керсти долго крутила шкатулку в руках, перевернула ее, наверное, раз пятьдесят, но так и не поняла, как она открывается. Однако внутри шкатулка была полой, в этом она была твердо уверена. Логика подсказывала, что каким-то образом ее все же можно открыть. Но как?

Керсти стучала по шкатулке, встряхивала ее, вертала и нажимала на стенки, но все напрасно. И только когда, перевернувшись в постели, Керсти поднесла шкатулку поближе к настенной лампе, удалось обнаружить пусть еле заметную, но все же подсказку, частично приоткрывающую тайну конструкции этой необычной вещицы. На одной из граней Керсти увидела крошечные трещинки: там, где совмешались части этой головоломки. Впрочем, трещинки так и остались бы незамеченными, если бы в них не затекла кровь, которая там и запеклась.

Теперь уже Керсти действовала более осознанно — не торопясь, она начала исследовать шкатулку, нажимая по очереди на разные грани. Трещин-

ки выдали общую географию игрушки, без этой подсказки она могла бы ощупывать шесть сторон шкатулки до бесконечности. Теперь же число вероятных вариантов значительно сократилось.

Через некоторое время ее терпение было вознаграждено. Посыпался легкий щелчок, и внезапно одна из сторон, блеснув лакированными внутренностями, выдвинулась вперед. Внутри шкатулка была потрясающе красива. Ее полированные грани мерцали загадочным светом, словно рассыпая черные жемчужины. Разноцветные тени танцевали внутри нее.

И еще была музыка. Из шкатулки донеслась простенькая мелодия, исполняемая неким механизмом, которого видно не было. Совершенно очарованная, Керсти снова принялась изучать шкатулку. Но хотя один сегмент ей удалось выдвинуть довольно легко, с другими пришлось повозиться. Каждый шаг представлял собой новую загадку, бросая вызов ловкости пальцев и разуму, причем каждая очередная победа вознаграждалась новой музыкальной виньеткой, привносимой в мелодию.

Керсти трудилась уже над четвертой секцией, сдвигая ее с помощью медленных, осторожных поворотов то в одну, то в другую сторону, как вдруг услышала бой колокола. Она прервала свое занятие и подняла глаза от шкатулки.

Что-то не так. Или ее уставшие глаза играют с ней какую-то злую шутку, или же действительно снежно-белые стены приобрели нереальный, расплывчатый вид. Отложив шкатулку в сторону, Керсти выскользнула из постели и подошла к окну. Ко-

локол все звонил — печальный и мрачный звук. Она на несколько дюймов приоткрыла занавеску. За окном стояла темная ветреная ночь. Через больничную лужайку неслись опадающие листья, в стекло бились мошки, влекомые ярким светом. Как ни странно, колокольный звон доносился вовсе не снаружи. Он шел откуда-то сзади, из-за ее спины. Керсти опустила занавеску и отошла от окна.

Не успела она этого сделать, как настенная лампа вдруг вспыхнула неестественно ярким светом. Инстинктивно Керсти потянулась к полураскрытой шкатулке, словно чувствуя, что эта необычная головоломка и странные явления каким-то образом связаны. Но едва ее рука успела коснуться шкатулки, как свет погас совсем.

Однако Керсти оказалась вовсе не в кромешной темноте, как это можно было бы предположить. И теперь в комнате кроме нее был кто-то еще. У изножья кровати возникло мягко мерцающее сияние, окутывающее некую фигуру. Плоть этого существа, его тело не поддавались никакому описанию — сплошные крючья и шрамы. Однако голос, которым существо заговорило, не выдавал ни малейших признаков боли.

— Это называется Конфигурацией Лемаршана, — сказал оно, указывая на шкатулку.

Проследив за его жестом, Керсти опустила глаза и удивленно выдохнула: шкатулка уже не лежала у нее на ладони, но плавала в воздухе в нескольких дюймах над ее кожей. А еще каким-то таинственным образом шкатулка начала собираться сама, без чьей-либо видимой помощи; фрагменты и части ловко вставали на свои места, в то время как сама го-

ловоломка непрерывно вращалась, словно бы пребывая в невесомости. В ее отполированных внутренностях отражались некие призрачные лица, исказенные то ли мукой, то ли просто плохим отражением. Рты призраков были широко раскрыты, как будто в страдальческом вопле. А затем все сегменты, кроме одного, стали на свои места, и непонятный посетитель снова заговорил. Керсти подняла взгляд.

— Шкатулка — это средство, с помощью которого можно проникнуть за поверхность реального мира, — сказало существо. — Некое заклинание, которым вызываемся мы, сенобиты...

— Кто? — переспросила она.

— Ты позвала нас по неведению, — заметил ее гость. — Я прав?

— Да.

— Такое и прежде случалось, — кивнул он. — Но теперь уже ничего не исправить. Что сделано, то сделано. Мы должны забрать то, что нам принадлежит, и лишь тогда дверь закроется.

— Но это же была просто ошибка, и...

— Даже не пытайся сопротивляться. Изменить что-либо не в твоей власти. Тебе придется последовать за мной.

Она отчаянно замотала головой. На ее долю выпало уже достаточно кошмаров, хватит на целую жизнь.

— Никуда я не пойду! — заявила она. — Черт возьми, я не собираюсь...

И тут отворилась дверь. На пороге стояла медсестра, лицо ее показалось Керсти незнакомым, видимо, только что заступила в ночную смену.

— Вы звали? — осведомилась она.

Керсти взглянула на сенобита, затем на медсестру. Их разделяло не более ярда.

— Она меня не видит, — заметил тот. — И не слышит. Я принадлежу только тебе, Керсти. А ты — мне.

— Нет, — помотала головой она.

— Вы уверены? — спросила медсестра. — Мне показалось, я слышала...

Керсти опять покачала головой. Все это безумие, полное безумие!

— Вам нужно лечь обратно в постель, — укорила ее сестра. — Так вы на себя смерть накличете.

Сенобит хихикнул.

— Я зайду еще, минут через пять, — сказала медсестра. — Пожалуйста, ложитесь в кровать и пострайтесь заснуть.

С этими словами она ушла.

— Нам и в самом деле пора, — заметило существо. — А она пусть себе продолжает латать дыры на людях. И вообще, больница — удручающее место, ты не находишь?

— Я никуда не пойду, — настаивала она.

Однако существо неумолимо двинулось к ней. Связка колокольчиков, свисающих с тощей шеи, издавала легкий звон. От вони, источаемой сенобитом, ее чуть не вырвало.

— Пощадите! — воскликнула она.

— О, прошу, давай обойдемся без слез. Не растрачивай их впустую. Скоро они тебе пригодятся.

— Шкатулка! — выкрикнула она в полном отчаяния. — Неужели вам не интересно, откуда я взяла эту шкатулку?

— Честно говоря, не очень.
— Фрэнк Коттон,— сказала она.— Вам это имя ничего не говорит? Фрэнк Коттон?

Сенобит улыбнулся.

— О да. Мы знакомы с Фрэнком.
— Он тоже разгадал секрет этой шкатулки, да?
— Он искал наслаждений. И мы их ему представили. Но потом он удрал.
— Хотите, я отведу вас к нему?
— Так он жив?
— Очень даже. Живее не бывает.
— Так вот что ты предлагаешь... Чтобы я забрал его обратно вместо тебя?
— Да, да. Почему бы нет? Да!

Сенобит сделал пару шагов назад. Комната испустила легкий вздох.

— Что ж, соблазнительное предложение,— наконец признало существо. И после некоторой паузы добавило: — А ты меня не обманываешь? Может, этой ложью ты всего-навсего хочешь выиграть время?

— Клянусь Господом, я знаю, где он сейчас! — воскликнула она.— Именно он сделал со мной это.

И она протянула сенобиту покрытые глубокими царапинами руки.

— Но смотри... Если ты лжешь, если хочешь выкрутиться при помощи обмана...

— Да нет же, нет!
— В таком случае доставь нам его живым...
Ей захотелось зарыдать от облегчения.
— Пусть он предстанет перед нами, пусть откроется. И тогда, быть может, мы пощадим твою душу...

ГЛАВА
ОДИННАДЦАТАЯ.

1

Рори стоял в прихожей и смотрел на Джулию, его Джулию, на женщину, которой он однажды поклялся, что будет идти с ней по жизни рука об руку, пока смерть не разлучит их. В то время ему казалось, что сдержать эту клятву будет не особенно трудно. Насколько он помнил, он всегда идеализировал ее, возводил на пьедестал, грезил о ней ночами, а дни проводил за сочинением любовных виршей — совершенно диких и нескладных, но посвященных ей. Однако все изменилось, и он, наблюдая за этими изменениями, пришел к выводу, что наихудшие мучения причиняют именно малозначимые, почти неуловимые мелочи. Все чаще наступали моменты, когда он предпочел бы смерть под копытами диких лошадей бесконечным терзаниям из-за подозрений, отравивших его существование в последнее время.

Вот и теперь, когда он глядел на нее, стоявшую у подножия лестницы, ему невообразимо сложно было представить, как счастливо и хорошо они когда-то жили. А сейчас вся их жизнь была отравлена сомнениями, смешана с грязью.

Лишь одно немного утешало его — то, что она выглядит такой встревоженной. Возможно, это означает, что сейчас, сию минуту она признается ему во всех своих прегрешениях, и он, конечно же, простит ее, и, разумеется, сцена эта будет сопровождаться морем слез, бурным раскаянием с ее и пониманием с его стороны.

— Ты что-то кислая сегодня,— осторожно заметил он.

Джулия собралась было что-то сказать, но не решилась, а потом, все-таки набравшись духу, произнесла:

— Мне очень трудно, Рори...

— Трудно что?

Но она, похоже, передумала говорить.

— Что именно трудно? — настаивал он.

— Мне столько надо тебе объяснить...

Рука ее, заметил он, так крепко вцепилась в перила, что костяшки пальцев даже побелели.

— Я слушаю,— промолвил он. Он все равно будет любить ее, в чем бы она ни призналась. Если, конечно, она будет искренней до конца.— Говори.

— Я думаю, может... может, я лучше покажу тебе кое-что...

И с этими словами она начала подниматься по лестнице. Он последовал за ней.

2

Ветер, подметавший улицу, теплым назвать было нельзя — судя по тому, как прохожие поднимали воротники и опускали лица. Но Керсти не чувство-

вала холода. Возможно, дело было в невидимом спутнике, защищавшем ее, окутывающем ее жаром, на котором издавна поджаривали грешников? Или же причина крылась в том, что она была слишком напугана и возбуждена, чтобы вообще чувствовать что-либо?

Впрочем, напугана — вряд ли. Страха она не испытывала. Ее обуревали куда более сложные чувства. Она отворила дверь — ту самую дверь, которую некогда открыл брат Рори,— и теперь демоны сопровождали ее. И в конце пути ей будет дарована месть. Она найдет существа, что мучило и разрывало ее душу на части, и заставит его пережить те же ощущения полного отчаяния и беспомощности, которые совсем недавно испытывала сама. И она будет наблюдать за тем, как он корчится в муках. Мало того, будет наслаждаться этим зреющим. Боль и страдания превратили ее в садистку.

Выйдя на Лодовико-стрит, Керсти обернулась — посмотреть, где же сенобит. Но его не было видно. И несмотря на это, она решительно двинулась к дому. Определенного плана у нее не было; слишком по-разному могли развиваться события, чтобы пытаться как-то предугадать их ход. Взять хотя бы один нюанс: будет ли там Джуллия, и если да, то каким образом вовлечена во все это она? Маловероятно, что она лишь невинный наблюдатель. Но возможно и другое: что, если ее поступками руководил страх? Что, если она просто испугалась Фрэнка? Слишком много «что если». Однако через несколько минут она получит ответы на все эти вопросы. Керсти позвонила в дверь и стала ждать.

Дверь открыла Джулия. В руках у нее был кусочек белого кружева.

— Керсти,— сказала она, по-видимому, нисколько не удивившись появлению девушки.— Уже поздно...

А первыми словами Керсти были:

— Где Рори?

Не совсем то, что она собиралась сказать, но этот вопрос вырвался непроизвольно.

— Дома,— спокойно ответила Джулия, словно утешая капризного ребенка.— А что случилось?

— Я бы хотела его видеть,— твердо произнесла Керсти.

— Рори?

— Да.

И она переступила порог, не дожидаясь приглашения. Впрочем, Джулия не возражала, лишь затворила за ней дверь.

Только теперь Керсти ощутила холод. Она стояла в прихожей и вся дрожала.

— Ты выглядишь просто ужасно,— заметила Джулия.

— Я была здесь днем,— выпалила Керсти.— Я видела, что произошло, Джулия. Видела!

— А что, собственно, произошло? — последовал вопрос. Джулия даже бровью не повела.

— Сама знаешь.

— Честное слово, нет.

— Мне надо поговорить с Рори.

— Ну, конечно, почему нет? — пожала плечами Джулия.— Только смотри, будь с ним поосторожнее. Он что-то неважно себя чувствует.

Она провела Керсти в столовую. Рори сидел за столом, в руке — бокал с выпивкой, на столе — бутылка. Рядом на стуле лежало перекинутое через спинку свадебное платье Джуллии. Только тут Керсти догадалась, что за кружево держала Джуллия в руке — свадебную фату.

Рори выглядел куда хуже, чем она ожидала. На лице его и у корней волос залеклась кровь. Он приветствовал Керсти теплой, но несколько усталой улыбкой.

— Что случилось? — спросила она его.

— Сейчас уже все в порядке, Керсти, все нормально, — ответил он шепотом. — Джуллия мне все рассказала... И теперь все о'кей.

— Нет, — мотнула она головой, подозревая, что рассказали ему далеко не все.

— Ты ведь приходила сюда сегодня?

— Да.

— Очень неудачное было выбрано время...

— Но ты... ты же сам просил меня... — Она покосилась на Джуллию, стоявшую у дверей, затем снова перевела взгляд на Рори. — И я сделала так, как ты хотел.

— Да, я знаю, знаю. Мне очень жаль, что ты влипла в такую жуткую историю.

— А ты знаешь, что сделал твой братец? — спросила она. — Знаешь, что он сотворил?

— Я знаю достаточно, — коротко ответил Рори. — Но главное — это то, что теперь все кончено.

— Что ты имеешь в виду?

— Я постарался исправить все, что он сделал, и...

— Что значит *кончено*?

— Он умер, Керсти.

(«...*Доставь его нам живым... И тогда, быть может, мы пощадим твою душу...*»)

— Умер?

— Мы уничтожили его, я и Джуллия. Это оказалось несложно. Он считал, что мне можно доверять. Кровь — не водица, мы родные братья и так далее. Так вот, на деле оказалось иначе. Я не мог допустить, чтобы такой, как он, ходил по земле...

Внутри у Керсти все похолодело, желудок болезненно заныл. Наверное, сенобиты уже вонзили в него свои крючья и скоро начнут вытаскивать из нее внутренности.

— Спасибо тебе большое, Керсти. Ты так рисковала, заходя в дом...

(Она почувствовала чье-то невидимое присутствие у своего плеча. «*Давай сюда свою душу*», — пробормотало существо.)

— ...Я, конечно, пойду в участок и сделаю соответствующее заявление, как только почувствую себя чуть лучше. Постараюсь найти способ объяснить им...

— Ты точно убил его? — уточнила она.

— Да.

— Не верю... — покачала головой Керсти.

— Отведи ее наверх, — сказал Рори Джуллии. — И покажи.

— Ты действительно хочешь это увидеть? — спросила Джуллия.

Кивнув, Керсти последовала за ней.

На лестничной площадке оказалось теплее, чем внизу, а воздух был серым и жирным, словно вода после мытья посуды. Дверь в комнату Фрэнка была распахнута настежь. Тело в обрывках бинтов, лежавшее на голых досках пола, казалось, еще дышало. Шея была свернута, голова безжизненно свисала на плечо. Кожа была содрана со всего тела — с головы до ног.

Керсти отвернулась, ее затошило.

— Ну, довольна? — осведомилась Джулия.

Ничего не ответив, Керсти вышла из комнаты и направилась к лестнице. Воздух у ее плеча вдруг обрел подвижность.

(«Ты проиграла», — шепнул ей кто-то на ухо.

«Знаю», — пробормотала она.)

Тут же зазвонил колокол, видимо, оплакивая ее, и совсем рядом послышался шорох крыльев, словно промчалась невидимая стая птиц-падальщиков. Керсти побежала вниз по ступенькам, моля Господа о том, чтобы ее не успели схватить прежде, чем она достигнет двери. Если ей вырвут сердце, пусть хотя бы Рори не станет свидетелем этого ужасного зрелища. Пусть запомнит ее такой, какой она была: сильной, с улыбкой на губах, а не с мольбами.

Позади раздался голос Джулии:

— Куда ты? — Поскольку ответа опять не последовало, она продолжила: — Пожалуйста, Керсти, только никому ничего не говори. Мы сами разберемся с этим делом, Рори и я...

Видимо, ее голос привлек Рори, заставил оторваться от выпивки. Он вышел в прихожую. Раны,

которые нанес ему Фрэнк, выглядела куде более серьезно, чем показалось Керсти на первый взгляд. Все лицо было в синяках, кожа на шее содрана. Когда она попыталась проскользнуть мимо него, он придержал ее за локоть.

— Джуллия права,— кивнул он.— Мы сами сообщим обо всем в полицию, договорились?

Ей хотелось сказать ему так много, но времени уже практически не оставалось. В голове все более громким эхом отдавался звон колокола. Некая ужасная невидимая сила словно бы обмотала ей горло ее же внутренностями и все туже затягивала узел.

— Слишком поздно,— пробормотала Керсти и отстранила его руку.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился он. Она снова направилась к двери.— Керсти, ты куда? Не уходи. Что ты имела в виду под «слишком поздно»?

Тут она не удержалась и обернулась — взглянуть на него еще один, последний раз, надеясь, что он сумеет прочесть все по ее лицу.

— Все в порядке,— мягко проговорил он, все еще пытаясь остановить ее.— Все хорошо, правда.— И он раскрыл объятия.— Ну, иди же к папочке!

Последняя фраза никак не могла принадлежать Рори. Некоторые мальчики, повзрослев, так никогда и не становятся «папочками», сколько бы детей на свет они ни произвели.

Керсти прислонилась к стене, чтобы немного успокоиться.

С ней говорил вовсе не Рори. Это был Фрэнк. Каким-то образом это оказался Фрэнк...

Она попыталась сосредоточиться на этой мысли, сражаясь со все усиливающимся звоном колоколов. Таким громким, что от него, похоже, вот-вот лопнет голова. Рори все еще улыбался, глядя на нее; руки его были протянуты к ней и разведены в стороны. Он продолжал говорить что-то, однако слов она не слышала. Мягкие губы формировали слова, выталкивали наружу, но их тут же заглушал колокольный звон. И Керсти была благодарна ему за это — так было легче не верить собственным словам.

— Я знаю, кто ты... — неожиданно заявила она, не уверенная, слышит он ее или нет, но абсолютно уверенная в истинности сказанного.

Тело Рори — там, наверху, лежит в куче бинтов, которые раньше составляли одеяния Фрэнка. А содранная с Рори кожа перешла брату, и обмен этот скрепила пролитая кровь. Да, именно так оно и было.

Удавка на ее горле стягивалась все туже. До того, как ее заберут, оставались считанные мгновения. В полном отчаянии она обернулась, пытаясь разглядеть в царившем в коридоре полумраке тварь, которая присвоила лицо Рори.

— Это ты... — сказала Керсти.

Лицо улыбнулось, сохраняя по-прежнему невозмутимое выражение.

И тогда Керсти резко кинулась на него. Существо отступило на шаг, застигнутое врасплох, стара-

ясь увернуться от ее броска; движения его были преисполнены ленивой звериной грации. Звон колоколов стал невыносимым, он разрывал ее душу, растирал мозг в прах.

Пребывая на грани безумия, Керсти снова выбросила вперед руку, и на этот раз зверь увернуться не успел. Ее ногти царапнули щеку. Кожа, лишь недавно пересаженная на лицо, сползла, точно кусок шелка. Окровавленная плоть под ней являла собой ужасное зрелище.

Где-то позади вскрикнула Джуллия.

И внезапно звон колоколов в голове Керсти прекратился. Теперь колокола звучали в доме, во всем мире.

Лампочки в прихожей вдруг вспыхнули неестественно ярко и тут же погасли, видимо, перегорев от перегрузки. На какое-то мгновение воцарилась полная тьма. И тишина. Единственное, что нарушило ее,— это чье-то хныканье; Керсти сама не знала, чье — может, и ее собственное. А затем внутри стен, под полом словно бы взорвалось множество фейерверков, и воздух в холле затанцевал от их бликов. За какую-то одну секунду прихожая превратилась в скотобойню (стены окрасились пурпурно-алыми потеками); еще за одну — в будуар (голубовато-пепельный; канареечно-желтый); за следующую — в узкий туннель, по которому мчался поезд-призрак: сплошная скорость, вихрь и пламя.

Во время одной особенно сильной вспышки она увидела, что Фрэнк движется к ней; искаженное ли-

цо Рори сползло у него с подбородка. Она увернулась от вытянутой руки и, поднырнув под нее, бросилась в столовую. Дышать стало легче, и она поняла, что сенобиты, очевидно, осознали свою ошибку. Скоро они вмешаются, это несомненно, и положат конец этой путанице личин. Однако она не станет ждать (как прежде думала), пока сенобиты схватят Фрэнка, нет уж, с нее хватит. Лучше она воспользуется черным ходом и убежит из проклятого дома, а они тут пусть разбираются.

Впрочем, ее оптимизму суждена была недолгая жизнь. Ярко пылающие в прихожей фейерверки частично осветили столовую, и в их отблесках Керсти заметила, что комната уже изменилась.

По полу что-то двигалось, похожее на гонимый ветром пепел; стулья подпрыгивали и зависали в воздухе. Пусть Керсти — невинная, чистая душа, но силам, вырвавшимся на свободу, судя по всему, плевать на условности; она чувствовала: стоит ей сделать еще хотя бы один шаг — и произойдет нечто ужасное.

Минутная растерянность, в которой Керсти застыла, позволила Фрэнку настичь ее; он уже протянул руку, но тут пламя в прихожей резко погасло, и под спасительным покровом тьмы Керсти удалось вывернуться из его хватки. Впрочем, передышка оказалась недолгой. Новые оранжево-красные язычки начали разгораться в стенах, и он снова кинулася к ней, одновременно препрятывая путь к передней двери, к единственному выходу.

Что же они медлят, почему не забирают его, о господи?! Она ведь привела их к нему, как и обещала, помогла разоблачить его!

Фрэнк распахнул пиджак. За пояс у него был заткнут окровавленный нож, судя по виду, очень острый. Наверное, именно этим лезвием он сдирал кожу с Рори. Фрэнк выхватил нож и наставил на Керсти.

— Отныне и навсегда,— начал он, приближаясь к ней,— чтобы ты запомнила: я — Рори!

Ей ничего не оставалось, кроме как отступить; дверь, а вместе с ней и надежда обрести свободу, сохранить разум удалялась с каждым шагом.

— Поняла? Теперь я — Рори. И никто не должен ничего знать!

Она задела каблуком о нижнюю ступеньку лестницы и в тот же момент внезапно почувствовала, как чьи-то руки, просунувшись сквозь перила, схватили ее и вцепились в волосы. Она извернулась и посмотрела назад. Ну конечно, это была Джгулия, ее лицо было абсолютно равнодушно, ни одна эмоция не отражалась на нем. Сильно дернув за волосы, она заставила Керсти откинуть назад голову, подставляя ее шею сверкающему в руке Фрэнка ножу.

Впрочем, в самый последний момент Керсти удалось схватить Джгулию за руку и дернуть изо всех сил. Потеряв равновесие и моментально отпустив свою жертву, Джгулия слетела с расположенных выше ступенек и, испустив громкий вопль, повалилась между Фрэнком и Керсти. Однако нож уже быстро двигался вниз, нанося смертельный удар, и останов-

вить его было невозможно — он вошел Джуллии в бок по самую рукоятку. Застоная, она покатилась по полу, хватаясь руками за истекающую кровью рану.

Но Фрэнк, похоже, вовсе не заметил этого. Он не спускал с Керсти глаз, в которых горела омерзительная алчность. Отступать было некуда, кроме как на второй этаж. И вот в отсветах фейерверков, продолжающихся взрываться в стенах, под бой колоколов, мерно отсчитывающих удары, Керсти принялась карабкаться вверх.

И вдруг поняла, что ее мучитель не последовал за ней. Крики Джуллии о помощи наконец привлекли внимание Фрэнка, и он не торопясь направился туда, где она лежала, ровно на полпути между лестницей и входной дверью. Наклонившись, он выдернул из бока Джуллии нож. Несчастная пронзительно вскрикнула от боли; он же, словно намереваясь помочь, опустился рядом с ней на колени. В надежде на какое-то утешение она протянула к нему руки, однако вместо этого Фрэнк приподнял ее голову и притянул к себе. Их разделяло всего несколько дюймов, когда Джуллия, похоже, догадалась, что намерения ее возлюбленного далеко не благородные. Она приоткрыла рот, собираясь закричать, но он тут же впился в ее губы и начал высасывать из нее кровь. Джуллия стала судорожно биться, пытаясь вырваться, принялась хватать руками воздух. Все напрасно.

Не в силах более выносить это ужасное зрелище, Керсти отвела глаза и поднялась на второй этаж.

Спрятаться там было негде. А бежать... Куда? Разве что выпрыгнуть из окна. Впрочем, Керсти видела, как обошелся Фрэнк со своей любовницей, так что даже прыжок с такой высоты и то будет лучшим выходом. Пусть при падении она переломает все кости, зато лишит это чудовище возможности утолить ею свой голод.

А пожар тем временем, по-видимому, разгорался все сильнее, лестница окуталась вонючим дымом. Керсти спотыкаясь побрела через площадку, двигаясь вслепую, цепляясь за стену пальцами.

Снизу послышались какие-то звуки. Похоже, Фрэнк расправился с Джулией и теперь направлялся к ней, к Керсти.

Да, вот он приблизился к лестнице и, подняв голову, повторил свой любимый призыв:

— Ну, иди же к папочке!

Ей вдруг пришло в голову, что сенобиты, вероятно, наслаждаются зрелищем этой погони и не вступят в дело до тех пор, пока на арене не останется лишь один игрок — Фрэнк. Она же всего-навсего разменная фишка, призванная доставить удовольствие.

— Сволочи... — пробормотала она, от всей души надеясь, что сенобиты слышат ее.

Керсти добралась почти до противоположной стороны площадки. Сразу перед ней была дверь, ведущая в комнату-кладовку. Интересно, есть ли там окно, достаточно большое, чтобы протиснуться в него? Если да, тогда она выпрыгнет, и будь они все прокляты, все до одного — и Бог, и дьявол, и те, что

болтаются между! Чтоб им всем пусто было, даже если она упадет и разобьется, по крайней мере смерть будет легкой и быстрой.

Фрэнк снова окликнул ее, уже с лестницы. Керсти повернула ключ в замке, открыла дверь и скользнула в кладовку.

Да, там было окно, шторы отсутствовали, и через стекло в комнату струился волшебно прекрасный лунный свет, озаряя собравшийся тут хлам: старую мебель, какие-то коробки... Керсти пробралась через эти нагромождения к окну. Оно оказалось приоткрытым дюйма на два.

Вцепившись пальцами в раму, Керсти попыталась приподнять ее, но оконный переплет давно прогнил, и сил в ее руках не хватило, чтобы справиться с этой задачей.

Тогда Керсти стала торопливо озираться в поисках какого-нибудь предмета, способного послужить рычагом, а мозг тем временем хладнокровно сосчитал ступени, по которым поднимался ее преследователь, и прикинул, сколько секунд Фрэнку потребуется, чтобы преодолеть разделяющее их расстояние. Секунд двадцать, не больше, решила она и, сорвав крышку с одной из коробок, обнаружила там... мертвеца — остановившимися, дико расширенными глазами он смотрел прямо на нее. Все тело у трупа было изломано, руки буквально расплющены и перекручены, а ноги поджаты к подбородку. Керсти уже было открыла рот, чтобы завопить от страха, как вдруг услышала за дверью голос Фрэнка.

— Эй, ну где же ты? — окликнул он.

Она быстро зажала ладонью рот, не давая вырваться крику. Ручка двери слегка повернулась, и Керсти, продолжая сдерживать упорно рвущийся наружу крик, стремительно метнулась в сторону и спряталась за спинкой сломанного кресла.

Дверь отворилась. Она услышала дыхание Фрэнка, слегка учащенное, затем раздался скрип половицы. Потом опять заскрипела дверь, открываясь. Щелкнул замок. Тишина.

Керсти досчитала до тринадцати и только после этого осторожно высунулась из своего укрытия. А вдруг Фрэнк все еще в комнате, специально затаился, выжидая, когда она покажется? Но нет, его в комнате не было.

Все это время она не дышала, пытаясь тем самым подавить крик, и теперь у нее началась сильная икота. Первый раз она икнула неожиданно для себя, не успев сдержаться, и ей даже показалось, что этот звук разорвал тишину, точно пистолетный выстрел. Но нет, ее никто не услышал — на площадке и на лестнице было тихо; похоже, Фрэнк куда-то ушел или обыскивает другие комнаты. Возвращаясь к окну, Керсти осторожно обошла картонный гроб, где покойилось тело, и тут икнула во второй раз. Она грубо выругалась, проклиная свой живот, но это мало помогло. Икая, она принялась дергать раму вверх. Напрасный труд, окно и не собиралось поддаваться.

На секунду она было задумалась: а почему бы не разбить стекло, тогда можно будет позвать кого-нибудь на помощь? Но этот замысел был тут же отверг-

нут. Фрэнк успеет плотно закусить ею, прежде чем соседи протрут свои заспанные глаза. Вместо этого Керсти на цыпочках подкралась к двери, тихонько приоткрыла ее и принялась вглядываться в сгустившийся на площадке мрак. Вроде бы Фрэнка там не было. Тогда Керсти осторожно отворила дверь еще шире и выскользнула на площадку.

Темнота казалась живой, темным бархатом она гладила ее лицо. Шага три удалось сделать без особых происшествий, затем четвертый... Она уже занесла ногу, чтобы сделать пятый шаг — пять, ее счастливое число,— как вдруг тело совершило недопустимую самоубийственную ошибку. Керсти опять икнула, а рука не успела вовремя подняться ко рту и заглушить звук.

И на сей раз Керсти услышали.

— А-а, вот ты где! — промолвила тень, и из спальни выскользнул Фрэнк, преграждая ей путь.

Тело его казалось огромным, оно заполнило всю лестничную площадку, а еще от Фрэнка резко пахло мясом.

Теперь терять уже было нечего, и не успел он сдвинуться с места, как Керсти завопила во всю мощь своих легких. Однако это нисколечки его не смущило. Сверкающее лезвие ножа отделяли от ее кожи считанные дюймы, и Керсти, оказавшись в безвыходном положении, наконец сделала тот самый, пятый шаг, который и привел ее на самый порог комнаты Фрэнка. Недолго думая, Керсти распахнула дверь и влетела в комнату. Он же, радостно покрикивая, устремился за ней.

В этой комнате было окно, причем разбитое ею же всего несколько часов тому назад. Но здесь царила такая непроницаемая темнота, что Керсти на секунду показалось, будто бы ее глаза вдруг ослепли. Не было видно даже мерцания луны, подсказавшего бы ей путь к окну. Но похоже было, что Фрэнк тоже на какое-то время потерял ориентацию. Он окликнул Керсти, и этот зов сопровождал свист ножа, рассекающего воздух. Вперед-назад, вперед-назад. Пытаясь увернуться от этого звука, она отскочила в сторону, но вдруг нога ее запуталась в бинтах, разбросанных по полу, и в следующий миг Керсти, потеряв равновесие, упала. Однако она не ударилась о голые доски, а уперлась руками во что-то мягкое. Труп Рори... Керсти завопила от ужаса.

— Ага, вот ты где! — воскликнул Фрэнк.

Свист ножа резко приблизился, и вот уже лезвие рассекло воздух в нескольких дюймах от ее головы. Но Керсти его уже не слышала. Обеими руками она обхватила лежавшее на полу тело; угроза смерти ровным счетом ничего не значила по сравнению с той болью, которую она испытывала, дотрагиваясь до тела Рори.

— Рори... — простонала она и в глубине души порадовалась тому, что умирает с его именем на устах.

— Вот и молодец, — внезапно донесся голос Фрэнка. — Правильно. Теперь я — Рори...

Неожиданно ею овладел гнев. Да как он смеет называться именем Рори? Это было еще хуже, чем то, что он присвоил себе его кожу. В конце концов,

что есть кожа? Обычная шкура — у свиней она имеется, и у змей тоже. Кожа состоит из клеток, которые нарастают и умирают, затем нарастают снова. Но имя?.. Оно сродни заклинанию, которое оживляет людскую память. Нет, ни за что! Она не позволит Фрэнку пользоваться этим именем!

— Рори мертв,— сказала она.

Слова обожгли губы, пробудили от оцепенения. И с этим ощущением явилась мысль.

— Тс-с, детка...— шепнул он ей.

А что, если сенобиты просто выжидают, когда Фрэнк проговорится, назовет свое имя? Тот сенобит, явившийся к ней в больнице, так и сказал: пусть он *откроется*.

— Ты не Рори,— покачала головой она.

— Но только мы знаем это, только мы с тобой,— последовал ответ.— И никто больше.

— И кто же ты тогда?

— Бедняжка... Совсем потеряла разум. Что ж, это даже неплохо...

— Кто ты на самом деле?

— ...Тебе будет легче...

— Кто?

— Тихо, малышка, тихо,— успокоил он и склонился к ней в темноте. Его лицо теперь находилось близко-близко.— Все будет хорошо, все будет просто замечательно...

— Правда?

— Правда. Фрэнк с тобой, маленькая.

— Фрэнк?

— Да. Фрэнк — это я.

С этими словами он занес руку для смертельного удара, но она услышала в темноте свист ножа и увернулась. Секунду спустя вновь раздался звон колоколов, и лампочка под потолком ожила и начала разгораться. В ее неверном мерцающем свете она различила фигуру Фрэнка, стоящего на коленях рядом с телом брата, из ягодицы мертвеца торчала рукоятка ножа. Фрэнк выдернул нож и перевел взгляд на нее.

Последовал еще один звучный удар колокола, и Фрэнк, поднявшись, уже готов был опять наброситься на нее, как вдруг его остановил какой-то голос.

Окликнул его по имени, мягко, но настойчиво, так отзывают ребенка от игры.

— Фрэнк...

Лицо его вытянулось, выражая замешательство, которое буквально сразу же сменилось страхом.

Очень медленно Фрэнк повернул голову — взглянуть на того, кто его позвал. Это был сенобит, крюки, впившиеся в его тело, ярко сверкали. За сенобитом Керсти различила еще три фигуры с изуродованными до неузнаваемости телами и лицами.

Фрэнк обернулся обратно к Керсти.

— Твоя работа?! — взвизгнул он.

Она кивнула.

— Уходи отсюда, — произнес один из пришельцев. — Теперь происходящее здесь тебя не касается.

— Сука! — выкрикнул Фрэнк. — Ведьма! Проклятая, лживая бл**д!

Яростные вопли преследовали ее на всем пути к двери. Вот уже ее пальцы коснулись ручки — и тут Керсти почувствовала, что Фрэнк догоняет ее, и, обернувшись, увидела, что их разделяет меньшее фу-та, а лезвие ножа застыло в каком-то волоске от ее тела. Однако, как Фрэнк ни пытался, он не мог вонзить в нее свой нож.

И тут в его руки, ноги, лицо глубоко впились крючья. Фрэнк словно бы завис в воздухе, удерживаемый этими крючками и цепями. Он принял вырываться, но с мягким чмокающим звуком за-зубренные крючья все глубже впивались в его плоть. Рот Фрэнка исказился в беззвучном крике, кожа на его шее и груди лопнула и начала расходиться.

Нож выпал из его обессилевших пальцев. Фрэнк испустил последнее невнятное проклятие в ее адрес, и тело его содрогнулось, забилось в конвульсиях, не в силах больше сопротивляться воле сеновитов. Дюйм за дюймом Фрэнка подтаскивали все ближе к середине комнаты.

— Иди,— приказал ей один из сеновитов.

Голос доносился откуда-то от окна, а сами сеновиты растворились в кровавом тумане, внезапно опустившемся на комнату. Последовав этому совету, Керсти отворила дверь. Из-за ее спины продолжали доноситься отчаянные вопли Фрэнка.

И не успела она шагнуть на лестничную площадку, как с потолка вдруг посыпалась штукатурка. Дом от фундамента до крыши весь заходил ходуном и громко застонал. Похоже, надо было спешить —

какие бы демоны ни явились сюда, они явно вознамерились разнести весь дом.

Однако Керсти все-таки не удержалась и обернулась, чтобы бросить еще один, последний взгляд на Фрэнка — и убедиться, что он навсегда останется там, в комнате.

А Фрэнк тем временем переживал все новые и новые мучения: в теле его торчало не меньше дюжины крючьев, и глубокие раны ширились прямо на глазах. Распластанный в беспощадном свете одиночной лампочки, он познал неимоверные, предельные страдания, после чего ему показали, что и за этими пределами тоже живет боль. Рот Фрэнка испускал непрерывный, отчаянный, звериный визг, который непременно вызвал бы у нее сострадание, не знай Керсти, кто именно так кричит.

И вдруг крики оборвались. Настала тишина. Из последних сил Фрэнк приподнял свисавшую на одно плечо голову и взглянул ей прямо в лицо. И не было в этом взоре ни злобы, ни страдания. Глаза сверкали, точно драгоценные камни, вплавленные в гниль и прах.

В ответ на этот акт неповиновения цепи, державшие Фрэнка, натянулись еще туже, однако на сей раз сенобитам не удалось выдавить из него ни крика, ни стона. Вместо этого Фрэнк высунул язык и, не сводя глаз с Керсти, провел им по окровавленным зубам в гримасе откровенной и наглой похотливости.

А затем его разорвало на части.

Ноги отделились от туловища, голова — от плеч, кости рассыпались на осколки, а жилы лопнули, выбросив в воздух облако красноватого пара. И едва Керсти успела захлопнуть дверь, как о доски изнутри глухо ударился какой-то предмет. Голова Фрэнка, догадалась она.

Керсти спотыкаясь бежала вниз по ступеням. Из стен доносился волчий вой, колокола беспорядочно звонили, а воздух заполонили призраки неких жутких птиц, чьи крылья были сшиты вместе.

Оказавшись внизу, Керсти бросилась к входной двери и уже почти дотянулась до ручки, до желанной свободы оставался какой-то ярд, но вдруг она услышала, как кто-то окликнул ее по имени.

Это была Джуллия. По полу тянулся широкий кровавый след — начинался он с того места, где Фрэнк бросил ее, и уводил в столовую.

— Керсти... — снова позвала Джуллия.

Голос звучал так жалобно, что девушка не могла не откликнуться на этот зов. Керсти шагнула в столовую.

Мебель почернела и дымилась, ковер превратился в вонючую кучу пепла. И там, в центре всего этого опустошения, сидела... невеста. Благодаря какому-то непостижимому усилию воли Джуллии удалось надеть свадебное платье и укрепить на голове фату. Сейчас она гордо восседала посреди обломков в своем измазанном пеплом свадебном наряде и, казалось, не замечала всего того, что творится вокруг. Джуллия выглядела как никогда прекрасной, ее кра-

сота особенно подчеркивалась окружающим ее ужасом.

— Помоги мне,— простонала она, и только тут Керсти поняла, что голос исходит вовсе не из-под кружева фаты, но с колен невесты.

Складки пышного платья раздвинулись и явили голову Джуллии. Голова поклонилась на подушечке из алого шелка, обрамленная волной золотисто-каштановых волос. Но как же она говорит? Ведь она лишена тела, лишена легких... И все же голова говорила.

— Керсти...— еще раз умоляюще промолвила голова.

После чего вздохнула и принялась перекатываться слева направо, словно сокрушаясь о чем-то.

Керсти могла бы помочь прекратить эти мучения — схватить голову Джуллии с подушки, швырнуть ее о стену, раздавить чем-нибудь, но тут фата невесты дрогнула и начала подниматься, словно управляемая невидимыми пальцами. Под ней замерцал свет, он разгорался все ярче, еще ярче, а затем раздался голос.

— Я — Инженер...— выдохнул он.

И замолк. Ни слова больше.

После чего складки фаты поднялись еще выше, и скрытая под ними голова (или это было что-то другое?) превратилась в сплошной сверкающий шар, яркий, как солнце.

Керсти не стала ждать, когда лучи этого миниатюрного светила ослепят ее. Она бросилась обратно в прихожую — тени птиц уже почти обрели ре-

альность, волчий вой сводил с ума — и вылетела из двери в тот самый момент, когда потолок в холле уже начал рушиться.

Ее встретила ночь — ясная, чистая тьма. Керсти вдыхала ее жаждыми глотками. Второй раз она убегает из этого дома, не дай бог, чтобы такое случилось в третий, тогда ее рассудок точно не выдержит.

На углу Лодовико-стрит она обернулась. Дом не сдался под напором сил, раздирающих его изнутри. Он высился неподвижный и тихий, словно могила. Нет, *куда тише*, чем могила.

Она снова отвернулась, направляясь прочь, и в тот же самый миг столкнулась с кем-то. От неожиданности она громко вскрикнула, но прохожий, испуганно съежившись, уже спешил куда-то в сероватую дымку, предвещавшую наступление утра. Дрожащая тень почти слилась с предрассветным туманом, как прохожий вдруг обернулся, и голова его вспыхнула белым конусом пламени, рассеивая царивший кругом полумрак. Это был Инженер. Керсти даже не успела отреагировать, закрыть глаза — буквально в ту же секунду Инженер исчез, оставив на сетчатке ее глаза сверкающий отпечаток.

И лишь пару мгновений спустя ей стала ясна цель этого столкновения. Он передал ей шкатулку Лемаршана, которая теперь и покоялась у нее в руке.

Поверхность шкатулки снова выглядела неприскучно цельной и гладкой, отполированной до зеркального блеска. И хотя Керсти не стала слишком тщательно ее рассматривать, почему-то она была

уверена, что кровь, послужившая ей ключом к разгадке головоломки, бесследно исчезла. Очередному исследователю придется путешествовать по граням шкатулки без карты. И очевидно, пока такой путешественник не появится, именно ей, Керсти, было назначено стать хранителем Конфигурации Лемаршана.

Керсти перевернула коробочку в руке. На какую-то долю секунды ей показалось, что в зеркально отполированной поверхности отражаются призрачные лица — Джулии, затем Фрэнка. Она тут же перевернула коробочку еще раз, надеясь, что, быть может, ей удастся увидеть Рори. Но нет, где бы он сейчас ни находился, в шкатулке его не было. Возможно, существуют другие головоломки, готовые при разгадке подсказать место его пребывания. Какой-нибудь кроссворд, чье решение поможет отпереть калитку, ведущую в райский сад, или же картинка-загадка, составив которую проникнешь в Страну Чудес.

Что ж, она будет ждать и следить, как всегда. Всю свою жизнь она ждала в надежде, что когда-нибудь однажды такая вот картинка попадет к ней в руки. Но если этого и не случится, она не станет слишком огорчаться, ибо, наверное, ни разум, ни даже время не способны раскрыть секрет исцеления разбитых сердец.

Скоро в издательстве «ЭКСМО»
впервые на русском языке
выходит новый роман Клайва Баркера
«КАНЬОН ХОЛОДНЫХ СЕРДЕЦ»

«Назвать Клайва Баркера интересным автором, работающим в жанре “хоррор”, все равно что обозвать “The Beatles” довольно-таки неплохой группой-однодневкой».

Квентин Тарантино

Пролог КАНЬОН

Над каньоном Холодных Сердец сгустились ночные сумерки, и из пустыни подул ветер.

Санта Ана — так величают подобные ветры в народе. Они приходят из Мохаве и, как правило, сулят людям пожары и хворь. Кое-кто считает, что их нарекли в честь святой Анны, матери святой Марии; другие утверждают, что в названии увековечилось имя некоего Санта Ана, генерала мексиканской кавалерии, прославившегося большим мастаком пускать пыль в глаза; третьи же полагают, будто Санта Ана не что иное, как преобразованное *santanta*, что в переводе означает «дьявольский ветер».

От чего бы ни происходило это название, бесспорным остается то, что ветры Санта Ана всегда были жгучими и зачастую приносили с собой столь щедрый букет ароматов, словно собирали его с каждого встречавшегося на пути цветка. Дикорастущие лилии и розы, белый шалфей и необузданый дурман, гелиотроп и креозот — подхваченное жаркими объятиями ветра, их сладостное благоухание

устремлялось в укромное ущелье, именуемое каньоном Холодных Сердец.

Что касается самого ущелья, то, разумеется, в нем тоже хватало цветущих растений. Более того, их буйство достигало фантастических размеров. Некоторые из них в свое время были занесены сюда теми же палящими ветрами Санта Ана, другие своим появлением обязаны бродячим животным — оленям, койотам, енотам, экскременты которых содержали семена; прочие же образчики флоры перекочевали из садов огромного сказочного дворца — единственного рукотворного строения, предъявляющего притязания на этот уголок Голливуда. Некогда таких чужестранцев, как редкие виды орхидеи и лотоса, садовники холили и лелеяли, точно самое дорогое сокровище, но эти времена ушли в далекое прошлое, и с тех пор диковинные питомцы, лишившиеся регулярных подрезки и полива, предались безудержному разрастанию.

Между тем каждый выросший в этом уголке природы цветок почему-то отдавал горечью. Забреди сюда ненароком голодная лань — пытаясь, к примеру, спрятаться от туристов, что прибыли осматривать Тинстаун,— в каньоне она бы не задержалась. Хотя ущелье и ограждали крутые горные склоны, нередко случалось, что животные, особенно молодые, подстрекаемые неуемным любопытством, успешно преодолевали прогнившие изгороди и покосившиеся заборы и попадали в святая святых этих садов — но почти всегда свой интерес они утоляли довольно быстро.

Возможно, причиной тому был не только горький привкус листьев и лепестков. Возможно, все дело в том, что атмосферу вокруг бельведера наполнял странный шепот, который вызывал у зверей беспокойство. Возможно, пока они бродили по бывшим тропинкам сада, их дрожащих боков слишком часто касалось нечто незримое, нечто призрачное. Возможно, очутившись на заросших садовых лужайках, животные натыкались на ту или иную статую и, по ошибке приняв ее за нечто одушевленное, пугались и неслись вскачь.

Возможно, иногда это была вовсе и не ошибка.

Возможно...

В каньоне эти «возможно» — то, что здесь могло бы или не могло произойти, — водились с давних времен. Но как никогда прежде они обнаружили себя именно в ту ночь, когда воздух дышал пустынным, щедро напоенным цветочными ароматами ветром. Голоса призрачных хозяев каньона звучали в эту ночь так тихо и расплывчато, что их едва бы различил оказавшийся тут невзначай человек — че-го, как правило, никогда не случалось.

Впрочем, всякое правило предполагает исключения. Чтобы попасть в эту долину роскоши и слез, нужно сильно постараться — и тем не менее турист или семья туристов, желая узнать, что находится за пределами предписанного им маршрута, подчас совершают столь неосмотрительный шаг по чистой случайности. Порой в ущелье забредают парочки,

желающие отыскать укромное местечко для любовных утех, кого-то привлекает мелькнувшая среди листвы фигура знаменитого кумира, застигнутого врасплох на прогулке с собакой.

Однако целенаправленно на эту заповедную территорию ступали всего несколько человек, которые отыскали дорогу по весьма туманным описаниям, имевшимся в исторических документах Старого Голливуда. Эти люди входили в каньон Холодных Сердец весьма осторожно, можно сказать, с налетом благоговейной почтительности. Но каким бы образом непрошеные визитеры ни попадали в ущелье, покидали они его всегда одинаково — поспешно унося ноги и тревожно озираясь. В сильном замешательстве оказывались даже самые яростные безумцы, дерзко заявлявшие, что им чужды слабости плоти. Повинуясь шестому чувству, которое, на удивление, было куда проницательнее их самих, они улепетывали от пугающих теней каньона так, что сверкали пятки. Но даже вернувшись под спасительную сень вечернего бульвара Сансет и наконец обсушив взмокшие от страха ладони, они так и не могли понять, почему в столь безобидном месте им пришлось натерпеться такого ужаса.

Часть первая ЦЕНА ОХОТЫ

Глава 1

— Вероятно, ваша супруга, мистер Зеффер, не желает гулять вблизи крепости? — сказал на второй день отец Сандру, когда мужчина средних лет с красивым, но печальным лицом явился к нему один.

— Она мне не жена,— заметил Зеффер.

— А-а...— понимающе кивнул монах. Сквозившее в его тоне сочувствие выражало далеко не безразличное отношение к очарованию Кати.— О чём вы, должно быть, весьма сожалеете, да?

— Да,— признался тот, явно испытывая некоторую неловкость.

— Она очень красива.

Произнося эти слова, монах не сводил глаз с собеседника, однако тот, очевидно решив, что и так сказал более чем достаточно, не имел ни малейшего намерения исповедоваться святому отцу дальше.

— Я всего лишь ее импресарио,— пояснил Зеффер.— Это все, что нас связывает.

Между тем отец Сандру, по всей очевидности, не желал уходить от темы.

— После вашего вчерашнего визита,— проговорил он, изрядно сдабривая свой английский румынским акцентом,— один из братьев заметил, что такой красивой женщины он отроду не встречал...— Не закончив фразы, отец Сандру ненадолго замолчал, после чего добавил: — Во плоти, разумеется.

— Между прочим, ее зовут Катя,— заметил Зеффер.

— Да-да, я знаю.— Теребя спутанные пряди седой бороды, монах продолжал изучать взглядом Зеффера.

Эти двое собеседников являли собой яркий контраст. Весьма упитанный краснолицый Сандру в пыльной коричневой рясе — и сухопарый элегантный Зеффер в светлом льняном костюме.

— Это правда, что она кинозвезда?

— Вы видели ее в кино?

Сандру расплылся в широкой улыбке, обнажив на удивление кривые зубы.

— Нет-нет,— ответил он,— ничего такого я обычно не смотрю. По крайней мере, нечасто. Но в Равбаке есть маленький кинотеатр, и юные братья постоянно его посещают. От Чаплина они все, конечно, без ума. И еще... от этой соблазнительницы... если я правильно подобрал слово...

— Да,— подтвердил Зеффер, которого разговор с монахом начал забавлять,— «соблазнительница» — вполне подходящее слово.

- По имени Теда Бара.
- О да. Мы с ней знакомы.

В тот год, в 1920-й, Теду Бару знали все. Она была одной из известнейших звезд мирового экрана, к которым, разумеется, относилась и сама Катя. Обе актрисы пребывали в зените своей славы, окрашенной всеми изысками декадентской эпохи.

— В следующий раз нужно будет пойти в кино с кем-нибудь из братьев. Хочу взглянуть на нее собственными глазами,— произнес отец Сандру.

— Скажите, а вам известен тот тип женщин, который Теда Бара воплощает на экране? — поинтересовался Зеффер.

— Не вчера же я родился на свет, мистер Зеффер.— В недоумении Сандру поднял густую бровь.— Этим женщинам, так сказать соблазнительницам, в Библии отведено весьма определенное место. Это блудницы, вавилонские блудницы. Они притягивают к себе мужчин только затем, чтобы их уничтожить.

Зеффер невольно рассмеялся столь откровенной характеристике.

- Думаю, вы вполне правы,— сказал он.
- А кто она на самом деле? В реальной жизни?
- Ее настоящее имя Теодесия Гудмен. Родом из Огайо.

— И она тоже разрушительница мужских сердец?

— В реальной жизни? Нет, не думаю. Время от времени она, конечно, наносит удар по мужскому самолюбию, но не более того.

Казалось, отец Сандру был немного разочарован.

— Я передам братьям все, что вы мне рассказали. Им будет очень интересно это услышать. Итак... не пройдете ли со мной внутрь?

Виллем Матиас Зеффер был человеком культурным. За свои сорок три года он успел пожить в Париже, в Риме, в Лондоне и даже некоторое время в Каире. Но какие бы перспективы ни сулило ему искусство или, вернее сказать, амбиции относительно собственного слова в искусстве, он дал себе зарок, что уедет из Лос-Анджелеса, как только публике прискучит рукоплескать Кате или же самой звезде надоест отклонять его предложение руки и сердца. Едва это случится, они поженятся и отправятся в Европу, где подыщут себе дом с настоящей историей — в отличие от того жалкого подобия испанского замка, который Катя позволила себе построить в одном из каньонов Голливуда.

А пока это время не пришло, он довольствовался тем, что улещивал свой эстетический вкус всевозможными предметами искусства — мебелью, gobеленами, скульптурами, — которые приобретал, сопровождая Катю во всех заграничных поездках.

Пожалуй, их вполне бы устроил шато на Луаре или георгианский особняк в Лондоне — словом, нечто такое, что не нагоняло бы ужаса и не коробило бы вкуса скромного импресарио из Голливуда.

— Вам нравится Румыния? — осведомился отец Сандру, открывая большую дубовую дверь, что находилась внизу лестницы.

— Да, конечно,— ответил Зеффер.

— Только, пожалуйста, ради меня не ввергайте себя в грех,— мельком глянул на него Сандру.

— В грех?

— Ложь — это грех, мистер Зеффер. Пусть маленький, но все-таки грех.

«О господи, до чего ж я докатился, соблюдая обыкновенные приличия»,— подумал Зеффер. В Лос-Анджелесе подобная маленькая ложь воспринималась как само собой разумеющееся — можно сказать, он грешил направо и налево, ежеденно и ежечасно. Жизнь, которую они с Катей вели, строилась на тысяче маленьких и глупых уловок и по сути являлась бесконечной ложью.

Но сейчас-то он был не в Голливуде. Почему же тогда он солгал?

— Вы правы. Я не слишком люблю эту страну. Сюда я приехал потому лишь, что так захотела Катя. Ее мать и отец, вернее отчим, живут в деревне.

— Да, мне это известно. Благочестием ее мать отнюдь не отличалась.

— Вы были ее духовником?

— Нет. Мы с братьями не проводим богослужения для прихожан. Орден святого Теодора существует только затем, чтобы охранять крепость.— Отец Сандру распахнул дверь, и из темноты на них пахнуло сыростью.

— Простите мне мое любопытство,— начал Зеффер,— но я хотел бы уточнить. Насколько я понял из нашего вчерашнего разговора, кроме вас и братьев, здесь больше никто не живет?

— Да, верно. Кроме братьев, тут никого нет.

— Тогда что же вы здесь охраняете?

— Сейчас увидите,— расплылся в улыбке Сандру.— Я покажу вам все, что вы захотите посмотреть.

Священник зажег свет, и перед гостем обнаружился коридор длиной примерно в десять ярдов. На стене висел большой gobelen, настолько потускневший от времени и пыли, что разглядеть на нем что-либо было почти невозможно.

Пройдя по коридору, отец Сандру повернул еще один выключатель.

— Я тешу себя надеждой, что сумею уговорить вас что-нибудь у нас приобрести,— произнес он.

— Что именно?

Увиденное Зеффером накануне не слишком его вдохновило. Те образчики мебели, которые представили тогда его взору, в определенной степени восхитили Виллема своей наивной простотой, но он даже не допускал мысли о том, чтобы пополнить ими свою коллекцию.

— Я не знал, что вы продаете содержимое крепости,— признался он.

— О-ох...— угрюмо протянул Сандру.— Даже страшно сказать. Но нам приходится это делать, чтобы выжить. И сейчас, на мой взгляд, самый подходящий случай. Потому что я хочу, чтобы наши замечательные вещицы попали в хорошие руки. К тому, кто смог бы достойно их содержать. Словом, к такому человеку, как вы.

Следуя впереди Зеффера, Сандру щелкнул третьим выключателем, потом четвертым. «Оказывается,

крепость на этом уровне гораздо обширнее, чем этажом выше», — отметил про себя Зеффер. Во всяком случае, коридоры здесь расходились во все стороны.

— Но прежде, чем мы начнем осмотр, — повернулся к нему Сандру, — я хотел бы узнать: вы сегодня в настроении что-нибудь приобрести?

— Я американец, отец Сандру, — улыбнулся Зеффер. — А значит, всегда в настроении что-нибудь приобрести.

Днем раньше отец Сандру поведал Зефферу и Кате историю крепости. Поразмыслив над его рассказом обстоятельнее, Зеффер обнаружил некоторую фальшь. «Должно быть, Орден святого Теодора что-то скрывает», — заключил он. Не зря Сандру говорил о крепости как о месте, окутанном тайной, хотя и не связанной с кровопролитием. Как утверждал священник, здесь не велось никаких сражений, не содержались узники под стражей, а внутренний двор не был свидетелем жестокостей и казней. Однако Катя со свойственной ей прямолинейностью заявила, что этому не верит.

— Когда я была маленькой, об этом месте ходили разные слухи. Я слышала, что здесь происходило нечто чудовищное. Будто бы тут каждый камень пропитан человеческой кровью. Кровью детей.

— Уверен, вас ввели в глубочайшее заблуждение, — рек отец Сандру.

— Вовсе нет. В крепости жила сама жена дьявола. Ее звали Аилит. Она послала герцога на охоту — и больше его никто не видел.

Сандру тогда расхохотался, и если его смех являлся чистой маскировкой, то нельзя не признать, что она была исключительно искусной.

— И кто поведал вам эти сказки? — наконец спросил он.

— Мама.

— А-а, — покачал головой Сандру. — Я почти уверен, что она просто хотела вас урезонить и уговаривала ложиться спать, пока за вами не явился дьявол и не отрезал вам голову. — Катя пропустила его слова мимо ушей. — Люди всегда рассказывают детишкам подобные истории. А как же иначе? Они были, есть и будут. Люди обожают сочинять сказки. Но поверьте, моя дорогая, крепость не может быть оскверненным местом. В противном случае здесь не могло бы жить братство.

Несмотря на то что вчерашние слова Сандру прозвучали вполне убедительно, кое-что в них показалось Зефферу подозрительным и требовало разъяснений. Будучи слегка заинтригованным, он решил нанести святому отцу повторный визит. Если то, что говорил Сандру, было ложью (грехом, если пользоваться его же собственным определением) — то какой цели она служила? Что защищал этот человек? Уж наверняка не комнаты, полные грубо отесанной мебели и потертых gobelenov. Нет ли тут, в крепости, чего-нибудь такого, что заслуживало бы более

присального внимания? И если есть, то как уговорить отца Сандру признаться в этом?

Лучший способ, решил про себя Зеффер,— это использовать власть денег. Если отец Сандру вообще способен поддаться на уговоры и открыть ему истинные сокровища крепости, то склонить его на этот шаг мог разве что запах крупных купюр, а поскольку священник сам завел разговор о купле-продаже, это было уже половиной дела.

— Я знаю, что Катя была бы не прочь прихватить с собой в Голливуд что-нибудь на память о родине,— произнес Виллем.— Она построила большой дом. В нем очень много комнат.

— Да ну?

— Правда. У нее есть кое-какие сбережения.

Заявление Зеффера было голословным, но он знал, что в делах такого рода подобные изречения почти всегда возымеют действие. Результат не заставил себя долго ждать и на этот раз.

— О какой же сумме идет речь? — мягко осведомился отец Сандру.

— Катя Люпи — одна из самых высокооплачиваемых актрис Голливуда. Я же уполномочен покупать для нее все, что, на мой взгляд, может доставить ей удовольствие.

— Тогда позвольте спросить: что может доставить ей удовольствие?

— Ей доставляют удовольствие вещи, которых, скорее всего, или, вернее сказать, почти наверняка больше ни у кого нет,— ответил Зеффер.— Она обо-

жает выставлять свою коллекцию. И желает, чтобы каждая вещь была по-своему уникальна.

— Здесь все уникально.— Разведя руки в стороны, Сандру широко улыбнулся.

— Отец, вы говорите так, будто готовы продать даже фундамент, если за него назначат достойную цену.

— В конце концов, все, что здесь имеется, всего лишь вещи,— философски заметил Сандру.— Вы со мной согласны? Обыкновенные камень и дерево, нитки и краски. Придет время — и вместо этих вещей люди сотворят другие.

— Но, должно быть, здешние вещи имеют некоторую священную ценность?

— В церкви наверху — да,— пожал плечами Сандру.— Но мне вовсе не хотелось бы продавать вам, скажем, алтарь.— Он многозначительно улыбнулся, словно давая понять, что при определенных обстоятельствах даже эта святыня будет иметь свою цену.— Однако почти все остальное в крепости предназначалось для мирской жизни, для увеселения герцогов и их дам. А поскольку этих предметов больше никто не видит — за исключением отдельных людей вроде вас, которые оказываются здесь проездом... то почему бы Ордену не избавиться от ненужных вещей? Если они принесут солидный доход, его можно будет распределить среди бедных.

— Да, конечно. В ваших краях многие нуждаются в помощи.

Зеффера и вправду поразила убогость, в которой обретались здешние жители. Деревенъки представ-

ляли собой скопление жалких лачуг; каменистая земля вся была возделана, но давала скучные урожаи. С двух сторон возвышались горы: на востоке горная цепь Буседжи, на западе — Фагарас. Их серые, как пыль, склоны были начисто лишены растительности, а на вершинах белел снег. Одному богу было известно, какие суровые зимы обрушивались на эти края: земля становилась твердой, как камень, маленькая речушка замерзала, а стены жалких хижин не могли защитить от пронизывающего ветра, дующего с горных вершин.

В день их приезда Катя повела Виллема на кладбище, чтобы показать, где похоронены ее бабушка с дедушкой. Там он получил полное представление о том, в каких условиях жили и умерли ее родственники. Тяжелое и мрачное впечатление производили не столько могилы отживших свой век стариков, сколько бесконечные ряды маленьких крестов, обозначавших места погребения детей — тех, что умерли от пневмонии, голода или просто слабого здоровья. Зеффера глубоко тронуло горе, стоявшее за сотнями этих могил: боль матерей, невыплаканные слезы отцов и дедов. Ничего подобного увидеть он не ожидал, а потому был сильно потрясен.

Что же касается Кати, то на нее посещение кладбища как будто не окзало столь удручающего действия — во всяком случае, в разговоре она упоминала только своих прародителей и их странности. В этом мире она выросла, поэтому не было ничего удивительного в том, что подобные страдания она

воспринимала как порядок вещей. Разве не рассказывала она Зефферу, что в семье у них народилось четырнадцать детей? И что только шестеро из них выжили. Остальные же восемь, очевидно, нашли себе пристанище здесь, среди могил, мимо которых они с Катей проходили. И разумеется, ничего странного не виделось в том, что у нее такое холодное сердце. Именно это придавало ей силу, которая ощущалась в каждом взгляде, в каждом движении и которая внушала любовь ее зрителям и в особенности зрительницам.

Теперь, когда Зеффер больше узнал о Катином прошлом, он стал лучше понимать природу ее хладнокровия. Он увидел дом, где она родилась и воспитывалась, улицы, которые она ребенком исходила вдоль и поперек; он познакомился с ее матерью, которая, надо полагать, отнеслась к появлению на свет дочери как к некоему чуду: в самом деле, розовощекая, безукоризненной красоты девочка являла собой яркий контраст прочим деревенским ребятишкам. И мать не замедлила воспользоваться этим преимуществом. Когда дочери исполнилось двенадцать, мать стала возить ее по городам, заставляя танцевать на улицах, чтобы, как утверждала сама Катя, привлечь внимание мужчин, что возжелают ее нежной плотью согреть свою постель. Очень скоро девочка сбежала от материнского рабства, но, прекратив торговаться своим телом ради семьи, она вынуждена была делать то же самое ради себя. К пятнадцати годам (в этом возрасте с ней и позна-

комился Зеффер — она пела тогда на улицах Будапешта, чтобы заработать на ужин) Катя уже была во всех отношениях взрослой женщиной, поражавшей своей цветущей красотой всякого, кто задерживал на ней взор. Три вечера подряд Зеффер приходил на площадь, чтобы, примкнув к толпе зевак, полюбоваться на девочку-чаровницу. Недолго думая, он решил увезти ее с собой в Америку. Хотя в те времена Зеффер был совершенно несведущим человеком в области киноискусства (тогда, в 1916 году, когда кинематограф еще пребывал в своем нежнейшем возрасте, опытных людей в этом деле можно было по пальцам пересчитать), инстинктивно он сумел различить в лице и осанке девушки нечто особенное. На Западном побережье у него были влиятельные друзья — в основном люди, которые устали от пошлости и грошевых доходов Бродвея и подыскивали себе новые горизонты для применения своих талантов и инвестиций. От них он просыпал, что кинематографу пророчат большое будущее и что некоторые талантливые в этой сфере деятели не прочь найти лица, которые полюбились бы камере и публике. «Разве у этой маленькой женщины не такое лицо? — подумал Зеффер. — Разве камера не замрет в восхищении, увидев ее коварные и вместе с тем прекрасные глаза? А если удастся сразить камеру, значит, и публика тоже будет сражена».

Зеффер поинтересовался, как зовут девушку. Она оказалась Катей Лупеску из деревни Равбак. Виллем

подошел к ней, заговорил и, пока новая его знакомая поглощала голубцы с сыром, поделился с ней своими размышлениями. Предложение Зеффера Катя встретила без особого энтузиазма, если не сказать, безучастно. «Да,— молвила она,— звучит заманчиво». Однако ей даже в мыслях не приходило когда-нибудь покинуть Румынию, и вообще она была далеко не уверена, что ей этого хочется. Уехав так далеко от дома, она будет скучать по родным.

Год или два спустя, когда ее известность в Америке стала расти — к тому времени она была уже не Катей Лупеску, а Катей Люпи, а сам Виллем сделался ее импресарио,— они вернулись к этому разговору, и Зеффер припомнил, как мало ее тогда заинтересовали предложенные им перспективы. Но Катя призналась, что ее холодность была напускной, чем-то вроде защитного инстинкта. С одной стороны, она не хотела выказывать перед ним свое смущение, а с другой — боялась слишком обольщаться.

Но и это еще не все. Казалось, безразличие, которое Катя продемонстрировала в первый день их знакомства (как и недавно на кладбище), было неотъемлемой составляющей ее характера. Оно взращивалось на протяжении многих поколений, на долю которых выпало столько страданий и потерь, что люди глубоко запрятывали свои чувства и никогда не позволяли себе проявлять ни большой радости, ни большого горя. Свои крайности, по ее собственному определению, Катя всегда держала под

замком, а их отголоски выпускала на волю только для публики. Именно чтобы воззреть на отголоски бушующих в ней страстей, и собиралась каждый вечер толпа на площади, где Катя когда-то пела. Та же сила исходила из нее и тогда, когда она оказывалась перед кинокамерой.

Любопытно, почему накануне Катя никоим образом не проявила этого качества перед отцом Сандру?

Со стороны казалось, будто она исполняет роль ласковой богоизбранной девочки, встретившейся со своим возлюбленным пастырем. Большую часть времени ее взгляд был почтительно устремлен вниз, голос звучал мягче обычного, а речь (Катя обычно не стеснялась крепких выражений) была на редкость нежной и кроткой.

Это представление показалось Зефферу комичным, слишком уж оно было наигранно, однако отец Сандру, очевидно, принял его за чистую монету. Один раз священник даже тронул Катю за подбородок и, приподняв его, сказал, что ей нет никакой причины стесняться.

«Стесняться!» — чуть было не возмутился вслух Зеффер. Если бы отец Сандру знал, на что только способна эта застенчивая красавица! Какие вече-ринки она закатывает в своем каньоне, который в прессе окестили каньоном Холодных Сердец! Какие пляски устраивает в стенах своих владений! То,

что подчас ей приходит в голову, когда она в ударе, есть сущий разврат. Если бы маска, которую она надела перед отцом Сандро, на мгновение с нее слетела и бедный обманутый монах мельком узрел истинное лицо этой особы, он тотчас заперся бы в келье, предварительно освятив дверь молитвами и окропив ее святой водой, дабы преградить путь злому духу, исходившему от этой с виду вполне добро-порядочной девицы.

Но Катя была слишком хорошей актрисой, чтобы позволить святому отцу обнаружить правду.

Можно сказать, вся жизнь Кати в известном смысле превратилась в представление. Когда она впервые появилась на экране в роли поруганной сироты с притворной улыбкой на устах, очень многие зрители, тронутые искренностью ее образа, приписали характер героини самой актрисе. Между тем по уикендам она устраивала такие вечеринки для прочих идолов Голливуда — шлюх, клоунов и авантюристов,— что поклонники ее таланта схватились бы за голову, узнай они, что на этих сбоярицах происходит. Какова же на самом деле Катя Люпи? Жалкое рыдающее дитя, кумир миллионов зрителей — или женщина типа Скарлетт, хозяйка каньона Холодных Сердец? Сирота, потерявшая родных во время шторма,— или наркоманка в своем логове? Ни та, ни другая? Или та и другая одновременно?

Эти мысли вертелись у Зеффера в голове, пока Сандро водил его по разным помещениям крепо-

сти, показывая столы, стулья, ковры и даже обломки камина.

— Что-нибудь вам приглянулось? — наконец спросил его священник.

— Пожалуй, что нет, святой отец,— чистосердечно признался Виллем.— Подобные ковры я вполне могу купить в Америке. Стоит ли тащить эти вещи из такой дали?

— Да, конечно,— кивнул в ответ Сандро с несколько разочарованным видом.

Пользуясь его замешательством, Зеффер взглянул на часы.

— Боюсь, мне пора возвращаться к Кате,— сказал он.

На самом деле его не слишком привлекала перспектива ехать обратно в деревню и торчать в доме, где родилась Катя, поедая приторно-сладкие пироги и запивая их густым кофе, которыми их усиленно потчевали родственники кинозвезды,— те смотрели на американских гостей, как на восьмое чудо света, подчас даже касаясь их руками, будто не верили своим глазам. Однако чем дольше отец Сандро водил его по крепости, тем больше утверждался Зеффер в бесплодности нынешнего визита, особенно после того, как священник так просто, без тени стеснения открыл ему свои корыстные интересы. Словом, в крепости Виллем не нашел ничего такого, что стоило бы увезти в Лос-Анджелес.

Он достал из пиджака бумажник, выписал чек на сто долларов за причиненные священнику хло-

поты — но, прежде чем успел передать тому заполненный листок, лицо Сандру обрело сосредоточенное выражение.

— Погодите,— произнес он.— Прежде чем мы расстанемся, позвольте кое-что вам рассказать. Мне кажется, мы понимаем друг друга. Вы не прочь купить нечто такое, чего ни у кого больше нет. Что-нибудь необычное в своем роде, да? А я был бы не прочь кое-что продать.

— Разве вы мне еще не все показали? — по любопытствовал Зеффер.— У вас есть что-то особенное?

Сандру кивнул.

— Мы с вами еще не побывали в некоторых помещениях крепости,— пояснил он.— И не без причины, скажу я вам. Понимаете, есть люди, которым не следует видеть то, что я собираюсь вам показать. Но думаю, я вас вполне понял, мистер Зеффер. Вы человек опытный, умудренный жизненным опытом.

— То, что вы говорите, звучит очень таинственно,— заметил Зеффер.

— Не знаю, насколько это на самом деле таинственно. Все это, я бы сказал, очень печально. И слишком свойственно человеческой природе. Видите ли, герцог Гога, тот, что построил крепость, оказался падшей душой. Истории, которые слышала Катя в детстве...

— Правдивы?

— Если можно так выразиться. Гога был ярым охотником. Но он не всегда ограничивался животными.

— Боже милостивый! Выходит, она была права, когда говорила, что этого места следует остерегаться?

— Сказать по чести, все мы немного побаиваемся того, что здесь происходит,— ответил Сандро,— потому что никто из нас до конца не знает правды. Все, что мы можем делать, когда находимся здесь,— это молиться, полагаясь на защиту Господа.

Зеффер был искренне заинтригован.

— Расскажите же мне,— обратился он к священнику.— Я хочу знать, что здесь происходит.

— Прошу вас, поверьте, я действительно не знаю, с чего начать,— начал благочестивый отец.— Просто не нахожу слов.

— Правда?

— Правда.

Теперь Зеффер увидел священника совершенно в ином свете. Такое блаженное состояние, когда человек не в силах подыскать слова для описания чьих-то отвратительных подвигов, когда он словно немеет, когда речь заходит о зверствах, вместо того чтобы словоохотливо предаться знакомой теме, было воистину достойно зависти. Виллем же не нашел своему любопытству никаких словесных аргументов, тем более что ему представлялось не только бесполезным, но и неприличным принуждать собеседника говорить больше, чем тот был способен сказать.

— Давайте побеседуем о чем-нибудь другом. Покажите мне что-нибудь из ряда вон выходящее. Чрезвычайно уникальное,— предложил Зеффер.— И я буду удовлетворен.

Сандру улыбнулся, но улыбка вышла не слишком веселой.

— Это нетрудно,— сказал он.

— Подчас красота нас поджидает в самом невероятном месте,— заметил Зеффер, вспомнив о юном личике Кати Лупеску, которое впервые проглянуло ему в голубоватых сумерках.

Глава 2

Отец Сандру направился по коридору к следующей двери — гораздо меньшей по размеру, чем та, через которую они спустились на этот этаж крепости. Священник вновь достал ключи, отпер дверь, и, к удивлению Зеффера, перед ними обнаружилась еще одна лестница, ведущая глубже в подземелье.

— Вы готовы? — спросил святой отец.

— Совершенно,— ответил Зеффер.

И они начали спускаться. Ступеньки были крутыми, и с каждым шагом воздух все сильнее отдавал сыростью. Пока они шли по лестнице, отец Сандру не проронил ни слова и только два-три раза оглянулся назад, желая удостовериться, что Зеффер идет за ним следом. Однако выражение его лица было далеко не радужным. Более того, казалось, он пожалел, что решил привести сюда Зеффера, и был бы рад уцепиться за любой повод, чтобы повернуть назад и укрыться в относительно спокойной обстановке верхнего этажа.

В конце лестницы он остановился и стал энергично потирать руки.

— Мне кажется, прежде чем идти дальше, нам следует выпить чего-нибудь горячительного,— заявил он.— Как вы считаете?

— Я не против,— согласился Зеффер.

Сандру юркнул в небольшую нишу в стене, находившуюся в нескольких ярдах от ступенек, и выудил оттуда бутылку и два бокала. Зеффер даже не заострил внимания на том, что алкоголь у священника находился, как говорится, под рукой. Разве мог он винить святых братьев за то, что без бокала бренди им не хватало духу спуститься вниз? Хотя нижний этаж крепости и освещался электричеством (на стенках висели гирлянды лампочек), их свет не прибавлял окружающей обстановке ни уюта, ни тепла.

Протянув Зефферу бокал, отец Сандру откупорил бутылку. Звук выскочившей пробки громким эхом отозвался от голых стен и пола. Монах плюснул щедрую порцию бренди в бокал Зефферу, еще более щедрую — в свой и осушил его прежде, чем Виллем успел пригубить напиток.

— Когда я впервые сюда спустился,— сказал священник, вновь наполняя свой бокал,— мы приготовляли собственный бренди. Из сливы, которые росли у нас в саду.

— А сейчас не готовите?

— Нет.— При упоминании о том, что они перестали производить собственный алкоголь, лицо отца Сандру заметно погрустнело.— Земля теперь не та, что раньше. Поэтому сливы не вызревают. Остаются маленькими и зелеными. Изготовленный

из них бренди всегда горчит. Его никто не хочет пить. Даже я. Можете себе представить, до чего же гадкий у него привкус? — Он расхохотался над по-рицанием своей же слабости и под собственный смех долил себе бокал. — Пейте, — сказал он Зефферу, чокаясь с ним так, будто они подняли бокалы впервые.

Зеффер выпил. Бренди оказался крепче, чем тот, который он пробовал в гостинице Браскова, однако влился в него мягко, согревая приятным теплом желудок.

— Неплох, верно? — произнес отец Сандру, расправившись со вторым бокалом.

— Очень даже неплох.

— Советую вам еще выпить, прежде чем мы двинемся дальше. — И не дожидаясь его согласия, вновь плеснул Виллему бренди. — Нам долго придется спускаться вниз, а там воистину адский холод... — Они выпили еще по бокалу. — Когда Орден поселился в этой крепости, мы собирались устроить здесь больницу. Дело в том, что на протяжении двух сотен миль в округе нет ни одной клиники. Так что наше намерение было вполне резонным. Но это место оказалось совершенно непригодным для больных. И уж тем более для умирающих.

— Поэтому открыть больницу не вышло?

— Мы все подготовили. Вчера вы видели одну из палат...

Зеффер вспомнил, что действительно через открытую дверь видел комнату, в которой в ряд стояли железные кровати с голыми матрасами.

— Я решил, это спальня ваших собратьев.

— Нет, у нас отдельные комнатушки. Ведь нас всего одиннадцать человек. Поэтому каждый может позволить себе уединенное местечко для молитв и медитаций,— улыбнувшись, он мельком глянул на Зеффера,— и для того, чтобы выпить.

— Меня такая жизнь вряд ли удовлетворила бы,— признался Зеффер.

— Не удовлетворила бы? — Эта мысль повергла Сандру в некоторое недоумение.— Что вы имеете в виду?

— Только то, что вам приходится жить вне общества. Что вы не можете помогать людям.

Тем временем они подошли к концу коридора, и Сандру начал искать в своей связке третий ключ, чтобы отпереть последнюю дверь.

— А кому вообще мы в состоянии помочь? — Его лицо обрело философское выражение.— Думаю, детей, когда им темно и страшно, еще можно успокоить. Иногда. Вы говорите им, что вы рядом, и они могут перестать плакать. А как быть всем остальным? Есть ли вообще на свете слова утешения? Лично я их не знаю.— Наконец священник нашел нужный ключ и, воткнув его в замочную скважину, оглянулся на Зеффера.— Думаю, фильмы, в которых показывают красивых женщин, приносят гораздо большее утешение, чем молитва. А может, и наоборот. Не утешение, а разрушение.

И с этими словами он наконец повернул ключ.

— Немного отдает ересью... ну да ладно.

Сандру толкнул дверь. Из комнаты, погруженной в глухой мрак, пахнуло теплым воздухом. Возможно, разница температур составляла не более двух-трех градусов, но она ощущалась очень резко.

— Подождите меня здесь, пожалуйста,— обратился к Зефферу святой отец.— Я сейчас принесу свет.

Виллем уставился во мрак комнаты, наслаждаясь тем незначительным повышением температуры воздуха, которым она его одарила. Благодаря струящемуся из коридора свету он сумел разглядеть порог, на котором у самых его ног была вырезана любопытная надпись: «Quamquam in fundis inferiorum sumus, oculos angelorum tenebrimus».

Не долго раздумывая над ее смыслом, Зеффер перевел взгляд в глубь комнаты. Она была довольно обширной и в отличие от прочих помещений крепости, весьма скромных на вид, имела более замысловатый интерьер. Зефферу показалось, что он сумел различить даже колонны, поддерживающие несколько маленьких сводов, если, конечно, они ему не привыкли. В нескольких ярдах от него стояли стулья и столы, поверх которых громоздились какие-то предметы, похожие на лампы или что-то в этом роде.

Минутой позже, когда Сандру принес одну из голых лампочек, прикрепленных к длинному электрическому проводу, обстановка комнаты прояснилась.

— Здесь у нас склад,— сообщил священник.— Когда мы поселились в крепости, то многие вещи,

чтоб не мешали ходить, вынесли сюда.— Он приподнял лампочку, чтобы Зефферу было лучше видно.

Выяснилось, что первоначальное представление об этой комнате у Виллема сложилось весьма приблизительное. На самом деле она тянулась на добрых тридцать пять футов в длину и примерно на столько же простиравась в ширину, а потолок (он действительно разделялся колоннами на восемь сводчатых секций) начинался на высоте шести с лишним футов. На полу без разбору были свалены мебель и всякие ящики, что указывало на явно непочтительное отношение к вещам. Зефферу подумалось, что если в этой свалке и находится какое-нибудь сокровище, то возможность отыскать его весьма и весьма невелика. Однако отец Сандру, который привел его в этакую даль, не испытывал ни малейшего смущения на сей счет, а потому не проявить никакого интереса к содержимому комнаты со стороны Зеффера было бы по меньшей мере нежелательно.

— Вы принимали участие в переноске этих вещей? — осведомился он у священника, но не из искреннего любопытства, а скорее затем, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

— Да,— ответил тот,— тридцать два года назад. Тогда я был значительно моложе. Но все равно от этой работенки ныла спина. Ведь тогда мастерили высокие вещи. Помнится, я даже думал, что истории о них не врут...

— Истории о...

— А... всякие глупости. Байки о том, что вся эта мебель была построена для свиты супруги дьявола.

— Супруги дьявола?

— Лилит, или Лилиту. Которую иногда звали королевой Земаргада. Только не спрашивайте меня почему.

— Та самая, о которой говорила Катя?

Сандру кивнул.

— Поэтому местные жители и не верят, что в нашей обители можно выzdороветь. Они думают, что на ней лежит проклятие Лилит. Но как я уже сказал, все это глупости. Чистой воды чепуха.

Чепуха или нет, однако это сообщение придало скучноватому приключению Зеффера некий аромат.

— Не позволите ли взглянуть на вещи поближе? — попросил Виллем.

— Для этого мы сюда и пришли,— ответил отец Сандру.— Надеюсь, кое-что здесь непременно вас заинтересует. Вы найдете то, что вам понравится. Ох уж эти лестницы и двери! Как давно это было...

— Вы спустились сюда только ради меня,— искренне сочувствуя, произнес Зеффер.— Если бы я знал, что это доставит вам столько хлопот, я бы...

— Нет-нет,— прервал его Сандру,— мне это во-все не хлопотно. Я только подумал, что вам может приглянуться одна вещица. Но теперь, очутившись тут, я в этом засомневался. Если честно, то, на мой взгляд, весь этот хлам следует втащить на гору и скинуть в какое-нибудь глубокое ущелье.

— Так почему же вы так не поступили?

— Это зависело не от меня. В то время я был молодым монахом и делал то, что мне говорили. Таскал столы, стулья и гобелены, а свое мнение держал при себе. Настоятелем у нас тогда был отец Николай. Он всегда твердо знал, что лучше всего послужит спасению наших душ. Переубедить его было невозможно. Поэтому мы делали то, что он нам велел. Кстати сказать, у отца Николая был на редкость скверный характер. Мы все перед ним трепетали от страха.

— Вы не обидитесь, если я вам кое-что скажу?

— Не волнуйтесь, меня не так просто обидеть.

— Понимаете... чем больше я слушаю о вашем Ордене, тем худшее у меня складывается о нем впечатление. Отец Николай с его дурным нравом, святые братья, которые знают Теду Бару. А потом еще этот бренди.

— Да, все это грехи плоти,— согласился отец Сандру.— Вам кажется, мы позволяем себе больше, чем нам положено Господом?

— Все ж таки я вас обидел.

— Нет. Просто вам открылась истина. И вообще, разве может слуга Господа обидеться на столь справедливое наблюдение? Вы ведь неспроста об этом заговорили. Дело в том, что мы все... как бы это сказать... не просто люди, у которых есть свои слабости. Некоторые из нас никогда не проводили служб для паства. А другие, как отец Николай, проводили. Но его порядки, я бы сказал, оставляли желать лучшего.

— Вы имеете в виду его характер?

— Помнится, однажды он швырнул Библию в одного прихожанина, который уснул во время его замечательной проповеди.— Зеффер прыснул, но его смех тотчас оборвался.— И убил его насмерть.

— Убил?..

— Несчастный случай, но тем не менее...

— ...Библией? Нет, не может быть.

— Во всяком случае, люди так говорят. Самого же отца Николая уже двадцать лет как нет в живых. Поэтому подтвердить или опровергнуть этот факт, сейчас некому. Будем надеяться, что это неправда. А если правда, то пусть его душа покоится с миром. Что ж касается меня, то мне никогда не поручалось проводить службы для прихожан. Вероятно, я не способен был много для них сделать.

— Почему же? — Зеффер был несколько удивлен скептическим замечанием Сандру.— Неужели вам было сложно обрести Бога в подобном месте?

— Честно говоря, мистер Зеффер, с каждой неделей моей жизни, я бы даже сказал, с каждым ее часом мне все труднее удается отыскать знамения Божии где бы то ни было. Порой мне кажется разумным попросить Его проявить себя в красоте. Возможно даже, в облике вашей дамы...

«Лик Кати как доказательство присутствия Бога? Пожалуй, не слишком удачный пример»,— подумал Зеффер.

— Простите меня,— продолжал Сандру,— вы пришли сюда не затем, чтобы выслушивать мои исповеди о потере веры.

- Что вы, я вовсе не против.
- Слишком я разболтался. Бренди делает меня сентиментальным.
- Тогда позвольте, я посмотрю, что там есть,— предложил Зеффер.
- Разумеется,— ответил Сандро.— Жаль, что я не могу вам ничего подсказать, но...— отец Сандро покал плечами,— можете начинать сами. А я тем временем, если не возражаете, пойду принесу нам выпить.
- Спасибо, но бренди я больше не хочу,— отказался Зеффер.
- Тогда принесу для себя. Я быстро. Если понадоблюсь — зовите. Я услышу.

Когда монах удалился, Зеффер на мгновение закрыл глаза, стараясь собраться с мыслями. Хотя Сандро говорил довольно медленно, его образ мышления отличался некоторой непоследовательностью. Сначала он завел речь о мебели, потом переключился на охотничьи пристрастия герцога, а спустя минуту поведал о том, что они не могли открыть в крепости больницу, потому что это место было проклято супругой дьявола.

Открыв глаза, Зеффер окинул взором громоздившуюся перед ним кучу мебели и ящиков, но ничто надолго не привлекло его внимания. Голые лампочки, конечно, не прибавляли достоинства окружающей обстановке, но даже при таком нещедром

освещении Зеффер не нашел в комнате ничего для себя интересного. Хотя некоторые предметы интерьера были, безусловно, выкованы довольно искусно, чего-то необычного они собой не представляли.

Пока он стоял, ожидая возвращения Сандру, его взгляд, миновав груду мебели, вдруг уперся в стену. Помещение оказалось выложено не голым камнем, а красивыми изразцами. Более того, по всем признакам это была чрезвычайно редкая керамическая плитка. Хотя освещение было довольно слабым, а усталые глаза Зеффера утратили остроту зрения, было вполне очевидно, что стены отделаны с невероятной замысловатостью.

Не дожидаясь появления Сандру, он принялася расчищать дорогу через свалку мебели, чтобы по подробнее рассмотреть отделку стен. Обнаружилось, что подобным образом декорирован и пол, и потолок. Словом, комната являла собой единый изразцовый шедевр, то есть каждый квадратный дюйм в ней был выложен расписанной керамической плиткой.

За все время своих путешествий и коллекционирования Виллему Зефферу еще никогда не доводилось видеть ничего подобного. Невзирая на грязь и паутину, покрывавшую в комнате все и вся, он ринулся к ближайшей стенке, достал из кармана большой носовой платок и стал оттирать ее от вековой пыли. Даже на расстоянии было ясно, что у плиточной картины сложный рисунок, но теперь, очистив

несколько плиток, Зеффер понял, что изображение на ней является собой не какой-то абстрактный, а сюжетный декор. На одном из мозаичных фрагментов он увидел дерево, а на соседнем — мужчину на белом коне. Картина потрясла Зеффера яркостью и качеством исполнения. В особенности удачно был изображен конь, который, казалось, вот-вот начнет гарцевать по комнате.

— Это «Охота», — раздался у него за спиной голос священника.

От неожиданности Зеффер вздрогнул и отпрянул от стены с такой поспешностью, будто рвался на свободу из вакуумного плена. Тотчас он ощутил, как в уголке его глаза выступила слеза, которая, вопреки закону гравитации, полетела не на пол, а на очищенную им плитку и угодила аккурат на бок изображенного на ней коня.

Разумеется, это была иллюзия, тем не менее Зефферу не сразу удалось опомниться от странности происходящего. Наконец Виллем обернулся к отцу Сандру, но образ священника расплылся у него перед взором, и потребовалось еще несколько секунд, чтобы глаза начали воспринимать окружающее. Когда же Зеффер оправился и увидел, что святой отец держит в руке бутылку бренди, то решил, что недооценил крепости этого напитка. Очевидно, бренди оказался более крепким, чем он думал, и вкупе с пристальным разглядыванием стенки воздействовал на него весьма странным образом: у него появилось ощущение, будто изображенный на плит-

ке мир — этот скачущий мимо дерева всадник — более реален, нежели стоящий на пороге комнаты священник.

— Охота? — переспросил Виллем.— На кого же здесь охотятся?

— О, на всех и вся,— ответил Сандру.— На свиней, драконов, женщин...

— На женщин?

— Да, на женщин.— Рассмеявшись, Сандру указал на фрагмент стены, который находился в нескольких ярдах от Зеффера.— Давайте посмотрим,— предложил он,— вы сами убедитесь, что все здесь пропитано непристойностью. Должен вам сказать, что люди, которые разрисовывали эту комнату, очевидно, видели странные сны. Иначе трудно объяснить, откуда к ним пришли эти образы.

Подвинув в сторону столик, Зеффер стал притискиваться между стеной и каким-то крупным деревянным сооружением, похожим на катафалк, сдвинуть который не представлялось возможным. Скользя по стене, его одеяния поработали не хуже носового платка, которым Виллем воспользовался вместо протирочной тряпки минутой раньше, и пыль ударила Зефферу в лицо.

— Где же это место? — спросил Зеффер, оказавшись на другой стороне катафалка.

— Немного дальше.— Сандру откупорил бренди и беззастенчиво отхлебнул из бутылки.

— А можно немного посветить сюда? — сказал Зеффер.

Сандру неохотно пошел за лампочкой. К этому времени она настолько накалилась, что обжигала ладонь, и священник, отыскав в соседнем ящичке какую-то ветошь, обернул ею патрон, после чего, немного помешкав, направился через груду мебели к Зефферу.

Чем ближе подносил свет Сандру, тем ярче вырисовывалась перед Виллемом плиточная картина. Она простиравалась направо и налево, вверх и вниз по всему полу. Несмотря на то что время оставило свой непоправимый след на стенах и в некоторых местах изображение было безвозвратно потеряно, а в других изрядно искажено трещинами, сюжет картины потрясал необыкновенной реальностью происходящего, словно жил собственной, независимой жизнью.

— Немного ближе,— попросил Зеффер священника, жертвуя рукавом мехового пальто, чтобы очистить оказавшийся перед ним участок изразцовой стенки.

Каждая плитка занимала площадь около шести квадратных дюймов и почти вплотную прилегала к соседней, что практически не нарушало целостности изображения. Хотя освещение оставляло желать лучшего, вполне можно было заключить, что краски картины от времени не утратили прежней яркости. Мастерство ее создателей было бесспорным. В изображении зелени Зеффер насчитал по меньшей мере дюжину разных тонов и еще множество переходных оттенков. Для воспроизведения цвета

стволов и веток использовались умбра, охра и сепия, причем столь искусно, что создавалось полное впечатление проникающего сквозь листву луча света, который выхватывал из тени древесную кору.

Правда, насколько Виллем успел заметить, далеко не все фрагменты картины были выписаны с такой тщательностью. Некоторые из них, разумеется, принадлежали кисти больших художников, другие явно были исполнены ремесленниками, а третьи — в особенности фрагменты, на которых изображалась зелень, — являлись творением учеников. Им было поручено расписывать те участки картины, к которым мастера либо не питали интереса, либо не имели времени посвятить себя целиком.

И все же это не умаляло силы воздействия картины, более того, множественность стилей наделяла ее невероятной энергией. На некоторых ее частях изображение было чрезвычайно ярким, словно находилось в фокусе зрения, на других — едва различимо; абстракции и образы соседствовали друг с другом, являясь частью единого сюжета.

Что же это был за сюжет? Как сказал отец Сандру, там изображалась своего рода охота — и не просто охота, ибо под ней подразумевалось нечто большее. Но что именно? Зеффер вперился глазами в плитки. Он застыл в нескольких дюймах от стены, пытаясь постигнуть смысл представшей перед ним картины.

— Прежде чем мы внесли сюда мебель, я имел возможность увидеть панораму целиком, — нарушил молчание Сандру. — Это вид с башни крепости.

— Но только не существующий в реальности.

— Сматря что вы вкладываете в это слово,— заметил Сандро.— Если посмотреть на противоположную стену, то можно увидеть дельту Дуная.

В сумерках Зеффер сперва различил лишь мерцание ее русла, а присмотревшись, увидел изображение болотистой местности, испещренной множеством извилистых протоков, что несли свои воды в море.

— А вон там,— продолжал Сандро,— слева,— Зеффер проследовал взглядом за его пальцем,— в углу комнаты — гора.

— Да, вижу.

Это была высокая, поросшая кустарником гора, которая, словно башня, вздымалась к небу из безбрежного океана деревьев.

— Ее называют Майской горой,— пояснил Сандро.— На шестой день мая селяне устраивают на горе танцы. Влюбленные пары, желающие зачать детей, остаются там на всю ночь. Согласно поверью, женщины, которые провели со своими мужчинами ночь на Майской горе, обязательно понесут.

— Значит, она существует? Я имею в виду в реальной жизни.

— Да, и находится справа от крепости.

— Так же, как и все прочие детали картины?

Дельта реки...

— В девяти милях отсюда в этом же направлении.— Сандро указал на стену, где была изображена дельта Дуная.

При мысли о том, что здесь, в самых недрах крепости, в красках и керамике ему открылся вид, обозреть который можно лишь с самой высокой ее точки, Зеффер невольно улыбнулся.

Теперь ему стало понятно, что означала надпись, которую он прочел на пороге: «Пусть пребываем мы на дне ада, видим мы глазами ангелов».

Комната, в которой они находились, и являлась дном ада. Но художники и их помощники, расписавшие плитки, воссоздали в ней такую обстановку, благодаря которой обитатели этой темницы обретали глаза ангелов. Намерение авторов картины было парадоксальным — ведь для того, чтобы увидеть истинный пейзаж, требовалось всего лишь взобраться на башню. Однако художники нередко оказываются подвластны подобным стремлениям, очевидно, движимые потребностью убедиться в возможности осуществления подобного замысла.

— Кому-то пришлось немало потрудиться, чтобы воссоздать этот пейзаж, — произнес Зеффер.

— О да. Это воистину потрясающая работа.

— Но вы ее скрыли от посторонних глаз, — Зеффер еще не понял, какое отношение имел священник к этой комнате, — завалили всякой рухлядью. По сути, испортили ее.

— А кому мы могли ее показать? — парировал Сандро. — Она слишком отвратительна...

— Я не заметил ничего... — Он не успел сказать «отвратительного», когда его взгляд упал на вытертую его же рукавом плитку, которую он не успел

подробно разглядеть. Посреди леса была вырублена большая круглая площадка, вокруг нее размещались деревянные скамейки. Изображение давалось в перспективе. (Решение этой задачи менялось от плитки к плитке, очевидно, потому, что их также расписывали разные художники. Стадион был представлен приблизительно на двадцати плитках, над которыми трудились пять разных авторов.) Трибуны были заполнены зрителями, бурно выражавшими свои эмоции в жестах. Одни из них стояли, другие сидели. К стадиону приближались еще две группы зрителей, хотя все места были заняты.

Однако не зрители привлекли внимание Зеффера, а зрелище, на которое те собирались посмотреть; увидев, что происходит посреди стадиона, он понял, что вызвало у священника столь нелестное суждение об этом изразцовом шедевре. Стадион являл собой арену сексуальных состязаний. Одновременно развертывалось несколько представлений, каждое из которых было откровенно непристойным. На одной части арены обнаженная женщина спаривалась с существом, вдвое большим ее по размеру, со звериным телом и адской эрекцией, которого держали за веревки четверо мужчин, очевидно, контролировавших приближение монстра к женщине. В другом месте три нагие женщины срывали кожу с мужчины. Четвертая стояла над ним, широко расставив ноги и взирая на то, как он утопает в луже собственной крови. Между тем три мучительницы облачались в лоскуты содранной кожи. Одна из них

накинула на себя лицо и плечи, из-под ошметков которых торчали ее обнаженные груди. Другая, сидевшая на земле, натянула на себя руки и ноги бедняги — они сидели на ней, как болотные сапоги. Третья, королева этого квартета, водрузила на себя то, что, по-видимому, являлось *rèce de résistance** — плоть несчастного страдальца от середины грудины до коленей. В таком ужасном одеянии она извивалась, как танцовщица, и самым удивительным было то, что некая магическая сила, известная лишь со-зателю этого жуткого рисунка, беспрестанно поддерживала эрекцию изуродованного тела.

— О боже!.. — вырвалось у Зеффера.

— Я предупреждал вас, — молвил Сандру, самодовольно улыбнувшись. — И поверьте мне, это еще цветочки.

— Цветочки?

— Чем больше вы будете смотреть, тем больше будете видеть.

— А куда именно?

— Взгляните на Дикий лес. Вон туда, где деревья.

Зеффер направился вдоль стенки к месту, на которое указывал ему Сандру. Поначалу он не заметил ничего предосудительного, пока священник не подсказал:

— Отойдите на шаг или два назад.

Рассматривая отдельные фрагменты стадиона, Зеффер подошел слишком близко к стене, поэтому,

* Главное блюдо, самое существенное. (Прим. перев.)

как говорится, за деревьями не увидел леса. Теперь, отступив назад, он обнаружил, что заросли вокруг стадиона были живыми. Это были чудовищные фигуры всевозможных очертаний и откровенно сексуального содержания. Их восставшие органы торчали среди деревьев, словно увенчанные сливами ветви. Наверху с раскинутыми в стороны ногами виднелись фигуры женщин — из лона одной из них вылетали десятка три птичек, вагина другой источала яркий свет, который струился и падал на землю возле ствола дерева, кроваво-красное ущелье третьей служило убежищем змей, которых здесь оказалось видимо-невидимо.

— Все остальное исполнено в том же духе? — поинтересовался искренне пораженный Зеффер.

— Почти. Здесь всего три тысячи двести шестьдесят восемь плиток, и две тысячи семьсот девяносто восемь из них полны непристойного содержания.

— Надо полагать, вы их тщательно изучали, — съязвил Зеффер.

— Не я. Подсчеты делал один англичанин, который работал с отцом Николаем. Сам не знаю почему, но эти цифры запали мне в память. Должно быть, все дело в моем возрасте. То, что хочешь запомнить, не можешь, а то, что вовсе ни к чему запоминать, врезается в голову острым ножом.

— Да, такая метафора ничего хорошего не сулит.

— Честно говоря, мое состояние вообще ничего хорошего мне не сулит, — ответил Сандро. — Всем

своим существом я ощущаю старость. По утрам даже в лучшие свои дни я с трудом поднимаюсь с постели. А в худшие — молю Бога о смерти.

— Господи!

— Такая участь уготована всякому, кто коротает век в подобном месте,— пожал плечами Сандру.— Со временем все, что в вас есть, истощается.

Зеффер его почти не слушал. Прикованный взором к стене, он не мог внимать душевным страданиям Сандру, ибо все его мысли были устремлены к изразцам.

— Скажите, не сохранились ли случайно какие-нибудь документы о том, как создавалась эта рабо-та? Что ни говори, но это шедевр.

— Своего рода,— согласился Сандру.

— Разумеется, своего рода.

— Что же касается вашего вопроса, то никаких записей не сохранилось. Считается, что картину создали на средства герцога Гога, после того как тот вернулся из Крестовых походов с награбленным у язычников добром, что, как вы знаете, совершалось во имя Христа.

— Неужто он построил это на средства, которые ему принесли Крестовые походы?! — невольно поразился Зеффер.

— Понимаю вас, трудно поверить, что человек совершает подобные поступки во имя Господа. Должен заметить, это всего лишь предположения, которые ничем не доказаны. Некоторые считают, что Гога пропал без вести на охоте и что вовсе не он создал эту комнату.

— Но кто же тогда?

— Алилит, супруга дьявола,— сказал святой отец, приглушив голос до шепота,— вот почему это место превратилось в обитель дьявола.

— А кто-нибудь嘅тался исследовать эту работу?

— О да. Тот самый англичанин, о котором я уже вам говорил. Джордж Сомс. Он утверждал, что обнаружил двадцать два различных стиля письма. Но это лишь то, что касается художников. А ведь были еще люди, которые создавали плитки — обжигали их, отсортировывали хорошие, готовили краску, чистили щетки. К тому же все это нужно было определенным образом расположить.

— Вы имеете в виду выкладывание плиток?

— Я имею в виду, скорее, соответствие изображения оригиналу.

— Очевидно, в первую очередь была построена эта комната.

— Напротив. Крепость на два с половиной столетия старше ее.

— Господи, как же им удалось так идеально все воссоздать?

— Это похоже на чудо. Сомс нашел пятьдесят девять географических ориентиров — отдельные камни, деревья, шпиль древнего аббатства в Дарксусе,— которые видны с башни и соответственно отражены на стене. Он подсчитал, что все они — а их всего пятьдесят девять — расположены с точностью до половины градуса относительно друг друга.

- Кто-то был одержим идеей точности.
- Или пребывал в божественном вдохновении.
- Вы действительно в это верите?
- А почему бы и нет?

Зеффер оглянулся на стенку позади, которая являла собой образчик сладострастных крайностей.

— Неужели это похоже на работу человека, который творил во имя Бога?

— Как я уже сказал,— ответил Сандро,— теперь я не знаю, где есть Бог, а где его нет.

После его слов надолго воцарилось молчание, которым Зеффер воспользовался, чтобы продолжить осмотр комнаты. Наконец он произнес:

- Сколько вы за это хотите?
- Хочу за что?
- За эту комнату?

Сандру невольно хохотнуло.

— Вы не ослышались,— продолжал Зеффер.— Сколько вы за это хотите?

— Это комната, мистер Зеффер,— попытался возразить ему Сандро.— Не можете же вы купить комнату.

- Значит, она не продается?
- Я бы так не ставил вопрос...
- Скажите мне одно: она продается или нет?

Сандру вновь прыснуло, но на сей раз его смех был вызван скорее смущением, чем несуразностью предложения.

— Думаю, нам об этом даже не стоит говорить.— Приложив бутылку бренди к губам, он сделал несколько глотков.

— Ну, допустим, сто тысяч долларов. Сколько это будет в леях? Какой сейчас курс лей? Сто тридцать две с половиной за доллар?

— Вам виднее.

— И сколько это получится? Тринадцать миллионов двести пятьдесят тысяч лей.

— Надеюсь, вы шутите.

— Ничуть.

— Откуда у вас столько денег? — изумился Сандро и чуть погодя добавил: — Могу я вас об этом спросить?

— За долгие годы я сделал несколько выгодных вложений в интересах Кати. Мы приобрели внушительную долю земли в Лос-Анджелесе. Полмили бульвара Сансет принадлежит ей. Другая половина — мне.

— И вы все хотите продать, чтобы приобрести вот это?

— Небольшую часть бульвара Сансет за вашу великолепную «Охоту». Почему бы и нет?

— Потому что это всего лишь комната, покрытая испорченной плиткой.

— Видимо, денег у меня больше, чем здравого смысла. Однако какое это имеет для вас значение? Сто тысяч долларов — довольно крупная сумма денег.

— Да, вы правы.

— Итак, мы совершаляем сделку или нет?

— Мистер Зеффер, все это для меня так неожиданно. Ведь мы говорим не о каком-то стуле. Не о каком-нибудь гобелене.

— Минуту назад вы доказывали, что это всего лишь комната, покрытая испорченной плиткой.

— Но эта испорченная плитка имеет огромное историческое значение.— Сандрю позволил себе слегка улыбнуться.

— Вы имеете в виду, что мы не сможем договориться на условиях, которые бы нас обоих устраивали? Потому что, если вы...

— Нет-нет-нет. Я вовсе не это хотел сказать. Возможно, если мы немного поторгуемся, то сойдемся в цене. Но как вы собираетесь забрать ее к себе в Калифорнию?

— Это уже мои трудности. Мы живем в двадцатые годы, святой отец. Теперь все возможно.

— И что из этого получится? Допустим, вы переправите плитку в Голливуд...

— Будет другая комната, подобных же размеров.

— У вас есть она?

— Нет, но я ее построю. У нас есть особняк в горах Голливуда. Я устрою там для Кати сюрприз.

— Не поставив ее заранее в известность?

— Если я ей расскажу об этом заранее, то никакого сюрприза не выйдет.

— Просто не могу себе представить, чтобы подобное допустила такая женщина, как она.

— А какая она?

Вопрос застиг Сандрю немного врасплох.

— Ну... такая...

— Красивая?

— Да.

— Кажется, в своем разговоре, святой отец, мы вернулись к тому, с чего начали.

Вместо ответа Сандру слегка кивнул, подняв в очередной раз бутылку.

— Выходит, внутри она не столь совершенна, сколь совершенна ее наружность? — наконец спросил он.

— Слава богу, нет.

— И это место со всеми его непристойностями могло бы прийтись ей по вкусу?

— Полагаю, что да. Почему вы спрашиваете? Это как-то связано с вашим желанием продать мне комнату?

— Даже не знаю... — Сандру нахмурился. — Весь наш разговор происходил совсем не так, как я его себе представлял. Дело в том, что я надеялся продать вам какой-нибудь стол или гобелен. А вместо этого вы пожелали приобрести стены! — Он вновь затряс головой. — Сколько раз меня предупреждали насчет вас, американцев!

— И о чем же вас предупреждали?

— О том, что вы считаете, будто вам подвластно все. Ну, или вашему кошельку.

— Выходит, денег вам недостаточно?

— Деньги, деньги... — Он испустил неприятный горловой звук. — Что вообще значат эти деньги? Вы хотите заплатить за это сто тысяч долларов? Платите. Я никогда не увижу ни лея — так нужно ли мне вообще беспокоиться, чего это будет вам стоить? С таким же успехом вы можете украсть эти плитки.

— Позвольте спросить: если я вас правильно понял, вы согласны продать комнату?

— Да,— ответил отец Сандру упавшим голосом, как будто предмет разговора внезапно потерял для него всякий смысл,— согласен.

— Отлично. Я очень рад.

Зеффер устремился через лабиринт мебели к двери, у которой стоял священник.

— С вами было чрезвычайно приятно иметь дело, отец Сандру,— протянул он руку.

Ненадолго задержав взгляд на поданной ему руке, Сандру пожал ее. Ладонь священника была холодной и липкой.

— Не желаете ли остаться и посмотреть на то, что вы приобрели?

— Нет, думаю, ни к чему. Пожалуй, нам обоим пора подставить лицо солнцу.

Ничего не ответив, Сандру развернулся и направился по коридору к лестнице. Однако, когда священник оглянулся, по его лицу стало ясно: наверху, как и в холодном подземелье, для него теперь не было никакой радости, никакой надежды на лучшее будущее.

Глава 3

Оказалось, что за время своего недолгого пребывания в потайной комнате в недрах крепости Зеффер успел рассмотреть только некоторые подробности картины, а тысячи других деталей от него

ускользнули. Лишь после того, как героические работы по отделению изразцов от стен и переправке их морем в Калифорнию подошли к концу, ему удалось познакомиться с картиной более тщательно.

Зеффер был человеком образованным, чем выгодно отличался от прочих представителей высшего общества Лос-Анджелеса — города еще молодого, переживавшего период бурного роста. Благодаря родителям его дом всегда был полон книг, хотя на обеденном столе зачастую стояла пусты изысканная, но отнюдь не обильная снедь. Он знал классиков и мифологию, из которой великие творцы древности черпали сюжеты для книг и пьес. Со временем он обнаружил на керамических плитках дюжину образов, вдохновленных известными ему мифами. Так, в одном месте изображенные женщины напоминали менад, которых увековечил древнегреческий поэт Еврипид,— это были обезумевшие души, находившиеся на службе у бога удовольствий Дионисия. Они бегали среди деревьев с окровавленными руками, разбрасывая по траве ошметки мужской плоти. На другом фрагменте в женских фигурах с одной обнаженной грудью нетрудно было распознать амазонок, которые выпускали из мощных луков шквал стрел.

Но также очень много оказалось других образов, основой которых послужили не известные Зефферу мифологические сюжеты. Так, неподалеку от дельты Дуная по лесу, изрыгая языки пламени, двига-

лись мрачной толпой огромные рыбы с человеческими, но покрытыми золотой чешуей ногами. В лесу уже вовсю бушевал пожар, и птицы, спасаясь от огня, вздымались с крон деревьев в небо.

На болоте стоял небольшой городок с домами на тонких, длинных опорах — это указывало либо на некогда существовавшее в этом месте поселение, либо на пророчество о его появлении в будущем. За счет той вольности, какую позволили себе художники в решении перспективы — слишком крупные размеры людей в сравнении с величиной домов,— жители представляли в ярких подробностях. Но и здесь не обошлось без крайностей, которыми так изобиловал Дикий лес. Так, через открытое окно одного из домов был виден стол с собравшимися вокруг него гостями, которые взирали на распостертого перед ними человека. Изо рта у несчастного вылезала голова огромного червя, а зад твари торчал из анального отверстия. Другая сцена оказалась не вполне доступной для толкования. Стая черных птиц с человеческими головами, вздыбившись вокруг маленькой девочки, то ли боготворили ее, то ли намеревались принести в жертву. В другом доме на корточках сидела женщина, из вагины которой лилась кровь. Протекая через отверстие в полу на нижний этаж, она уже образовала довольно объемную лужу, и в ней плавали несколько мужчин, ростом вдвое ниже женщины. Очевидно, под действием этого они претерпевали отвратительные метаморфозы: головы мужчин обретали темные

уродливые очертания, а из спин вырастали демонические хвосты.

Как и предупреждал Зеффера отец Сандрю (уж не хвастался ли он?), на пейзаже не было ни единой сцены, которая не потрясала бы изощренностью замысла. Даже вроде бы совершенно невинные обла-ка в одном месте изливались огненным дождем, а в другом — метали на землю черепа. В открытом небе, словно увлеченные божественной музыкой тан-цуоры, самозабвенно плясали посреди падающих звезд демоны. И на том же небе, словно заявляя, что этот мир сумерек вечно пребывает на грани темно-ты и угасания, светило солнце; на три четверти его затмевала луна, написанная на редкость искусно: проплывая перед дневным светилом, она казалась настоящей, с идеально сферическим телом.

Еще на одном фрагменте картины был изобра-жен некий род царствующих особ — очевидно, пра-вившие с давних времен короли и королевы Румы-нии,— которые поочередно спускались в могилу. Чем глубже они входили в землю, тем больше иска-жались их благородные черты, становясь добычей стервятников — те без зазрения совести вырывали королевские глаза и языки, некогда вешавшие зако-ны. Чуть дальше бесновались ведьмы: они выпи-вали спираль вокруг места, обозначенного камнями. Там, среди валунов, словно брошенные куклы, лежа-ли их невинные жертвы — младенцы, из жира ко-торых колдуны готовили летучую мазь и обильно натирали ею свои тела.

И несмотря на то что изображенный на картине мир был преисполнен чудовищных и подчас совершенно невероятных явлений, основным сюжетом все же была Охота.

Многие сцены не претендовали на какой-либо особый подтекст, они просто подчеркивали редкостное великолепие этого творения; выполненные с величайшим мастерством, они казались настолько живыми, будто писались с натуры. Среди таковых была свора собак — белых, черных и пегих. Одна псина ласково обхаживала сосущих ее щенков; других стоявшие крестьяне придерживали в намордниках, третью, ведомые на поводке, яростно рвались в бой, стремясь поскорее примкнуть к большому отряду охотников. Собаки сопровождали хозяев повсюду. Даже когда герцог, преклонив колена, молился, с ним рядом, низко опустив голову — точно выражая глубочайшую признательность за оказанное ему доверие,— сидел благородный белый пес. В другой сцене собаки плескались в реке, пытаясь поймать лосося, очертания которого виднелись в прозрачной голубой воде. В следующем фрагменте гончие и охотники поменялись ролями, что не имело никакого скрытого толкования — просто художники, очевидно, решили пошутить. Холеные породистые собаки сидели за длинным, красиво убранным столом, который расставили на опушке леса, а под их ногами, обутыми в сапоги, дрались за обедки и кости несколько голых мужчин. Однако

когда Зеффер пригляделся, то увидел, что это сори-
шье собак представляет собой еще более несуразное
зрелище, чем ему показалось вначале. Во-первых,
потому что псов было тринадцать, а во-вторых, по-
тому что во главе стола восседала псина, уши кото-
рой пронизывал нимб. Это была собачья «Тайная
вечеря». Тот, кто знал, в каком порядке традицион-
но размещались на картинах апостолы, мог без тру-
да отыскать их в собачьем обличье. Авторы Еван-
гелий сидели на своих привычных местах; Иоанн
восседал рядом с мессией, Иуда — напротив, а
Петр (сенбернар) примостился у самого края стола.
Лоб Петра был нахмурен — очевидно, ученик уже
знал, что к исходу ночи трижды отречется от своего
учителя.

На прочих фрагментах картины собаки делались
участниками куда более жестоких событий. То они
разрывали на части кроликов, то сдирали шкуру с
загнанного в тупик оленя, то сражались в неравной
схватке со львом, которая для многих из них стала
роковой. Кое-кто, волоча по земле рваное брюхо,
покидал поле боя. Кому-то еще больше не поздоро-
вилось — мертвый пес с высунутым языком висел
на дереве, а другие собаки, истекая кровью, лежали
на траве. Находившиеся поодаль охотники ожида-
ли, пока лев в схватке с псами истощит свои силы,
чтобы приблизиться к нему и вступить в решаю-
щий бой.

Но наиболее отвратительными были сюжеты, в
которых охота сочеталась с эротикой. Таковой, на-

пример, была сцена, в которой собаки загнали нескольких обнаженных мужчин и женщин в ущелье, где им повстречалась группа вооруженных копьями и сетями охотников. Перепуганные парочки прижались друг к другу. Между тем охотники знали свое дело. Мужчин насадили на копья, а женщин, опутав сетями, свалили на тележку и увезли. Их ожидала довольно своеобразная служба. Изучая плитки слева направо, Зеффер обнаружил, что в соседней долине высвобожденных из сетей женщин привязывали за ноги к огромным кентаврам, чтобы те могли удовлетворить свою похоть.

Очевидно, для художников оказалось нелегкой задачей отобразить в подробностях реакцию женщин на это жуткое действие. Одна из них, с разорванной плотью, откинув голову назад и истекая кровью, в дикой агонии визжала. Других этот зверский акт, напротив, ввергал в экстаз — во всяком случае, они в восторге прижимали лица к тушам своих насильников.

Но на этом история еще не заканчивалась. Последующие картинки повествовали о том, что некоторые из мужчин, претерпевших в ущелье страшную экзекуцию, сумели-таки выжить и вернулись, дабы уничтожить надругавшихся над их женами кентавров. Эти сцены были исполнены с наибольшим мастерством. Спасшиеся от гибели мужья, чтобы не уступать кентаврам в быстроте ног, явились пред ними верхом на конях. Кентавры же, отягощенные теми женщинами, которых таскали под

брюхом для собственного удовольствия, не сумели спастись бегством и потерпели поражение. Некоторые из них попали в арканы и были задушены ветвями, других пронзили копья. Однако не всем женщинам посчастливилось освободиться. Хотя мужья, безусловно, стремились их спасти, многие приняли смерть под телами своих насильников.

Возможно, в этом сюжете и прослеживалась некоторая мораль, напоминавшая о беззащитности невинных женщин, которые стали невольными жертвами ожесточенной борьбы двух племен. Тем не менее художники, казалось, изображали эти сцены не как возмущенные свидетели зверского надругательства над женской плотью, а с откровенным удовольствием. Из этого следовало, что запечатленные в изразцах сюжеты были призваны доставлять наслаждение тем, кто им подражает, кто возбуждает ими свое воображение или воспроизводит в красках на стене. Другими словами, весь воплощенный на плиточной картине мир был чужд всякой нравственности.

Можно было бы еще долго перечислять список ужасов и зрелищ, представленных на этой картине: площадки, на которых бесновались демоны и состязались меж собой гомосексуалисты; сидящие на крышах домов суккубы*, блаженные дурачки в оде-

* Дьявол в обличье женщины, приходящей ночью к спящим мужчинам. (Прим. перев.)

янии из коровьего навоза, сатиры, могильные, придорожные и домовые духи; короли в обличье ласки и разжиревшие жабы. И так далее и так далее, за каждым деревом и на каждом облачке, скользя вниз по водопаду или выглядывая из-за горного выступа — повсюду виднелись, подчас в обличье зверей, похотливые образы мира, который человечество прятало в недрах своего подсознания и к которому в отчаянии взывало долгими ночами.

Хотя Голливуд еще в младенческие свои годы заявил о себе как о средоточии искусства воображения, перед его камерами никогда не происходило (и вообще не могло произойти) того, что хотя бы отдаленно напоминало сюжеты, воспроизведенные художниками и их подмастерьями на плиточном шедевре.

Как сказал Сандро, это была Страна дьявола.

Нанятым в Браскове людям Зеффер платил в пять-шесть раз больше, чем стоила подобная работа в этом городе. Он хотел, чтобы они выполнили свое дело качественно, а потому подыскивал таких мастеров, у которых голова работала лучше рук. Сумму расходов, необходимых для того, чтобы отодрать картину от стены, он определил для себя сам. Также Виллем нанял троих картографов, чтобы они записали, в каком порядке располагались плитки в картине. Тщательно пронумеровав изразцы на обратной стороне, они подготовили обстоятельный отчет

о том, как фрагменты картины были выложены на стене и по какому принципу им присваивались номера. Кроме того, картографы составили подробное предписание к упаковке и переправке груза, включая исчерпывающую характеристику тех плиток, которые были повреждены до упаковки или по невнимательности мастеров, отдиравших изразцы от стен, сложены неправильно (таковых насчиталось сто шестьдесят штук; большинство из них оказалось перевернуты на девяносто или сто восемьдесят градусов, но уставшие, сбитые с толку, а то и просто пьяные мастеровые не могли понять, какой ужас охватил при этом Зеффера). Благодаря достаточно скрупулезной подготовке после распаковывания плиток в каньоне Холодных Сердец их без труда можно было бы разместить в первоначальном порядке.

Одннадцать недель ушло только на то, чтобы подготовить картину к вывозу из крепости.

Разумеется, эти работы привлекли к себе немало внимания как со стороны братьев, которые были посвящены в происходящее отцом Сандру, так и со стороны селян, имевших о случившемся весьма смутное представление. Ходили слухи, что плитку увозят из крепости, потому как она подвергает опасности души святых отцов. Но какого рода была эта опасность, люди точно сказать не могли и поэтому строили всевозможные догадки.

Довольно крупная сумма денег, вырученная за продажу плитки и находившаяся теперь во владе-

нии Ордена, оказалась слишком мала, чтобы изменить жизнь монахов, не говоря уже о том, чтобы провести какие-либо коренные преобразования в братстве. Некоторые священники придерживались мнения, что картину продавать не следовало — но не из-за ее художественных достоинств, а потому, что считали неблагоразумным выпускать в мирскую жизнь столь нечестивые образы. На это отец Сандру, который теперь все чаще на глазах у братьев прикладывался к бутылке, лишь насмешливо отмахивался рукой.

— Какое это имеет значение? — отвечал он на подобные сетования.— Ведь это, слава богу, всего лишь плитки.

Многие святые братья отнеслись к его решению с неодобрением, ему даже пришлось выслушать весьма красноречивое порицание от одного пожилого монаха: упирая на то, что Бог доверил им охранять картину, брат назвал ее продажу циничным и легкомысленным поступком. Возможно, там, в мирской жизни, она никому не сослужит дурной службы, говорил он, но какой вред нанесет невинным душам.

Однако его слова оставили Сандру равнодушным. Он давно знал: в Голливуде нет невинных душ, равно как нет на картине ни одной греховной сцены, что могла бы стать откровением для обитателей этого американского местечка. Он говорил с уверенностью, которой на самом деле не ощущал, но которая произвела впечатление на собратьев, по

крайней мере на большинство из них, и заставила не согласных с ним членов Ордена наконец замолчать.

Относительно использования денег у святых братьев также не было общего мнения. Представители старшего поколения и некоторые молодые монахи считали, что деньги получены сомнительным образом, поэтому нужно распределить их среди бедняков — по их разумению, это являлось единственным благочестивым выходом из создавшегося положения. Как ни странно, это предложение почти никто не поддержал. Хотя против того, чтобы часть денег передать нуждающимся, никто не высказывал возражений, существовало много других проблем, решение которых упиралось в недостаток средств. Кое-кто настаивал на том, что Ордену необходимо оставить крепость и обосноваться в каком-нибудь другом месте, где тень дьявола не будет преграждать им путь и они смогут найти дорогу к Богу. Но Сандро отклонил это предложение, подкрепив свое убеждение на редкость красноречивыми и убедительными доводами. Заплетающимся от алкоголя языком он сказал, что не испытывает никакого сожаления из-за продажи плитки, более того, безмерно рад, что не упустил возможности от нее избавиться — мол, это тот редкий случай, который выпадает лишь раз в жизни.

— Теперь, — сказал он, — у нас есть деньги, чтобы обновить это место. Открыть наконец больницу, как было задумано ранее. Подумать, что можно сде-

лать, чтобы возродить эту землю, чтобы виноградники процветали, как в старые добрые времена. Наш путь совершенно ясен. Неважно, сохранилась наша вера в Бога или нет, лечить людей мы все равно можем. И можем растить виноград. Чтобы наша жизнь наконец могла вновь обрести смысл.

Сандру улыбался. Слово «смысл» не появлялось у него на устах уже много лет, поэтому он произнес его с явным удовольствием. Однако, пока он говорил, улыбка все больше угасала на его быстро бледнеющем лице.

— Прошу меня простить,— схватившись за живот, произнес священник.— Меня тошнит. Я выпил слишком много бренди.

С этими словами он достал из-под рясы бутылку, из которой пил с раннего утра, и неловким движением поставил ее перед собой на стол. Затем повернулся и поплелся на свежий воздух. Никто не встал, чтобы его сопроводить. В крепости больше не осталось близких ему людей. Старые друзья, смущенные безмерной тягой отца Сандру к спиртному, не решались поддерживать его вслух, опасаясь, что это может плохо отразиться на их дальнейшем продвижении. Поэтому, когда среди погибшего виноградника он почувствовал головокружение, рядом с ним никого не было.

Сгущались сумерки. Лето прошло, и в воздухе веяло прохладой. На чистом синем небе уже зародилась молодая луна, ее бледный серп едва показался из-за горных вершин.

Глядя на ночное небо и луну, Сандру старался успокоиться, надеясь, что ему удастся утихомирить боль в сердце и вернуть жизнь своим онемевшим пальцам. Но что за безобразие происходило с ними? Внезапно он осознал, что спазм пальцев случился вовсе не от излишне выпитого им алкоголя. Он умирал.

Он знал, что в монастыре имеется лекарство от сердечных болезней. Если удастся быстро добраться до братьев, он сможет оттянуть свой конец. Сандру развернулся лицом к крепости и попытался крикнуть кого-то на помощь, однако его грудь сковал такой страх, что священник не сумел извлечь из себя ни звука. Ноги подкосились, и он упал лицом прямо в грязь. Почувствовав во рту ее противный горький вкус, он из последних сил оттолкнулся от гадкого месива и кое-как перевернулся на спину.

Больше шевельнуться он не мог, но это уже не имело никакого значения. Ведь небо над головой было таким красивым! В течение шести или семи коротких вздохов Сандру созерцал единственную звезду, что ярко зажглась на ночном небосклоне, после чего навеки простился с жизнью.

Братия обнаружила его тело лишь поздно ночью, когда старый двор с мертвой виноградной лозой тронуло первым морозцем. Тело святого отца заиндейело, в особенности его круглый нос и спутанные пряди бороды. Даже на неподвижных глазах старика мороз оставил свои филигравные узоры.

Глава 4

Никакой больницы в крепости так и не открыли — ни тогда, ни позже,— равно как не было приложено ни малейших усилий, чтобы возродить виноградник и вернуть процветание прилежащим землям. С уходом из жизни отца Сандру (в относительно молодом возрасте — шестидесяти двух лет) и без того незначительный запал к преобразованиям, которым братья загорелись вначале, быстро иссяк. Более молодые члены предпочли покинуть Орден; трое из них примкнули к мирской общине. Не прошло и года, как один из них, молодой человек по имени Ян Валек, свел счеты с жизнью, оставив после себя длинное предсмертное послание, адресованное его бывшим собратьям. Он сообщал, что после смерти отца Сандру ему привиделся сон.

«Я видел отца в нашем винограднике, который был весь охвачен пламенем,— писал он.— Зрелище произвело на меня ужасное впечатление. Небо заполонил черный дым, из-под которого едва пробивалось солнце. Отец Сандру сказал мне, что наш мир — самый настоящий ад, избежать которого можно только расставшись с жизнью. Хотя вокруг царила мгла, лицо его было светлым и ясным. Он сожалел, что не умер раньше, а вместо этого столько лет страдал.

Я спросил его, разрешают ли ему в том месте, где он сейчас находится, пить бренди. И он ответил, что

не имеет в том нужды, что он совершенно счастлив и не испытывает никакой потребности в том, чтобы выпивкой приглушать душевную боль.

Тогда я сказал ему, что он ушел из жизни пожилым человеком с больным сердцем, а у меня еще вся жизнь впереди. Я полон сил, говорил я ему, и если повезет, то проживу долгих тридцать, а то и сорок лет, которые для меня будут сущим адом. Так что же мне делать?

— Забери свою жизнь,— ответил он мне так, словно в этом ничего особенного не было.— Пере режь себе горло. Бог поймет.

— Поймет? — засомневался я.

— Конечно,— подтвердил он.— Этот мир — су щий ад. Оглянись. Что ты видишь вокруг себя?

Я сказал, что вижу огонь, дым и черную землю.

— Ну вот,— произнес он,— это и есть ад.

Хотя, конечно, все это происходило во сне, я заверил отца Сандру, что собираюсь последовать его совету. Пойду в свою келью, достану острый нож и убью себя. Но, как обычно бывает во сне, по какойто причине домой я не пошел. А направился в Бухарест. В кинотеатр, куда меня иногда водил отец Стефан. Мы зашли с ним внутрь. Нашли места, и Стефан велел мне садиться. Потом начался фильм. Эта картина была о некоем земном рае, увидев который я невольно прослезился. Музыка, внешний вид людей — в том месте все казалось совершенным. Мужчины и женщины там были такими красивыми, что, глядя на них, у меня перехватывало дыхание.

хание. Особенно меня потряс один молодой человек — мне немного стыдно об этом писать, но если я не сделаю этого признания сейчас, в своей последней исповеди, то другой возможности не будет. Этот юноша с темной шевелюрой и светящимися глазами был на экране совершенно обнажен. Протягивая ко мне руки, он приглашал меня в свои объятия. Я обернулся к отцу Стефану, и он сказал мне именно то, что в этот миг пронеслось у меня в голове:

— Он хочет забрать тебя с собой.

Я начал было отрицать, однако Стефан, прервав меня, заявил:

— Посмотри на него. Посмотри на его лицо. Оно безупречно. Взгляни на его тело. Оно совершенно. А вон там — между ног...

От стыда я закрыл лицо руками, но Стефан, оторвав мои ладони от лица, велел мне не смущаться, а просто смотреть и наслаждаться зрелищем.

— Бог создал все это для нашего удовольствия,— произнес он.— Разве бы он вложил в нас такую жажду созерцания наготы, если б не хотел, чтобы мы получали от этого удовольствие?

Я спросил Стефана, почему он считает, что эту страсть в нас вложил Господь,— возможно, это все происки дьявола, который хочет заманить нас в свои сети. Рассмеявшись, он обнял меня и поцеловал в щеку, как малое дитя.

— Никакие это не происки дьявола,— возразил он.— Для тебя это приглашение в рай.

Он еще раз меня чмокнул в щеку, и тогда я явственно ощутил на себе теплое дуновение весны, словно оказался в той стране, что жила своею жизнью на экране. Ветерок пробудил во мне желание умереть в радости, потому что в воздухе веяло запахом того времени, о котором я давно позабыл.

На этот раз я вернулся в свою келью. И нашел нож. Закончив писать и оставив письмо на столе, я пойду в поле и перережу себе вены на руках. Знаю, нам говорили, что самоубийство — большой грех и что Господь не хочет, чтобы мы причиняли себе вред. Но если Он и в самом деле не желает моей смерти — тогда почему нож оказался у меня под рукой. И почему мое сердце ныне преисполнено такого покоя и мира?»

Тело молодого монаха нашли примерно в ста ярдах от того места, где некогда был обнаружен окоченевший труп Сандру. Последовавшая вскоре после смерти старого священника кончина Яна Валека нанесла решающий удар по братству. Из Бухареста вскоре прислали приказ о том, что Орден святого Теодора расформирован, ибо, как отметил архиепископ, в крепости больше нечего охранять. Братия была в большей мере востребована в обычной церкви, чтобы помогать больным и умирающим и предлагать Божье утешение тем, кто в нем особенно нуждался.

Не прошло и недели, как Орден святого Теодора покинул крепость Гога.

У некоторых селян было подспудное чувство, будто крепость сама побуждала братьев к выселению, и, словно в подтверждение этого, вскоре после их отъезда в ней началось стремительное самоуничтожение. Возможно, то было обыкновенное суеверие, но тем не менее казалось довольно странным, что сооружение, на протяжении пяти столетий сохранявшее свой прочный вид, стало разрушаться чуть ли не на глазах, едва из него выехала община монахов.

К тому же наступившая вскоре зима выдалась на редкость суровой. И хотя в былые времена случалось, что снега выпадало еще больше, под его весом никогда не прогибались крыши домов. Бывало, дули и более сильные ветра, но окна при этом никогда не распахивались и не разбивались. И несмотря на то что во время наводнений первые этажи нередко затопляло, двери домов прежде никогда не срывались с ржавых петель.

Ко времени, когда весна вступила в свои права — в тот год это случилось в последних числах апреля, — крепость обрела совершенно необитаемый облик. Казалось, ее покинул некий дух, предоставив погоде довершить внешний распад, что, надо сказать, та делала совершенно простодушно. Летняя жара, в своей беспощадности не уступавшая лютой зиме, изничтожила тканые ценности здания, особенно пострадавшие от червей, мух и ос, которые там усердно прорывали ходы, откладывали яйца и соружали гнезда. Если при постройке крепости дере-

вяные балки с трудом могли втащить наверх десять дюжих мужиков, то теперь, высохнув и превратившись в пыльные, изъеденные насекомыми палки, эти элементы конструкции словно составляли хрупкий скелет громадной птицы. Не в силах выдержать давивший на них сверху груз, они обрушивались, увлекая за собой целые этажи.

К сентябрю крепость превратилась в груду развалин. Комната с кроватями, каковую братия некогда намеревалась превратить в больничную палату, теперь стояла под открытым небом. С первыми осенними дождями матрацы, на которых предполагалось разместить больных, покрылись грибком и плесенью. Словом, то, что некогда было воистину крепостью, теперь стало зловонным кладбищем гниющих вещей.

И наконец, где-то в середине следующей зимы, когда морозец вполне устоялся, треснули и провалились перекрытия нижнего этажа крепости — того самого, куда отец Сандру некогда сопроводил Зеффера, чтобы показать ему изразцовую картину. Теперь комната, где она прежде находилась, была доступна всем ветрам и бурям. Okажись кто-нибудь в ней той зимой, он стал бы свидетелем удивительного зрелища: сквозь восемь куполов, которые потрескались, как яичная скорлупа, спиралевидными нитями струился снег. Комната была совершенно пуста. Прежде чем приступить к извлечению плиток, нанятым Зеффером рабочим пришлось освободить помещение от той мебели, что здесь скла-

дировали монахи. Кое-что украли, кое-что пошло на дрова, а прочее — примерно четверть от общего числа — осталось гнить в том месте, где было свалено. Падающий изящным серпантином снег покрывал пол комнаты островками снега, которые не только не таяли на протяжении четырех холодных месяцев, но с каждым новым снегопадом и бурей становились все выше и шире.

Накануне оттепели, наступившей в середине апреля, под грузом снега и льда сводчатый потолок окончательно проломился и рухнул вниз. Никто не видел и не слышал, как и когда это случилось. Комната, которая на протяжении нескольких веков хранила плиточный шедевр, была похоронена под грудой штукатурки, дерева и камня, заполнивших ее до половины. И в последующие годы никто из явившихся сюда порой посетителей — каждое лето к крепости приезжали исследователи, которые подчас воображали себе, будто ступают на территорию некоего мрачного, но таинственного мира, очевидно принадлежавшего Владу Цепешу, чьи легендарные земли простирались в Трансильвании, расположенной всего в ста милях к западу, — никто особенно не стремился раскопать руины, равно как никто не задавался вопросом, какую роль исполняла на протяжении долгого времени погребенная под обломками комната. Но и прояви исследователи к ней искренний интерес, вряд ли даже самым умным из них удалось бы прийти к правильному заключению. Тайна разрушенной комнаты пребы-

вала теперь на другом континенте и готовилась к тому, чтобы своим сомнительным содержанием уладить взор новой и притом весьма уязвимой аудитории. Эти мужчины и женщины, подобно изразцовому шедевру, совсем недавно покинули свою родину и в погоне за славой оставили домашний очаг и отвергли алтарь — единственные талисманы, способные защитить их от вероломства «Охоты»...

Литературно-художественное издание

**Клайв Баркер
ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА**

Ответственный редактор **А. Жикаренцев**

Художественный редактор **И. Сауков**

Иллюстрации **С. Шикин**

Технический редактор **О. Шубик**

Компьютерная верстка **А. Скурихина**

Корректоры **В. Дроздова, Н. Тюрина**

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»

197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, д. 20/7.

Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5.

Тел.: 411-68-86, 956-39-21. Интернет/Home page — www.eksмо.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksмо.ru

• Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksмо-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.

**1 марта 2004 года открывается новый мелкооптовый филиал ТД «Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34**

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»).

Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (здание МДМ, м. «Фрунзенская»).

Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Северо-Западная компания представляет весь ассортимент книг

издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.01.2004.

Формат 84x100^{1/32}. Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 12,48.

Тираж 5000 экз. Заказ 3664.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

КЛАЙВ БАРКЕР

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА

«Я видел будущее жанра «хоррор», и это – Клайв Баркер», – сказал некогда Стивен Кинг. Однако он ошибался. Клайв Баркер, талантливейший писатель, актер, постановщик нескольких собственных пьес, кинорежиссер, очень быстро перерос те узкие границы, что отвел ему мэтр мистики. Сейчас Клайв Баркер – один из лучших писателей современности, творящий на стыке всех возможных литературных жанров. Для одних он – искусный создатель миров, для других – пророк, видящий нечто такое, что недоступно взору обычного человека.

Роман «Восставший из ада», по мотивам которого снят культовый сериал, стал некоей вехой в развитии не только мистической литературы, но и литературы мировой.

ISBN 5-699-05434-0

9 785699 054343 >